

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 7-4
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 ИЮЛЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 7-4

Периодический научный сборник

*по материалам
XVI Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 июля 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 7-4

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XVI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 июля 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО "Академия труда и социальных отношений" в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Duleba M.</i> ON THE ESSENCE OF JAZZ AS AN EXPRESSION OF AFRO-AMERICAN IDENTITY IN THE POEM OF TED JOANS «JAZZ IS MY RELIGION».....	5
<i>Валеева А.Р.</i> СЕМАНТИЗАЦИЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДУЕМОЙ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПО ТЕМЕ «ИГРЫ И ИГРУШКИ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ	8
<i>Гридяева Д.А.</i> ТИПЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРЕДМЕТАМИ В РАМКАХ РЕЛЯЦИОННО-ПРЕДМЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	11
<i>Дубова М.А., Чернова Л.А.</i> МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АНАЛИЗА ДИАЛОГА КАК СПОСОБА РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «МОЛОХ»).....	15
<i>Зиньковская А.В., Мануэльян А.Г.</i> ЖАНРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Р. КИПЛИНГА.....	20
<i>Капустина О.Л.</i> ЭЛЕМЕНТЫ УРОКА КОММЕНТИРОВАННОГО ЧТЕНИЯ	24
<i>Козубовская Г.П.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА	26
<i>Колижук Л.В.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «GOOD» (ДОБРО) В ПАРЕМИЯХ	31
<i>Косырева М.С.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ГЛОБАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЯЗЫКАХ.....	34
<i>Кузьмина Е.К., Андрианова Н.С.</i> ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ	37
<i>Кулакова Е.А.</i> ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛИНАРОНИМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	40
<i>Кульсарина Г.Г., Фаткуллина Ф.Г.</i> ФИТОНИМ «АФАС» («ДЕРЕВО») В БАШКИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	42
<i>Малиева З.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕН НАРТОВ.....	46
<i>Ненарокова М.Р.</i> «БЕРНСКИЕ СХОЛИИ» К «БУКОЛИКАМ» ВЕРГИЛИЯ: ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЕ	49
<i>Ненарокова М.Р.</i> «... ДЛЯ ВАС, МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ ...»: ЭЛЬФРИК ЭЙНШАМСКИЙ КАК АВТОР УНИКАЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА	60
<i>Новикова Л.В., Беспалова Е.С.</i> К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	68
<i>Сайнбаяр Ваиша</i> ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОСОБЕННОСТЬ «ХОЖДЕНИЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	70
<i>Саяхова Д.К.</i> ПОНЯТИЕ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА	75
<i>Трегубов А.Н.</i> ИДЕИ ФОНОСЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	78
<i>Хаматханова С.С.</i> ПРОБЛЕМАТИКА И СТИЛИСТИКА РОМАНА СИДА ЧАПЛИНА «ДЕНЬ САРДИНЫ».....	83

<i>Хрестолубова Г.А.</i> СЛОЖЕНИЕ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СТИХОТВОРЕНИЯ А. КЫШТЫМОВА «ЛИСТОПАД ВЕРТИКАЛЬНЫЙ...»	87
<i>Яковлева Е.В.</i> ИНТЕРЪЕКТИВЫ – НОЭМАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ СМЫСЛА.....	89
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	93
<i>Задоров В.Б.</i> К НАЧАЛАМ КОСМОСОЦИОЛОГИИ, ПОЛОЖЕННЫМ УЛЬРИХОМ БЕККОМ.....	93
<i>Новиков А.В., Газарян А.Ю.</i> ОБ УРОВНЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЕ ЕГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ.....	112
<i>Оборский А.Ю.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	116
<i>Плеханова О.В.</i> ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ И ПРОПАГАНДЫ.....	122
<i>Ревазов В.Ч., Пилюева Д.Э., Чакалова В.Ш.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАРКЕТИНГА НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	125
<i>Савченко К.Г.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	129
<i>Терещенкова Е.В., Воронов К.А., Задойко А.В., Шилина С.А.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИМУЛОВ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ.....	132

**ON THE ESSENCE OF JAZZ AS AN EXPRESSION
OF AFRO-AMERICAN IDENTITY IN THE POEM OF TED JOANS
«JAZZ IS MY RELIGION»**

Duleba M.

Student of Faculty of Arts of Comenius University in Bratislava,
Department of British and American studies, Slovakia, Bratislava

Purpose of the following article is to explain how Afro-American beatnik poet Ted Joans uses motives of Afro-American ethnic history same as history of jazz as a musical genre in his poem “Jazz is my religion” in order to express the pride in his ethnic identity. The poem is analyzed in relation to its historical and socio-political context.

Key words: Ted Joans, beat generation, Afro-American poetry, jazz, racial segregation, American history.

Jazz as a phenomenon offered a valuable platform for Afro-American poets in the 20th century to express pride in their ethnic identity. Jazz, arguably one of America’s greatest gifts to the world, is inarguably a product of the Black-American culture, with its primary musical elements being deeply traced in the mystical rhythms of the African roots and the so called “Negro spiritual” [4, p. 43]. Although many Afro-American intellectuals in the twenties and thirties did not see jazz due to its connection to the low-social status and anti-intellectual values as a valuable source of inspiration, Langston Hughes – a major Afro-American 20th century poet, leading figure of the *Harlem Renaissance* movement and one of the founders of the so called “jazz poetry”, praised jazz as a unique product of the Afro-American culture and a potential embracing of understanding between the two very contrasting, although neighboring cultures [7, p. 78].

Jazz as a musical genre was indeed the first unique product of the Afro-American culture which was enthusiastically appreciated by the masses of white listeners. Similarly, a ragtime band in *New Orleans* under the baton of the white jazz legend Papa Jack Lane was the first band at the start of the 20th century, where black and white musicians played side by side and despite many difficulties managed to form friendships [7, p. 84]. Although racial segregation in the south in the first half of the 20th century was very strict – at the concerts for whites, musicians with pure African heritage were usually not allowed to go to a bar to grab a drink for their co-players. The First racially mixed recording session happened in New Orleans in 1923 [7, p. 123]. Furthermore, not only that jazz as a musical genre became a reason for a certain spectrum of white listeners to appreciate the genius of the African soul, but jazz also became a liberating expression of the sufferings involved in the history of slavery, followed by the new history of oppression, racial segregation and discrimination [2, p. 150]. Langston Hughes justified his interest in jazz music in the following manner: *Jazz to me is one of the inherent expressions of Negro life in America; the eternal tom-tom beating in the Negro*

soul—the tom-tom of revolt against weariness in a white world, a world of subway trains, and work, work, work; the tom-tom of joy and laughter, and pain swallowed in a smile [7, p. 153]. The purpose of the following essay is to find out in what manner jazz reflects the Afro-American identity, with the use of Ted Joan's "Jazz is my religion", first published in the early sixties, as a representative example of the so-called "jazz poetry".

Ted Joans, a beatnik Afro-American poet who, despite being a close friend of such iconic figures as Allen Ginsberg and Jack Kerouac, never achieved such high recognition as some of his beatnik counterparts [3, p. 78], followed the tradition set up by a certain spectrum of Afro-American intellectuals in the course of the 20th century and glorification of the African soul through the usage of jazz rhythmicity and African tonnage became a central theme of his poetics. In 1942, when Ted Joan's was only fourteen years old, his father was killed by white racists in race riots [3, p. 78] This motivated Ted Joans to dedicate his artistic efforts to studying African cultural heritage and capturing its divine essence in his very energetic but at the same time meditative poetry. As he writes in his poem "Africa": *Africa I guard your memory/ Africa you are in me/ your future is my future/ your wands are my wands* [3, p. 44].

According to the music historian Burton W. Perretti, *jazz* in reference to what we today understand as "jazz music" was firstly used in 1916, in the New Orleans newspaper *Times-Picayune*, in the article about "*jas bands*" [7, p. 52]. In understanding jazz as an outcome of the Afro-American culture, it is important to mention that in 1900 ninety percent of Afro-Americans were still living in the south. Being oppressed by the "Jim Crow Laws" and seen as lower class citizens, music became for many Afro-American musicians a natural way of dealing with the omnipresent frustration, but also a more pleasant way of making a living or at least earning some extra money—as concerts for whites were often very well paid. The very first sparkles of the jazz music and especially its unique essence might be traced to the arrival of new and one of the last waves of West-African slaves at the very start of the 19th century in New Orleans. West-African religions involved communal gatherings accompanied by wild dancing, drumming and ecstatic speaking of a person possessed by ghosts. As it was difficult for New Orleans slave-owners to Christianize new workforce, slaves were allowed to gather every single Sunday and enjoy dancing to the African rhythms as far as they did so in the name of the Christian god, instead of worshiping pagan religions which in Africa differed from tribe to tribe. More than that, slaves in New Orleans were allowed to play on the European instruments as guitar and violin and African polyrhythmic rhythm got for the first time in touch with the sound range that previously belonged purely to the culture of whites [7, p. 24]. Christianization of the black slaves was seen as an essential tool of control of the white slave-owners, but it also functioned as a justification of slave-owner's unethical behavior [6, p. 139]. As a result, the sensibility of African mysticism adapted biblical psalms in its very own and unique manner. Therefore, the motives of "jazz" and "religion" are placed in a direct synthesis to each other not only in order to express the poet's affection for the musical genre, but also to embody the history hidden behind the jazz's crea-

tion. As written by Ted Joans: *It wasn't for us to choose because they created it for a damn good reason/ as a weapon to battle our DUES!* [3, p. 66].

In New Orleans in the 19th and early 20th century, much of the musical culture was concentrated around churches – ranging from classically trained services to the livelier ring shouts of evangelical churches [7, p. 152]. Kid Ory, one of the early 20th century influential jazzmen who enthusiastically picked up Afro-American kids from farms and taught them how to play musical instruments, regularly attended “holly rollers” church services in order to seek an inspiration in the energetic music, which according to him, was “not lacking swinging” [7, p. 156]. Influential evangelical Afro-American musicians like Buddy Bolden (1877– 1931) and King Oliver (1885– 1938) obtained much of their styles from the evangelic church services, even though their ecstatic swinging became an essential part of New Orleans pubs and brothels [7, p. 158]. Some music historians label Buddy Bolden as a father of the jazz music, since he was the first one to incorporate blues elements into the ragtime swinging and thus created a sufficient space for an individual improvisation, which is today regarded as an essential element of any jazz composition. On the other hand, none of his recordings were found, and although his existence and musical career is undoubtable, his persona became associated with numerous myths and legends – that’s why a smaller number of music historians claim that Buddy Bolden’s influence on the development of jazz might be slightly overrated. However, Ted Joans in his poem recognizes Buddy Bolden as a so called “father of jazz”, since it’s from *the days of Buddy Bolden who swung them blues* that jazz became a story of his ancestors: *Jazz is my story it was my moms and pops and their moms and pops...* [3, p. 66]. More than that, the influence of the church music on the development of the embryonic jazz at the start of the 20th century motivates Ted Joans to include various celebratory shouts typically used in church ceremonies as *Hallelujah*, suggesting that the ecstatic trance and joy achieved by listening to the jazz music might be in principle not so different from the joy obtained during the religious ceremonies, as both serve for the communication of an individual with his ideal sphere and both are a source of one’s spirituality. Great jazzmen *preach a sermon that always swings* and *jazz clubs are a houses of worship* [3, p. 66] – a joy of Afro-American spirituality, which adapted Christian values but never lost its charming temperament hidden in the culture of their pre-slavery ancestors. Many jazzmen have *sold their souls* and betrayed their Afro-American heritage, because jazz had to adapt itself to the white music for commercial purposes, as claimed by Ted Joans, to the *rockenroll and chachacha* [3, p. 66]. That’s why Ted Joans alludes to the great jazzmen going back to the purest and initial jazz traditions.

Jazz became an endless source of inspiration and identity for many Afro-American poets in the 20th century because of its polyrhythmic connection to the very deep mysticism of their African ancestors. Not only had jazz become a living and constantly evolving symbol of Afro-American presence in the white world but also an embodiment of joy and laughter in the face of ignorance and oppression. Ted Joans as a social activist, follower and innovator of Langston Hughes’ literary tradition of combining jazz with poetry, celebrates jazz as a gift from his ancestors

and expresses his Afro-American identity through the means of metaphysics hidden in the beauty of jazz. As he writes: *Jazz is just an Afro-American music and like us it's here to stay*. [3, p. 66] The process of Afro-Americans achieving their rights through the 20th century was very slow and often painful. In the fifties, only 2 percent of black children in the South were allowed to attend desegregated schools [4, p. 176]. Black people were forbidden to work in white facilities and their payments were significantly lower than those of whites who worked in similar positions. In 1964, in the approximate time when “Jazz is my religion” was written, Afro-American communities were feeling frustration about how little was in reality achieved by the civil rights laws [5, p. 280]. Thus it's only natural that Afro-American artists as Ted Joans (who also personally met with Malcolm X) embraced the concept of black power – not such power which would attack the white culture, but such power which would be able to fight for the place of Afro-Americans in the white world and fight for the better and more humane conditions as equal payments, equal educational standards, acceptance, end of the racial segregation and so on. Last but not least, fighting for equality and equal love of the human soul same as overcoming standardized social conventions, which included unequal treatment of American citizens based on their race, gender or social class, were the key pillars of the beatnik generation- whose poets often produced their poems in such a manner that they would be suitable for performances with jazz music [1, p. 36] since the liberating purity of its essence is similar to the essence of good poetry – being capable to connect human beings with their “ideal sphere”.

References

1. Bokníková, A. Teória literatúry (úvod do vybraných problémov). Bratislava, 2015. 53 p.
2. Dulebová, I. K otázke politickej korektnosti a eufemizácie v masmediálnej komunikácii na Slovensku a v Rusku // Žurnalistika, médiá, spoločnosť 2. Bratislava, 2012. P. 148-157.
3. Joans, T. Mehr Blitzliebe Poems. Hamburg, 1982. 79 p.
4. Mauk, D., Oakland, J. American Civilization: An introduction. London, 2014. 375 p.
5. O'Callaghan, B. An Illustrated History of the USA. China. 1990. 312 p.
6. Otrisalová, L. (Re)inscribing Blackness onto the Canadian Soil: Memory and Resistance in Contemporary African-Canadian Drama // Brno Studies in English 41. No. 1 (2015). P. 131-142.
7. Peretti, B. The Creation of Jazz: Music, Race, and Culture in Urban America. Urbana: University of Illinois Press, 1992. 277 p.

СЕМАНТИЗАЦИЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДУЕМОЙ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО- МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПО ТЕМЕ «ИГРЫ И ИГРУШКИ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Валеева А.Р.

ассистент кафедры английской филологии, Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, г. Елабуга

В статье рассматриваются культурно-маркированные лексические единицы по теме «игры и игрушки» в естественной языковой среде. Применение в ходе анализа таких ме-

тодов, как контекстуальный анализ и метод семантизации позволило выявить характерные черты культуры страны изучаемого языка. Употребление писателями реалий и квазиреалий по теме «игры и игрушки» определенных игр и игрушек в произведениях способствует созданию благоприятной атмосферы.

Ключевые слова: культура, национально-маркированная лексическая единица, игра, игрушка.

Изучение культуры носителей языка способствует успешному изучению языка, формированию знаний об особенностях употребления различных языковых единиц, дополнительных коннотаций единиц языка и речи в процессе обучения иностранному языку [1, с. 88].

Экстралингвистическое содержание значения слова позволяет нам составить полноценную картину мира, быта, культуры в определенный исторический промежуток времени. Изучение культуры носителей языка направлено на то, чтобы облегчить изучение языка, понять особенности употребления различных речевых единиц, дополнительные коннотации единиц языка и речи [2, с. 71].

В ходе анализа произведений американских и британских авторов были выявлены культурно-маркированные единицы, относящиеся к играм и игрушкам Великобритании.

Проанализируем отрывок из романа «Вино из одуванчиков» Рэя Брэбери: "Suddenly, like a jack-in-the-box, Mister Quartermain had tottered from nowhere" [5, с. 107-108]! Jack-in-the-box («Джек в коробочке») – детская игрушка, популярная в Великобритании. Представляет собой небольшую коробочку, из которой выскакивает фигурка при открытии крышки [3, с. 225]. Название игрушки использовано детьми для описания внезапности и их небольшого испуга при появлении Мистера Кватермейна. Данный пример подчеркивает идею, что дети склонны сопоставлять и сравнивать явления, происходящие вокруг, с привычными для них вещами и привычным видом деятельности.

В данном же произведении нам встретилась еще одна лексическая единица, относящаяся к играм. "Tom, when the time comes that the same cowboys are shooting the same Indians on the same mountain top, then it's best to fold back the seat and head for the door with no regrets and no walking backward up the aisle" [5, с. 213]. Под фразой «те же ковбои будут стрелять тех же индейцев» подразумевается игра "cowboys and Indians" (ковбои и индейцы). Эта игра широко распространена в Великобритании. Игра типа «казаки-разбойники» [4, с. 595]. Рассуждая о будущем, дети акцентируют внимание на том, что игра «ковбои и индейцы» очень стара, но, тем не менее, очень популярна среди детей и навсегда останется таковой.

Рассуждая о прекрасном ясном дне, Грэм Грин в романе «Брайтонский леденец», дает описание ребятишек, играющих в "touch wood". "Touch wood" (коснись дерева) – детская игра типа салки, в которой участник, коснувшийся чего-нибудь деревянного, считается ускользнувшим от догоняющих [7]. Обращение автором к данной подвижной игре придает описанию дня еще более

оживленный, яркий образ. Some children played touch wood from seat to seat, and he called out to them hilariously, holding his cigar at arm length with an air of pride and caution, his great teeth gleaming like an advertisement [8].

В романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» мы нашли несколько лексических единиц, относящихся к играм и игрушкам Великобритании. Marbles (шарики) – разноцветные шары небольшого размера из глины, стали, стекла или агата [9, с. 478]. Том, не желавший белить забор, решил сделать на этом бизнес: все желающие попробовать побелить забор должны были отдать что-либо взамен. Таким образом, к концу вечера Том стал обладателем большого количества разных игрушек. “He had, beside the things before mentioned, twelve marbles, part of a jew’s-harp, a piece of blue bottle-glass to look through, a spool cannon, a key that wouldn’t unlock anything, a fragment of chalk, a glass stopper of a decanter...” [10, с. 39-40].

В романе «Лавка древностей» известного английского писателя Чарльза Диккенса мы встретили интересное культурно-маркированное предложение: “None knew this better than the idlest boys, who growing bolder with impunity, waxed louder and more daring; playing odd-or-even under the master’s eye...” [6, с. 220]. “Odd or even” (четное – нечетное) – an old boy’s game, played with buttons, marbles and halfpence. Один из участников скрывает в руке несколько маленьких объектов и просит оппонента отгадать, четно или нечетно количество объектов в его руке. Отгадав, оппонент получает один из объектов (кашечки или что-то другое), проиграв же, оппоненту необходимо отдать один из своих [7]. Автор описывает атмосферу на скучном уроке, когда лентяи, чувствовавшие, что им ничего не грозит, вовсе перестали стесняться и начали играть в «четное-нечетное» прямо перед учителем. Данная гиперболизация придает эмоциональный окрас данному отрывку.

Контекстуальный анализ национально-маркированных лексических единиц по теме «игры и игрушки» предоставил возможность рассмотрения исследуемых культурно-маркированных лексических единиц в естественной языковой среде. Данные лексические единицы чаще всего используются англоязычными авторами в ситуациях описания времяпровождения детей, а также для создания теплой, веселой атмосферы. Употребление игр и игрушек в качестве иронии и гиперболизации усиливает юмористический эффект.

Список литературы

1. Валеева А. Р. Контекстуальный анализ американской культурно-маркированной лексики по теме «игры и игрушки» в англоязычной прозе // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXI междунар. науч.-практ. конф. № 6(61). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 87-91.
2. Валеева А.Р. Лингвистические особенности изучения лексических единиц по теме «игры и игрушки» в процессе формирования знаний о культуре страны изучаемого языка / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №7 (61): в 3-х ч. Ч.3. – С. 71-73.
3. Рум Р.У., Колесников Л.В., Пасечник Г.А. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / Р.У. Рум, Л.В.Колесников, Г.А.Пасечник. – М.: Русский язык, 1978. – 480 с.
4. Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии / Г.Д. Томахин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 720 с.

5. Bradbury, R. Dandelion wine [Вино из одуванчиков / Р. Бредбери]; коммент. А.А. Гасиной. – М.: АЙРИС-пресс, 2014. – 320 с.: ил. – (Читаем в оригинале).
6. Dickens, C. The Old Curiosity shop // foreword and commentary by Solovieva N.M. – М.: Foreign languages publishing house, 1952. – 672 с.
7. Gomme A. B. Traditional games of England, Scotland and Ireland. – London: David Nutt, 1894. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gutenberg.org/files/41727/41727-h/41727-h.htm#GameI_12 (дата обращения: 1.05.2015).
8. Green, G. Brighton Rock, 1977. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/Greene_Graham/Brighton_Rock.html (дата обращения: 2.02.2015).
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – England, 1998. – 980 с.
10. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer and Adventures of Huckleberry Finn. – М.: Foreign languages publishing house, 1956. – 575 с.

ТИПЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРЕДМЕТАМИ В РАМКАХ РЕЛЯЦИОННО-ПРЕДМЕТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Гридяева Д.А.

методист, Региональный центр французского языка,
Россия, г. Воронеж

В статье в рамках класса реляционно-предметных предложений французского языка, выражающих отношения между соположенными предметами действительности, описываются семантические отношения между сопоставляемыми предметами. В частности, анализируются разновидности пространственных отношений, возникающих между предметом, заключенным в позиции подлежащего, и предметом, замещающим позицию сказуемого.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход, реляционно-предметные предложения, реляционно-предметное сказуемое, реляционно-предметный признак, типы семантических отношений, конкретно-пространственные отношения, абстрактно-пространственные отношения.

В настоящей статье исследование проводится в рамках семантико-функциональной типологии французского предложения, в сфере которой выделяются следующие типы простого двусоставного предложения: активно-процессные, пассивно-процессные, отождествительно-предметные, реляционно-предметные, признаковые [4], [6], [7].

Реляционно-предметные предложения, являющиеся объектом нашего исследования, по наблюдениям Е.А. Алексеевой, регистрируют отношения, возникающие между соположенными реальностями, представленными в виде грамматических предметов: *Elle est en robe rouge* (Она в красном платье); *Elle était en colère* (Она была в гневе); *Il se retrouve seul à la maison* (Он оказался дома один). Ученый отмечает, что «в данном типе предложений происходит характеристика предмета, заключенного в подлежащем, с точки зрения его отношений с другим предметом, который является носителем предметно-реляционного признака. ... Предмет, находящийся в позиции сказуемого, может, например, определять временное и локальное положения предмета-

подлежащего, указывать на его причину и цель, регистрировать его качества и состояния» [3, с. 331].

На основе примеров, извлечённых методом сплошной выборки из произведений французской художественной литературы и прессы, нам удалось определить типы отношений, которые могут реализовываться между грамматическими предметами в реляционно-предметных предложениях французского языка: пространственные отношения, отношения состояния, отношения происхождения, отношения качества (свойства), отношения причины, отношения цели, отношения состава. Как следует из работ Е.А. Алексеевой [1], [2], в рамках семантико-функционального подхода различают понятие не только основного, но и второго и второстепенного сказуемых. Это утверждение справедливо также применительно к сказуемому реляционно-предметного предложения, здесь может функционировать основное реляционно-предметное сказуемое *Loyseleur est près de Jeanne sur la petite estrady (Le Nouvel Observateur)*, второе реляционно-предметное сказуемое *Il a sursauté à l'idée de le revoir (Sartre)* и второстепенное реляционно-предметное сказуемое *On emmenait les blessés en pensées le long du corridor (Simenon)*.

Целью статьи является классификация типов пространственных отношений, которые складываются между предметами-репрезентантами подлежащего и предметами-репрезентантами основного реляционно-предметного сказуемого.

Здесь необходимо отметить, что реляционно-предметный признак, заключённый в сказуемом этого типа, имеет двойную функцию: с одной стороны, он обозначает, называет признак предмета-подлежащего, с другой стороны, он позиционирует предмет-подлежащее относительно предмета, выражающего реляционно-предметный признак. Это позиционирование передаётся с помощью предлогов, в связи с чем они выполняют крайне важную роль, уточняя взаимоотношения между предметом-подлежащим и реляционно-предметным признаком. Как известно, грамматическим значением, функцией предлога является выражение подчинительной связи, которая реализует различные отношения между грамматическими предметами номинативного центра: локальные, временные, причинные, объектные и т. п., и составляет лексическое значение предлога. Конкретные значения, выражаемые предлогом, нельзя отнести к числу исключительно грамматических, так как предлоги не лишены номинативной функции, то есть способности отражать элементы действительности, но, в отличие от наречий, эта функция у них не самостоятельна, осуществляется только в сочетании с полнозначными словами. С другой стороны, предлог всегда сохраняет грамматическое связующее значение, потому что он не может быть употреблен вне той логической связи, которую даёт предшествующему ему и последующему члену предложения [5, с.426-441].

Таким образом, анализируя типы пространственных отношений, которые складываются между предметами-репрезентантами подлежащего и предметами-репрезентантами сказуемого, мы учитываем и ту роль, которую играют уточняющие их предлоги.

В результате проведенного исследования было установлено, что между грамматическими предметами в реляционно-предметных предложениях французского языка могут складываться следующие типы пространственных отношений: конкретно-пространственные и абстрактно-пространственные отношения, которые, в свою очередь, могут детализироваться следующим образом.

Конкретно-пространственные отношения представлены такими под-группами, как:

- конкретно-пространственные отношения точного местоположения: ***Rob Ford est à Toronto ce que le fameux sparadrap est au capitaine Haddock dans «l’Affaire Tournesol»: impossible de s’en débarrasser. (Le Nouvel Observateur); J’étais dans le train pour Angoulême. (Le Nouvel Observateur);***

- конкретно-пространственные отношения приблизительного местоположения: ***Vers la fin de l’après-midi, pour me détendre un peu et pour savoir ce qui se passe dans le monde, j’ai regardé le zapping de Canal+, celui du 31 janvier 2014. (Le Point);***

- конкретно-пространственные отношения положения в пространстве по отношению к группе людей: ***Pour moi, je fus longtemps à la suite de l’armée, n’osant jamais me montrer devant l’Amiral (Mérimée);***

- конкретно-пространственные отношения расположения в пространстве по отношению к единичному индивиду: ***J’étais à côté de lui, et me crus obligé de l’avertir. (Mérimée, Tandis qu’il glissait au long des phrases en latin, Loyseleur, qui s’était placé près de Jeanne sur la petite estrade, lui parlait sans cesse à l’oreille. (Le Nouvel Observateur);***

- конкретно-пространственные отношения расположения в пространстве относительно того или иного предмета (предметов) окружающей действительности: ***C’est au milieu des dessins de l’exposition qui lui est consacrée au festival qu’il a réagi. (Le Nouvel Observateur);***

- конкретно-пространственные отношения положения тела в пространстве: ***Lève-toi, cafard, dit le capitaine, en se tournant du côté de l’hôte qui était encore à genoux (Mérimée);***

- конкретно-пространственные отношения местоположения в рамках определённого события: ***Patrick se présente au rendez-vous, la toile sous le bras. (Le Monde);***

- конкретно-пространственные отношения местоположения в рамках перечня, списка, перечисления: ***La réponse est dans son titre. (La Tribune); Dites un nom, il est sur la liste des gens qui nous ont appelés», confiait récemment Doug Ford, le frère et l’éminence grise du maire. (Le Nouvel Observateur), De nombreuses festivités seront au programme de ce Star Wars Day, et pour l’événement l’équipe de Disney France a mis les petits plats dans les grands, en lançant notamment une nouvelle page de son site web consacré aux aventures de nos héros galactiques. (Le Figaro);***

- конкретно-пространственные отношения, связанные с пребыванием в рамках определённой общности, группы: ***On les appelle les "hubots", robots humanoïdes, et ils sont parmi nous, vivent au milieu de nous (Le Point), Il est***

parmi les siens, ses fans de la "Ford Nation". (Le Nouvel Observateur), Ils furent d'autant mieux reçus qu'ils étaient parmi les premiers visiteurs. (Maurois).

Когда между грамматическими предметами номинативного центра реляционно-предметных предложений французского языка складываются конкретно-пространственные отношения, предлоги в этих синтаксических конструкциях выполняют свою первичную семантическую функцию. Согласно классификации предлогов по первичной семантической функции, в предложениях с конкретно-пространственным типом отношений между предметом-подлежащим и предметом-сказуемым зафиксированы следующие локальные предлоги: *à, dans, sur*, которые употребляются по отношению к неодушевленному предмету, репрезентирующему реляционно-предметный признак, и *à côté de, près de, parmi*, которые сигнализируют об отношении как к одушевленному, так и к неодушевленному предмету.

Среди абстрактно-пространственных отношений были обнаружены следующие разновидности:

- абстрактно-пространственные отношения, связанные с ментальными понятиями: *Toutes les scènes de la journée se représentaient à mon esprit. (Mérimée), Aujourd'hui, il est au centre du grand jeu russe. (Le Nouvel Observateur), Tout se trouve dans les rêveries enchantées où nous plonge le bruit de la cloche natale : religion, famille, patrie, et le berceau et la tombe, et le passé et l'avenir. (De Chateaubriand);*

- абстрактно-пространственные отношения, связанные с состоянием переживания тех или иных эмоций, чувств: *Et ceux qui étaient à l'isolement sont souvent lâchés dans la nature du jour au lendemain. (Le Nouvel Observateur), Mais comme dit Nabilla, «t'es dans ta jalousie, j'suis dans mon Jacuzzi». (Le Point);*

- абстрактно-пространственные отношения, связанные с положением в рейтингах: *À toutes les élections depuis des dizaines d'années en France, l'UMP ou le PS est en tête, l'autre derrière le premier, et le FN progresse. (Le Point);*

- абстрактно-пространственные отношения, связанные с внешним воздействием: *En mars, le journal «Le Monde» a révélé que l'ex-président de la République Nicolas Sarkozy était sur écoutes téléphoniques. (La Tribune).*

В случае, когда между грамматическими предметами номинативного центра реляционно-предметных предложений французского языка складываются абстрактно-пространственные отношения, предлоги также демонстрируют свое основное значение, т.е. выполняют первичную семантическую функцию. Здесь наиболее часто употребляются локальные предлоги *à, dans, loin de, en, sur*, которые используются в отношении неодушевленных абстрактных предметов.

В заключении следует отметить, что реализация пространственных отношений между предметами действительности имеет свою специфику в рамках реляционно-предметных предложений французского языка, которые являются многоаспектным глубоким явлением, требующим дальнейшего исследования с точки зрения уточнения его синтаксических и семантических свойств.

Список литературы

1. Алексеева Е.А. Пассивно-процессное сказуемое во французском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. – № 2. – С. 42-47.
2. Алексеева, Е.А. К вопросу о выделении второго и второстепенного сказуемых (на материале французского языка) // Древняя и новая Романия Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке – СПб., 2010. С. 109-121.
3. Алексеева Е.А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка)//Романистика в современном мире: традиции и новации. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 329-335
4. Алексеева Е.А. К выделению реляционно-предметного сказуемого во французском языке//Романское культурное и языковое наследие: история и современность. Москва, ИИУ МГОУ, 2016. – С. 277-281.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2004. – 862 с.
6. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник по синтаксису. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.
7. Щербакова, А.В. Пассивно-процессные предложения во французском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / А. В. Щербакова; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2013. – 227 с.

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АНАЛИЗА ДИАЛОГА КАК СПОСОБА РАСКРЫТИЯ ОБРАЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «МОЛОХ»)

Дубова М.А.

профессор кафедры русского языка, д-р фил. наук, доцент,
Государственный социально-гуманитарный университет,
Россия, г. Коломна

Чернова Л.А.

профессор кафедры русского языка, д-р фил. наук, профессор,
Государственный социально-гуманитарный университет,
Россия, г. Коломна

В статье предлагаются методические рекомендации по анализу диалога как одного из способов характеристики образа главного героя повести А. И. Куприна «Молох». Авторы акцентируют внимание на центральном диалоге между инженером Бобровым и доктором Гольдбергом в 5-ой главе повести, наиболее полно раскрывающем трагическое мироощущение персонажа.

Ключевые слова: диалог, проблема, языковые средства, стилистическая роль, мироощущение, персонаж.

Повесть А. И. Куприна «Молох» (1896 г.), написанная в порубежный период (рубеж XIX–XX вв.), в традициях реалистического художественного метода осмысливает судьбу отдельного человека в эпоху капитализма. Её главный герой – инженер Андрей Ильич Бобров, образ которого раскрывает-

ся с помощью авторского описания, монологов, внутренней речи самого героя и его диалогов с другими персонажами повести, среди которых, безусловно, наиболее значимыми являются диалоги с доктором Гольдбергом.

На наш взгляд, именно диалоги играют важнейшую роль в раскрытии образа инженера Боброва, благодаря их лексико-семантической и стилистической специфике. Диалог, в силу его композиционного строения, позволяет охарактеризовать позицию героя по тому или иному вопросу не только из его слов, но и из ответных реплик собеседника, а также авторских комментариев поведения героя во время диалога.

Как известно, **диалог** – «это процесс общения, обычно языкового, между двумя или более лицами. Более частные значения термина «диалог»: 1) разговор между персонажами пьесы; 2) литературное произведение, написанное в форме беседы между героями; 3) взаимодействие, направленное на достижение взаимопонимания, особенно в политике (например, диалог между властью и оппозицией)» [1, С. 6].

Активно используя диалог как ведущий способ раскрытия личности главного героя произведения, А. И. Куприн вводит его во все главы повести. Однако объём, роль и значимость диалогов в сюжете произведения, безусловно, разные. Основное место диалоги занимают в пятой, седьмой, десятой и одиннадцатой главах «Молоха». Это диалоги главного героя с доктором Гольдбергом. Именно им, на наш взгляд, принадлежит основная смысловая нагрузка в раскрытии образа инженера Боброва.

В данной статье считаем целесообразным проанализировать центральный диалог инженера Боброва с доктором Гольдбергом на материале 5 главы повести А. И. Куприна «Молох».

Роль доктора в жизни Боброва и его отношение к Гольдбергу определяются автором с самого начала 5 главы: *«Должно быть, без меня приехал доктор...», – подумал он [Бобров], сдерживая взмыленную лошадь. В теперешнем настроении Боброва доктор Гольдберг был единственным человеком, присутствие которого он мог перенести без болезненного раздражения. Он любил искренно этого беспечного, кроткого еврея за его разносторонний ум, юношескую живость характера и добродушную страсть к спорам отвлечённого свойства... И хотя между обоими в их бесконечных спорах до сих пор возникали только противоречия, тем не менее, они скучали друг без друга и виделись чуть не ежедневно»* [3, С. 38].

Здесь чётко определяются те черты характера доктора, за которые его «искренно любит герой»: *«разносторонний ум», «юношеская живость характера»* и *«добродушная страсть к спорам отвлечённого свойства»*. Как мы видим из авторской характеристики, Гольдберг в определённой степени антагонист Боброва, противостоящий ему во всех спорах. Тем не менее, именно ему Андрей Ильич доверяет свои самые сокровенные мысли, с ним делится наиболее важными проблемами. Безусловно, роль доктора здесь символична – он врачует не только тело Боброва (избавляет его от привычки к впрыскиваниям морфия), но и лечит его душу, что для героя гораздо важнее.

Центральный в 5-ой главе повести диалог предлагаем проанализировать по следующему плану:

1. Определите тему диалога. Выявите, почему именно эта тема оказалась в центре авторского внимания и была предназначена для дискуссионного обсуждения двух героев.

2. Прокомментируйте позицию каждого из героев в данном вопросе. С помощью каких языковых средств она выражается?

3. Сопоставьте позиции героев на данную проблему. Сходны ли они? Чья позиция Вам ближе?

4. Какие авторские комментарии сопровождают реплики героев? Оцените их семантико-стилистическую нагрузку в данном диалоге и в раскрытии образа каждого персонажа в целом.

5. Что нового в характеристику Боброва вносит данный диалог?

6. Определите место диалога в сюжете повести.

7. Если бы этот диалог отсутствовал, привело бы это к изменениям в идейно-тематическом содержании повести?

Тема анализируемого диалога – спор по поводу теории Гольдберга об изобретениях и открытиях и их роли в общественной жизни.

Бобров: – *Забыли? А кто же здесь, на этом самом диване, с пеной у рта кричал, что мы, инженеры и изобретатели, своими открытиями ускоряем пульс общественной жизни до горячечной скорости?.. О, я отлично помню, какой страшный перечень детей двадцатого века, неврастеников, сумасшедших, переутомлённых, самоубийц, кидали вы в глаза этим самым благодетелям рода человеческого [3, С. 41].*

–...И мы несёмся сломя голову вперёд и вперёд, ... одуревшие от этой бешеной скачки, с раздражёнными нервами, извращёнными вкусами и тысячами новых болезней... [3, С. 42].

Гольдберг: – *Ну да, ну да, голубчик, всё это я говорил, – заторопился он не совсем, однако, уверенно. –... Но надо же, голубчик, так сказать, приспособляться. Как же жить-то иначе? Во всякой профессии есть эти скользкие пунктики... посчитайте, какую колоссальную сумму пользы вы приносите... [3, С. 42–43].*

Бобров: – *Пользы?! – закричал он исступленно. – ... работа в рудниках, шахтах, на металлических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на целую четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде... Двое суток работы пожирают целого человека... Молох и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привел... [3, С. 43-44].*

Гольдберг: – *Чёрт возьми, вы меня ошеломили, – отозвался с дивана доктор... [3:44].*

Бобров: – *А известна ли вам, – продолжал с ещё большей горячностью Бобров, – ...статистическая таблица, по которой вы с чертовской точностью можете вычислить, во сколько человеческих жизней обойдётся каждый шаг вперёд вашей дьявольской колесницы..? [3, С. 44].*

Гольдберг: – Но, послушайте, голубчик вы мой, – возразил доктор., – тогда, по-вашему, лучше будет возвратиться к первобытному труду, что ли? Зачем вы все чёрные стороны берёте? Ведь вот у нас, несмотря на вашу математику, и школа есть при заводе, и церковь, и больница хорошая, и общество дешёвого кредита для рабочих... [3, С. 44].

Бобров: Каждый мастер несколько раз в день избегает смертельной опасности только благодаря удивительному присутствию духа... [3, С. 44-45].

Гольдберг: – А всё-таки, пока стоит завод, труд этого рабочего обеспечен, – сказал упрямо Гольдберг [3, С. 44-45].

Бобров: – Вот он – Молох, требующий тёплой человеческой крови! – кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку. –... Двадцать лет человеческой жизни в сутки!.. Клянусь вам, – бывают минуты, когда я чувствую себя убийцей!.. [3, С. 47].

Гольдберг: «Господи! Да ведь он – сумасшедший, – подумал доктор... «Маниак, совершенный маниак», – думал он, охваченный одновременно жаждой и страхом [3, С. 47].

Обращает на себя внимание построение реплик диалога. Реплики Боброва крайне многословны, эмоциональны, в то время как Гольдберг выражает свои мысли гораздо скупее, лаконичнее. Манера говорить во многом определяется особенностями душевной и психологической организации героев.

Диалог, в силу его композиционного строения, позволяет поэтапно и разносторонне раскрыть предмет ночного разговора не только из реплик участников, но также из авторских комментариев поведения героев во время диалога [2, С. 87].

Проанализируем авторскую характеристику поведения Боброва во время диалога, выделив семантику и частеречную принадлежность ключевых лексем с целью выявления их стилистической роли в характеристике образа Боброва.

1) **Бобров ходил взад и вперёд по комнате, щёлкал хлыстом по голенищам высоких сапог и рассеянно слушал доктора. Горечь, осевшая ему на душу ещё у Зиненок, до сих пор не могла успокоиться** [3, С. 43].

2) – **Да, компромиссы – компромиссами, – возразил мрачным тоном Бобров...** [3, С. 43].

3) **При последних словах Боброва точно подбросило на кровати, и он быстро уселся на ней, свесив вниз голые ноги** [3, С. 43].

4) **Пользы?! – закричал он исступлённо. – Вы мне говорите о пользе? ... он начал резким и мерным тоном, как будто бы говорил с кафедры...** [3, С. 44].

5) – **А известна ли вам, – продолжал с ещё большей горячностью Бобров, – известна ли вам другая статистическая таблица...** [3, С. 44].

6) **Бобров совсем вскочил с постели и босой забегал по комнате...** [3, С. 44].

7) – **Доктор, не говорите наивных вещей! – воскликнул Бобров, садясь на подоконник** [3, С. 45].

8) – *Посмотрите, посмотрите сюда, доктор!* – **крикнул Андрей Ильич, показывая пальцем по направлению завода** [3, С. 46].

9) ... *От зарева заводских огней лицо Боброва приняло в темноте зловещий медный оттенок... И голос его звучал пронзительно и злобно.*

– *Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови!* – **кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку** [3, С. 47].

10) *«Бобров слабо сопротивлялся, обессиленный только что минувшей вспышкой. Но когда он лёг в постель, то внезапно разразился истерическими рыданиями* [2, С. 48].

Сказал устало, ходил взад и вперёд, щёлкал хлыстом по голенищам, рассеянно слушал, горечь не могла успокоиться, отозвался тихо, возразил мрачным тоном – эти характеристики сопровождают реплики Боброва в начале диалога. Здесь преобладают глаголы-сказуемые (простые глагольные сказуемые) со значением восприятия ситуации и речемыслительной деятельности, что вполне соответствует жанру диалога, а также обстоятельства образа действия, дающие дополнительные характеристики действия героя во время диалога. В их роли выступают определительные и обстоятельственные наречия, а также именные обороты с обстоятельственным значением.

Далее задача автора состоит в том, чтобы показать, как стремительно нарастает в герое внутренне напряжение: *Боброва точно подбросило на кровати, он быстро уселся, закричал исступленно, начал резким и мерным тоном, продолжал с ещё большей горячностью, совсем вскочил с постели и бо-сой забегал по комнате, воскликнул, сильным движением руки разом распахнул окно, крикнул, голос его звучал пронзительно и злобно, кричал Бобров.*

Характеризуя поведение Боброва во время диалога и описывая, как растёт его нервное возбуждение, А. И. Куприн четыре раза использует глагол «кричать» и производные от него. Это свидетельствует о том, что герой ведёт разговор на повышенных тонах, слишком эмоционально, согласно авторской характеристике, «исступленно». Более того, как пишет автор, «голос его звучал пронзительно и злобно». Таким образом, семантика определительных наречий, характеризующих восприятие голоса Андрея Ильича, свидетельствует о нарастании его нервного возбуждения. Герой уже не может сидеть на месте, ему требуется активное движение, совершение каких-либо действий, переполняющая его энергия ищет выхода, поэтому Бобров «вскочил с постели», «забегал по комнате», «распахнул окно». Действия его беспорядочны и напроочь лишены логики. Но Андрей Ильич уже не в силах контролировать себя, эмоции переполняют его и требуют выхода, что выражено сочетанием «истерические рыдания». Таков итог пережитого Бобровым душевного стресса.

Гольдберг искренне жалеет Боброва, видит в нём светлую, неиспорченную душу, но, к сожалению, не может отвести его мысли от вечных вопросов бытия, которые внутренне разрушают героя, ведут его к неминуемой драме, трагическому финалу.

Именно этот диалог намечает основные дискуссионные темы, которые найдут продолжение в последующих диалогах. По мере развития сюжета по-

вести противостояние Боброва и окружающей его действительности усугубляется, приобретая всё более драматический характер.

Закончить анализ диалога из этой главы считаем целесообразным беседой по предложенным вопросам:

1) Какими языковыми средствами (словами, синтаксическими конструкциями) автор передаёт душевное состояние героя?

2) Какие лексемы позволяют сделать вывод о чрезмерном возбуждении Боброва?

3) Чем вызвано душевное возбуждение героя?

4) Как этот диалог характеризует главного героя? Вносит ли он что-либо новое в его характеристику? Если да, то что?

5) Сочувствуете ли Вы Боброву? Заслуживает ли он, на ваш взгляд, сочувствия?

6) Рыдания Боброва – это проявление силы или слабости его характера? Обоснуйте свой ответ. Подтвердите его цитатами из текста.

7) Как бы поступили Вы в подобной ситуации? Ответ обоснуйте.

Список литературы

1. Дубова М. А., Чернова Л. А. Диалог как средство реализации оппозиции «цивилизация – человек» (по повести А. И. Куприна «Молох») // Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. 2014. №3. С. 5-13.

2. Дубова М. А. «Божий зверь, господень волк» в поэтике «Баллады» И. А. Бунина: диалог как способ раскрытия народных поверий и верований // Народная художественная культура: вызовы XXI века. Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием. М.: АПРИКТ, 2014. С. 85-90.

3. Куприн, А. И. Повести. Рассказы. М., 2002. 681 с.

ЖАНРОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Р. КИПЛИНГА

Зиньковская А.В.

профессор кафедры английской филологии, д-р филол. наук, доцент,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Мануэльян А.Г.

соискатель кафедры английской филологии,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Осознанием важности функции жанровой организации речи объясняется всё возрастающее внимание к речевым жанрам со стороны исследователей. Жанр – это форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения. Разноплановые жанры в творчестве Р. Киплинга отражают и во многом определяются соответствующим этапом его жизни, являются важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия автора с читателями.

Ключевые слова: жанр, типы высказывания, коммуникативное воздействие, языковой стиль, этап биографии.

Важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия автора с читателями является жанровая организация его творчества: понятие жанра очень важно для понимания процесса коммуникации и управления им, так как вербальное и невербальное поведение человека реализуется в различных жанрах. «Жанр – категория историческая, – считает В.В. Смирнов. – Он видоизменяется, эволюционирует, осваивая новое творческое пространство с изменением условий творчества, определяемых возможностями коммуникационного канала, а также общественно-политическими задачами» [5, с. 9].

Речевые жанры по М.М. Бахтину – это широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно-обусловленных типов высказываний, которые охватывают все сферы человеческой деятельности и частично пересекаются с литературными жанрами, рассматриваемыми в теории литературы. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой области человеческой деятельности не только своим содержанием и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но, прежде всего своим композиционным построением. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний. «Речевые жанры более гибки, чем формы языка, но они предписаны говорящему, не создаются им, а даны» [1, с. 183-184].

На основе соизмерения типологических черт жанра, предложенных В.И. Карасиком [2], М.Л. Макаровым [3] и другими исследователями, а также особенностей творчества Р. Киплинга на разных этапах яркой и насыщенной событиями жизни великого мастера мы выделяем следующий набор используемых им жанров от персонального до институционального, грань различий между которыми порой бывает, на наш взгляд, достаточно условной: статьи, газетные репортажи (очерки) в газете, путевые заметки, стихотворения, стихи для песен, рассказы, сказки, новеллы, романы, приключенческие повести, автобиографические жизнеописания, исторические документальные исследования и исторические рассказы.

По нашему мнению, выбор жанра конкретного произведения Р. Киплинга был неизменно связан с определенным этапом его собственной биографии и соответствующего эмоционального фона данного жизненного периода. Так, в возрасте 6 лет, как это было принято в англоиндийских семьях, Редьярд и его младшая сестра были отправлены учиться в Англию. Они жили в частном пансионе, а на праздники уезжали к родственникам матери. Отношения будущего писателя с хозяйкой пансиона не сложились, она часто наказывала его, ругала. Вызванные этим переживания ребенка нашли отражение в новелле «Черная овечка» («Baa Baa, Black Sheep», 1888), а также в романе «Свет погас» («The Light That Failed», 1890) и в собственной автобиографии «Кое-что о себе» («Something of Myself», 1937).

Отец Редьярда, Джон Локвуд Киплинг, ректор и профессор Бомбейской школы искусств, вначале считал, что юный Киплинг должен стать именно офицером. Тринадцатилетним юношей он был принят в Девонское

училище (аналог нашего суворовского), являющегося своеобразным трамплином для будущих офицеров, желающих поступить в дальнейшем в известные военные академии. Он полюбил училище и службу. Об этом периоде его жизни повествует сборник *рассказов* «Сталки и Ко» («Stalky and Co», 1899). Там проявился его талант литератора. В то же время слабое зрение не оставляло надежд на военную карьеру. Отец отозвал 17-летнего молодого человека в Индию, где для него нашлась должность в «Гражданской военной газете».

Хотя *газетный репортаж* Киплинг называет жанром второстепенным, именно в роли «разъездного» корреспондента, а не редактора за письменным столом он проявил себя лучше всего. В 1882-1887 г.г. он работает в редакции «Газетт» заместителем главного редактора, а затем соредактором, и регулярно печатает на страницах газеты свои *репортажи, статьи, рассказы*, находится в постоянных разъездах по стране. Из-под пера мастера выходят произведения самых разных жанров и на все вкусы. Именно с журналистской стези берут свое начало рассказы Р. Киплинга.

Ежегодные отпуска в гималайском городе Симле стали источником многих работ писателя. В 1886 он выпустил сборник *стихов* «Департаментские песни» (Departmental Ditties and Other Verses), которые пользовались большим успехом, а многие – актуальны во все времена:

«We are very slightly changed From the semi-apes who ranged India's prehistoric clay; Who so drew the longest bow, Ran his brother down, you know, As we run men down today. "Dowb," the first of all his race, Met the Mammoth face to face On the lake or in the cave, Stole the steadiest canoe, Ate the quarry others slew, Died – and took the finest grave...» [6]	«Изменилась ли Европа Со времен питекантропа? Некий предок, тот, чей лук был подлинней, Даже с мамонтом сражался, Носом к носу с ним встречался, И, как мы, плевать хотел на всех людей: Лодку лучшую оттяпал, Бабу лучшую захапал, И чужой добычи кучу отхватил, Кем-то вырезанный идол За свою работу выдал, И улегся в самой классной из могил... » [4]

За «Департаментскими песнями» последовали «Простые рассказы с гор» («Plain Tales from the Hills», 1888) – лаконичные, зачастую грубоватые рассказы о жизни британской Индии. В 1887 Киплинг перешел в газету «Пайонир» в Аллахабаде. Лучшие его *рассказы* вышли в Индии, в дешевых изданиях, и позже были собраны в книгах «Три солдата» («Soldiers Three») и «Ви-Вилли-Винки» («Wee Willie Winkie»), содержащих картины жизни британской армии в Индии. Начинаящий писатель свободно владеет языком хиндустани, он близок индийскому читателю, его понимают и любят.

В 1889 Киплинг много путешествовал по всему миру, писал *дорожные заметки*. В октябре он приехал в Лондон и почти сразу сделался знаменитостью. Следующий год принес Р. Киплингу всенародную славу. Начав с «Баллады о Востоке и Западе» («The Ballad of East and West»), он шел к новой манере английского стихосложения, создав «Казарменные баллады». Под этим общим названием вышел сборник *песен и стихотворений*, рассказывающих о

британской армии периода позднего Викторианства. Основное издание было опубликовано в 1890-х годах в двух томах: «Казарменные баллады» («Barrack-Room Ballads and Other Verses») – в 1892 году и «Семь морей» («The Seven Seas and Further Barrack-Room Ballads») – в 1896 году.

С выходом первого романа Киплинга «Свет погас» («The Light That Failed», 1890) связаны некоторые библиографические трудности, поскольку он появился в двух вариантах – один со счастливым концом, другой с трагическим. Из-за переутомления здоровье писателя пошатнулось, и большую часть 1891 он провел в путешествиях по Америке и британским доминионам. Вернувшись в январе 1892 в Лондон, 34-летний писатель работает над повестью «Науланка» («Naulanka», 1892), которую можно отнести к жанру *приключенческих*. На её страницах происходит встреча экзотического Востока и американского Запада. Герои романа – девушка-врач и молодой предприниматель из маленького американского городка вместе ищут легендарные сокровища Науланки. Их пребывание в Индии – цепь непрерывных приключений. Биография и хронология жизни Р. Киплинга в этот период наиболее интересна. Он нашел настоящего друга и к тому же влюбился в его сестру. Однако не долго продлилась их совместная работа. После смерти напарника от тифа он женится на его сестре Каролине.

Молодожены переезжают в США (штат Вермонт), где выходит в свет двухтомник «Книга джунглей» и сборник стихотворений «Семь морей». Здесь же у счастливых родителей появилось двое дочерей, затем – сын. Создается лучший роман Киплинга – «Ким» об индийском мальчишке-оборванце, познавшем буддийскую мудрость и ставшим британским разведчиком. За четыре года, прожитых в Америке, Р. Киплинг написал лучшие свои произведения. Это *рассказы*, вошедшие в сборники «Масса выдумок» («Many Inventions», 1893) и «Труды дня» («The Day's Work», 1898), *стихи* о кораблях, о море и моряках-первопроходцах, собранные в книге «Семь морей» («Seven Seas», 1896), и две «Книги джунглей» («Jungle Books», 1894–1895). «Книгу Джунглей» по праву можно назвать *прозой в стихах*.

В 1896 Р. Киплинг написал роман «Отважные мореплаватели» («Captains Courageous»). На вершине славы и богатства Киплинг избегал публичности, игнорировал враждебную критику, отказался от звания поэта-лауреата и многих почестей. В 1902 он поселился в глухой деревне в графстве Сассекс. В 1901 он выпустил роман «Ким» («Kim»), свое прощальное слово к Индии, а в 1902 – восхитительную детскую книгу сказок «Сказки просто так» («Just So Stories»).

К середине жизни Р. Киплинга его литературная манера изменилась, теперь он писал неторопливо, осмотрительно, тщательно выверяя написанное. Для двух книг *исторических рассказов* «Пак с холма Пука» («Puck of Pook's Hill», 1906) и «Награды и Феи» («Rewards and Fairies», 1910) характерен более высокий строй чувств, некоторые из стихов достигают уровня чистой поэзии. Р. Киплинг продолжал писать рассказы, собранные в книгах «Пути и открытия» («Traffics and Discoveries», 1904), «Действие и противодействие» («Actions and Reactions», 1909), «Самые разные существа»

(«A Diversity of Creatures», 1917), «Дебет и кредит» («Debits and Credits», 1926), «Ограничение и обновление» («Limits and Renewals», 1932). В 1923 – выходят *исторический труд* «Ирландские гвардейцы в мировой войне» («The Irish Guards in the Great War»), в двух томах со списком награжденных и погибших в приложении, а также «Истории на земле и на море» («Land and Sea Tales for Scouts and Guides»).

В 1920-е годы популярность великого англичанина уменьшилась. Гибель сына во время Первой мировой войны и неотвязные болезни писатель перенес стоически. Умер Р. Киплинг в Лондоне 18 января 1936.

Таким образом, каждый жанр в разноплановом творчестве Р. Киплинга отражает и во многом определяется соответствующим этапом его жизни, является важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия автора с читателями, предписывает определённые нормы коммуникативного взаимодействия.

Предложенное описание системы жанров в творчестве Р. Киплинга, также как и список анализируемых произведений, безусловно, не претендуют на исчерпывающую полноту. В нашей работе мы описываем лишь те, которые считаем наиболее существенными и показательными в исследовании творчества Р. Киплинга во всем его многообразии.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собр.соч.: в 5 т. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
2. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во СГУ, 2000. С. 25-33.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
4. Киплинг Р. Основной итог. Департаментские песни. Перевод В. Бетаки. // Избранные стихи из всех книг. URL:http://royallib.ru/read/kipling_reduard/izbrannie_stihi_iz_vseh_knig.html#0 (дата обращения: 12.02.2016).
5. Смирнов, В.В. Жанры радиожурналистики. М.: Аспект Пресс, 2002. 288 с.
6. Kipling R. General Summary. Departmental Ditties and Other Verses. 1886. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/ditties/> (дата обращения: 12.02. 2016).

ЭЛЕМЕНТЫ УРОКА КОММЕНТИРОВАННОГО ЧТЕНИЯ

Капустина О.Л.

учитель русского языка и литературы, МБОУ «Новослободская СОШ»,
Россия, Белгородская область, с. Новая Слободка

В данной статье рассматриваются приемы выразительного чтения и пути их реализации.

Ключевые слова: целостность восприятия, эмоциональное воздействие, активизация мышления.

Урок комментированного чтения чаще всего начинается с указанием на цель и тему урока, после чего учитель приступает к проверке домашнего задания. На уроках, где предстоит читать и комментировать очень большой текст, связь с предыдущим уроком устанавливается путем проведения беглого фронтального опроса по основным вопросам, которые нужно вспомнить для восприятия нового материала.

Так, приступая к комментированному чтению восьмой главы «Евгения Онегина», в начале урока учитель ограничивается лишь несколькими общими вопросами, сводя к минимуму опрос, так как работа над восьмой главой потребует много времени. Вопросы ставятся по содержанию седьмой главы, прочитанной и прокомментированной на предыдущем уроке. Выясняется главное – то, что важно для понимания последней главы романа: 1) Что узнала Татьяна об Онегине, читая книги из его библиотеки? 2) Как чувствовала себя Татьяна в высшем обществе? 3) Каким изображено это общество? Перед чтением главы, сказав, что в первых строфах Пушкин рисует свою творческую биографию, мы вспоминаем основные вехи творческого пути поэта.

Если проводится подряд несколько уроков комментированного чтения, полезно проверить, как усвоен учащимися текст, прокомментированный на предыдущих уроках, как поняты самостоятельно прочитанные главы. Приемы опроса желательно разнообразить. Можно проводить уплотненный или фронтальный опрос в письменной и в устной форме (запись цитат на доске, письменные ответы на вопросы по тексту, чтение цитат и отрывков, выученных наизусть, написание сочинения-миниатюры и т.д.). Приемы опроса на одном уроке могут быть различны.

Например, проводится опрос на уроке комментированного чтения второй главы поэмы «Мертвые души» (Чичиков у Манилова). Вначале учитель ведет беседу с классом по материалу первой главы, прокомментированной на прошлом уроке: о чем узнали мы из первой главы поэмы? С какими действующими лицами мы познакомились?

Вызывается ученик, который должен, используя текст, ответить на вопрос, как изображен в первой главе губернский город NN. Дополнительно спрашиваем, как рисует Гоголь этот город, какие художественные приемы использует писатель. (Обилие бытовых подробностей, деталей: подробное описание гостиницы, кушаний, домов и т.д. Отметим также часто встречающиеся замечания автора: «Гостиница была ... именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах...», «Какие бывают эти общие залы – всякий проезжающий знает очень хорошо»; «Те же стены... тот же закопченный потолок; та же копченая люстра...»; «Все то же, что и везде»; «Ему подавались разные обычные в трактирах блюда...» и др. Эти обобщающие замечания указывают на типичность нарисованной картины). Делаем вывод.

Опрос на уроках комментированного чтения органически связывается с новым материалом, подводит к его восприятию и способствует установлению связей новых глав с уже прочитанными главами произведения. Такая система работы обеспечивает целостность восприятия учащимися художественного текста.

Следующий этап урока – комментированное чтение нового текста.

Основное условие, от соблюдения которого зависит качество урока, – текст должен быть прочитан с максимальной выразительностью, так, чтобы произведение взволновало, захватило учащихся, вызвало у них соответствующие переживания. Чтение текста – реплик героев, раздумий автора и т.д. – может многое раскрыть с такой полнотой и эмоциональной силой, что и комментарии будут излишни. Иногда логические рассуждения, следующие за ярким, волнующим чтением текста, не только не способствуют его пониманию, но убивают эмоцию, разрушают очарование, вызванное звучащим художественным словом.

Степень эмоционального воздействия комментированного чтения определяется выразительностью чтения текста и умением сочетать чтение с анализом прочитанного. При подготовке к уроку опытные учителя уделяют большое внимание выразительному чтению.

Для того, чтобы работа на уроке комментированного чтения была целенаправленной, важно не только учителю, но и учащимся знать, какие задачи стоят перед ними на уроках. Четкость постановки задачи способствует активизации мышления учащихся и лучшему усвоению материала. Комментируя произведение или часть его, учителя часто ставят перед классом в начале урока вопросы, над решением которых рекомендуется подумать в процессе чтения.

Читая отрывки или главы произведения в классе, комментируя их и беседуя по материалу прочитанного, мы уже не можем так называемых второстепенных персонажей. Комментированное чтение, даже и выборочное, дает возможность изучить художественный текст как единый целостный организм.

Список литературы

1. Барлас Л.Г. Объяснение слов на уроках литературного чтения. «Литература в школе», № 3, 1960 г.
2. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
3. Неверов В.В. Комментированное чтение на уроках литературы в 8 классе. «Литература в школе», № 2, 1957 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА

Козубовская Г.П.

профессор кафедры литературы, д-р филол. наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, г. Барнаул

В статье исследуется неизученный мотив прозы И.С. Тургенева – энтомологический – в русле мифопоэтического подхода. Выявляется специфика тургеневской энтомологии, связанная с его философией, в динамике энтомологического мотива – от прямых аналогий до скрытых ассоциаций. Прослеживаются механизмы обыгрывания мотива в нарративной структуре, в развертывании семантических планов символики.

Ключевые слова: амбивалентность, аналогия, метатекст, мифопоэтика, мотив, семантика, символ, энтомология.

Энтомология русской литературы – мало изученная сфера в отечественном литературоведении.

Энтомифология поясняет особое внимание к насекомым, которое обозначилось еще в древние времена [1; 10]. В.Н. Топоров, исследуя мифологическую структуру космического пространства, указывает на соотнесенность насекомых с разными частями космоса [9, с. 188]. М.Н. Соколов отмечает, что «идея превращения божественного или человеческого персонажа в насекомое повторяется во многих мифологических схемах» (см. мифы об Арахне, Ио и др. [8, с. 202]).

А. Хансен-Леве в оригинальном исследовании, посвященном мухологии («Мухи – русские, литературные» [12]), дешифрует энтомологический код в поэтике А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. Помимо классических мух, Хансен-Леве рассматривает мух модернистских, абсурдистских, акмеистских и т.д.

А. Хансен-Леве в своем исследовании обошел вниманием И.С. Тургенева. Между тем насекомые – значимый мотив в тургеневской судьбе и поэтике.

Патологическую ненависть И.С. Тургенева к насекомым отмечали его современники. Ответ Тургенева на вопрос анкеты, предложенной французским журналом, что более всего ненавидит, был следующим – тараканов [5, с. 339]. Панически опасаясь холеры, Тургенев отказывался даже от охоты, страшаясь умереть где-нибудь в сарае, среди тараканов [5, с. 130]. Мотив насекомых присутствует в любовном романе Тургенева и Виардо. Я. Полонский вспоминал об отчаянии, охватившем Тургенева при получении письма из Парижа, в котором П. Виардо сообщала ему неприятное известие: какая-то муха укусила ее в нос. Приложенный к письму рисунок пером изображал профиль с перевязанным носом [5, с. 348]. Беспокойство Тургенева вызвано опасением, не ядовита ли муха.

Энтомологический мотив разнообразно обыгран в прозе Тургенева.

В рассказе «Мой сосед Радиллов» (1842), включенном в цикл «Записок охотника», детали, кажущиеся случайными, обретают значимость в ретроспективном прочтении. Разливающая чай Ольга, старушка-мать с печальным взглядом, вяжущая чулок, Радиллов, рассказывающий эпизод о мертвой жене, скрипач, неожиданно схвативший скрипку после этого рассказа, чтоб в музыке выразить общую боль, – на всех отпечаток недоговоренности. Эпизод с мухой, ползающей по открытому глазу мертвой жены, – ключевой: завершившийся когда-то обмороком Радилова («... Глаз у нее не совсем был закрыт, и по этому глазу ходила муха...» [11, 1, с. 53]), прорвав его окаменелость (Радиллов разразился, наконец, потоком слез), получает продолжение во внесюжетной реальности. Муха – центр эпизода – амбивалентна. Согласно фольклорно-мифологическим представлениям, муха – душа умершего [1, с. 440], муха и комар отводят душу умершего на тот свет [1, с. 441]. Мистический ужас, охвативший Радилова, обнажает постижение метафизического смысла: муха – персонифицированная Смерть. Но при этом она не только зловещий символ забвения, но и знак освобождения от бремени памя-

ти во имя живой жизни. Финальное сообщение об исчезновении Радилова и его золовки Ольги выводит скрытое в подтексте на поверхность.

В повестях 50-60-х гг. энтомологический мотив проявляется большей частью в аналогиях человека с насекомыми. По мнению А.В. Гуры, в фольклорно-мифологической традиции эти аналогии возникают на основе представлений о душе, являющейся в ипостасях насекомых [1, с. 442]. Так, в повести «Дневник лишнего человека» (1849) энтомологическая образность становится способом выражения выстраданной позиции умирающего Чулкатурина, запутавшегося в своем философствовании, напоминающем будущие размышления подпольного парадоксалиста Ф.М. Достоевского: «Перед вечностью, говорят, все пустяки – да; но в таком случае и сама вечность – пустяки» [11, V, с. 161]. В подобных аналогиях – презрение Чулкатурина к тем, кому не дано постичь смысла жизни (см., например, его иронично-сниходительное сравнение матери с муравьем: «...она вечно копошилась и возилась, как муравей, – и без всякой пользы, чего нельзя сказать о муравье» [11, V, с. 161-162]). В семантическом поле энтомологических уподоблений – прямых («Она падала под бременем своих достоинств и мучила всех, начиная с самой себя... Неугомонный червь ее точил днем и ночью» [11, V, с. 161-162]) и скрытых (фразеологизм «неотвязчив, пристаёт, как муха» [2, с. 362], использованный в описании впечатления от выражения лица мертвой матери: «Да, хорошо, хорошо отделаться наконец от томящего сознания жизни, от неотвязного и беспокойного чувства существования!» [11, V, с. 162]) жизнь матери обесмыслена. И далее злой иронией пронизаны зарисовки окружающих: карикатурно-саркастично описание наряда барышни, приглашенной Чулкатуриным на танец из мести Лизе: «На ней было розовое, словно недавно и еще не совсем выздоровевшее платье; над головой у ней дрожала какая-то полинявшая, унылая муха на претолстой медной пружине...» [11, V, с. 188].

Энтомологическое вкрапление в запоздалом прозрении – невольном умалении самого себя: «...”блаженствующему” человеку есть когда, да и стоит размышлять о своих чувствах! Счастливый человек – что муха на солнце» [11, V, с. 173]. Неназванное насекомое смыкает эпизоды: катастрофический из прошлого, тогда еще не признаваемый Чулкатуриным во всей его безысходной перспективе, и в настоящем, где ощутима неотвратимо приближающаяся смерть. Парадоксально, но глаголом «порхать» увязаны счастливая своей влюбленностью Лиза («Лиза порхала по зале...» [11, V, с. 183]) и Смерть («...она здесь, она порхает вокруг меня, как то легкое дуновение, от которого поднялись дыбом волосы у пророка...» [11, V, с. 207]). В прощании Чулкатурина с жизнью – открытие тайны человеческого бытия: умаляясь («Уничтожаясь, я перестаю быть лишним» [11, V, с. 207]), он возвышается («Живите, живые» [11, V, с. 207]).

Рассказ «Поездка в Полесье» (1857), по мнению тургеневедов, примыкающий к «Запискам охотника» и предваряющий цикл «Стихотворений в прозе», завершается размышлением, в котором эмпирическая подробность (муха с изумрудной головкой, длинным телом и четырьмя прозрачными кры-

льями) открывает автору-рассказчику «таинственный смысл» природы, где нарушение общего неизменного закона («...тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится» [11, VI, с. 197]) ведет к смерти: «Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви...» [11, VI, с. 197]. Тургенев признавался: «Мне кажется, что я в этом рассказе слишком расстегнулся, то есть слишком дал читателю заглянуть в свои непотребные и неопрятные кишки...» (письмо к П.В. Анненкову от 16 февраля 1857 г. [6, с. 517]). Смысл, действительно, лежит на поверхности, и поведенческий принцип человека («уметь молчать» [11, VI, с. 198]) выводится из аналогии – энтомологической параллели, которая перестает быть скрытой. Так, в ничтожной мухе заявлен принцип бытия и тайна его гармонии – смирение перед законами природы.

В других повестях Тургенева 50-х гг. энтомология более тонко вмонтирована в картину мира и в текст. Насекомые, поначалу кажущиеся случайной деталью, вырастают до символа, развертывающегося в семантических планах и стягивающего к себе весь сюжет.

Так, в повести «Затишье» (1854) незначительный эпизод (артистичный Веретьев по просьбе сестры воссоздает сценку, притворившись мальчиком, который ловит муху на окне: «Верность, с которой он подражал ее жалобному писку, была точно изумительна. Казалось, действительная, живая муха билась у него под пальцами» [11, VI, с. 38]) задает развитие сюжета. Муха нигде, кроме этого эпизода больше не упоминается, но ассоциативно присутствует в сюжете, предопределяя его развитие.

В указанном эпизоде целый спектр значений. С одной стороны, в таланте комика скрывается шутовская природа Веретьева: «Вот охота делать из себя шута» [11, VI, с. 38] – фраза, произнесенная Марьей Павловной (Маша – единственный человек, который не смеется в этой сцене), получила далее продолжение в ее укорре-предостережении «Вы все смеетесь да шутите, и прошутите так всю свою жизнь» [11, VI, с. 44]. В диалогическом конфликте позиция Веретьева, укоряющего Машу в излишней серьезности, подкрепляется опорой на пушкинского «Каменного гостя»: цитируя строки из монолога Лауры («...ночь лимоном и лавром пахнет» [7, V, с. 384]), Веретьев говорит о мгновении счастья и о его безоглядности.

С другой стороны, муха, символизируя бесконечно малое по сравнению со Вселенной, в контексте повести ассоциируется с жертвой, обреченной чужой властью. Так обозначаются два сопряженных центра – жертва-муха и ядовитое дерево анчар из одноименного пушкинского стихотворения – образы, несущие философский смысл. «Анчар» в этом контексте соотносится с датумами – красивыми цветами, растущими на балконе Маши и обладающими сладким, вкрадчивым и коварным запахом: цветы становятся источником спора о зле, которое не может быть красивым. Пушкинский «Анчар», опрокинутый в сюжет повести, получает трагическое завершение: самоубийство Маши – следствие «серьезного» отношения к жизни, над которым иронизировал Веретьев.

Есть и еще один смысл – ощущение бесполезности прожитой жизни, и символ этой бесполезности все та же муха. В финале повести – неразрешимое противоречие: «Все ...продолжали считать Веретьева человеком необыкновенным, предназначенным удивить вселенную, и он только потому и был умнее их, что сам очень хорошо сознавал свою совершенную и коренную бесполезность» [11, VI, с. 74].

Как таковых метаморфоз человека в насекомое в повестях Тургенева нет, но есть аналогии, обыгрывающие метафорические смыслы.

Повесть «Переписка» (1854) обрамлена энтомологическими образами. В исповедальных письмах Алексея Петровича аналогия человек-насекомое – доказательство краха жизненной позиции философа, его уединенного сознания. Рассуждая о том, что человек сам делает свою судьбу, в образной картинке, где обрисованы тщетные усилия мухи воспрянуть после освобождения из паутины, Алексей Петрович отводит себе роль паука, испортившего свою собственную жизнь путанице и мучениями («Я был собственным своим пауком!» [11, VI, с. 83]), и одновременно мухи («Она по крайней мере не по своей воле попала в грозные сети... а я!» [11, VI, с. 83]). Это размышление замыкает еще одна энтомологическая аналогия – с кузнечиком: «Точно так же и наша темная молодость иногда распускала на несколько мгновений и не на долгий полет свои пестрые крылышки...» [11, VI, с. 84]. Понимание бесполезности собственной жизни, где ничего не удалось, получает образное сравнение с человеком, мечтавшим о «высоком», но споткнувшемся о муравейник «– и бух оземь, да и в могилу... Уж какие мы, русские, мастера кончать таким манером!» [11, VI, с. 104]. Согласно фольклорно-мифологическим представлениям, муравей связан со смертью и миром мертвых [1, с. 510]. Именно в последнем, предсмертном письме, появляется «муравейник».

В письме, полученном Марией Александровной уже после смерти Алексея, сломанная им самим собственная судьба – словно иллюстрация предшествующего философствования: «паучья» ипостась, проявившаяся во внезапно налетевшей страсти, далеко не демиургическая, созидательная, а разрушительная, деструктивная.

В повести «Призраки» (1861-1863) – энтомологический мотив метатекстуален. Необычной оптикой, присущей жанру *fantasy*, мотивированы энтомологические вкрапления. Упоение полетом с Эллис порождает презрение к «земному». Ничтожность человеческого существования, закрепленная аналогией люди-мухи («...эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух; их слепленные из грязи жилища, крохотные следы их мелкой, однообразной возни, их забавной борьбы с неизменяемым и неизбежным, – как это мне вдруг всё опротивело!» [11, VII, с. 32]), получает достойное обозначение – «человеческий муравейник». Обращает на себя внимание, что в «Призраках» персонафицированная Смерть предстает одновременно в нескольких обликах – ящерицы, змеи, хищной птицы, и ее принижение к земле уподоблено паучьюму: «...паук так приникает к пойманной мухе» [11, VII, с. 33].

Мифологические метаморфозы, связанные с превращением людей в насекомых, присутствуют в подтексте всех сюжетных историй повестей, от-

сылая к изображению наказания богом взбунтовавшихся ангелов, превращающихся в Насекомых, скорпионов, саламандр и падающих на скалы на картинах И. Босха [3].

Метатекстуальный характер тургеневских «Стихотворении в прозе», неоднократно отмеченный исследователи, проявляется и на уровне энтомологии. Отвратительное насекомое, увиденное во сне («Насекомое») и навещающее ужас на окружающих, есть не что иное, как Смерть: «Оно походило на муху или на осу. Туловище грязно-бурого цвету; такого же цвету и плоские жесткие крылья; растопыренные мохнатые лапки да голова угловатая и крупная, как у коромыслов; и голова эта и лапки – ярко-красные, точно кровавые» [11, VIII, с. 437]. Ужалив жертву, муха улетает.

В романной поэтике энтомологический диапазон достаточно широк, но это тема другого исследования [см.: 4].

Список литературы

1. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1991. 912 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. II. М.: Русский язык, 1979. С. 382-383.
3. Деитини А. Босх. М.: Изд-во АСТ, Астрель, 2002. 144 с.
4. Козубовская Г.П., Самосенко Д.А. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»: Бестиарный мотив в «кусадебном тексте» // Вестник АлтГПА. 2014. № 21. С. 21-29. Серия «Гуманитарные науки».
5. Островский А.Г. Тургенев в записях современников: Воспоминания. Письма. Дневники. М.: АГРАФ, 1999. 400 с.
6. Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. 607 с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. V. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 637 с.
8. Соколов М.Н. Насекомые // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. II. М., 1988. С. 202-203.
9. Терновская, О.А. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 139-159.
10. Топоров В.Н. Муха // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. II. М., 1988. С. 188.
11. Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Художественная литература, 1975-1979. Т. I. 400 с.; Т. V. 413 с.; Т. VI. 367 с.; Т. VII. 334 с.; Т. VIII. 527 с.
12. Хансен-Леве А. Мухи – русские, литературные» // *Stadia Litteraria Polono-Slavica*. Вып. 4. Утопия чистоты и горы мусора. Warszawa, 1999. С. 95-131.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «GOOD» (ДОБРО) В ПАРЕМИЯХ

Колижук Л.В.

учитель английского языка, канд. филол. наук,
МБОУ «СОШ №2 с. Ногир им. Х. Тотрова»,
Россия, Республика Северная Осетия-Алания, с. Ногир

В статье рассматривают паремии, объективирующие лингвокультурный концепт “good” (добро) в британской лингвокультуре. В ней затрагивается сегмент понятийной

составляющей исследуемого концепта и особое внимание уделяется его ценностной составляющей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт “good” (добро), понятийная составляющая, ценностная составляющая, паремия.

Бесспорным является тот факт, что в условиях неустойчивости современной системы ценностей обращение к лингвокультурному концепту “good” (добро) как базовому концепту, в частности, британской культуры, определяющему ценностные ориентиры общества, считается актуальным. Под термином «лингвокультурный концепт» нами понимается «многомерное ментальное образование, имеющее выход на культуру социума» [4, с. 6]. По мнению С.Г. Воркачёва, лингвокультурный концепт отмечается этнокультурной спецификой и находит фиксированное языковое выражение [2, с. 36]. Языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция и т.д. составляют понятийную сторону концепта [3, с. 129]. В то время как ценностная составляющая представляет собой совокупность ценностных ориентиров важных как для индивида, так и социума. Целью данной статьи, является выявление базовых ценностей британской культуры, отраженные в паремиях, так как именно в них «отражается процесс формирования морально-этических ценностей» [1, с. 38].

Суждения о добре, отражённые в английском паремиологическом фонде не столь многочисленны. Концепт “good” вербализуется в двух группах паремий. Первую группу паремий составляют те, в которых репрезентируется только концепт “good”. Во второй группе паремий исследуемый концепт вербализуется одновременно с концептом “evil”, следовательно, эта группа характеризуется диалектическим представлением о добре и зле как единстве и борьбе противоположностей.

Концепт “good” (добро) в паремиологическом фонде английского языка представлен эксплицитно и имплицитно. Эксплицитно исследуемый концепт репрезентируется лексемами: *good* «добро», «хороший, добрый», *better* «лучше», *best* «самый лучший», *well* «добро», «хорошо», *kindness* «доброта», *kind* «добрый», *virtue* «добродетель», *right* «правильный, морально одобряемый», *godliness* «благочестие», *charity* «благотворительность», а имплицитно лексемами: *healthy* «здоровый», *fortune* «удача», *wealthy* «богатый», *success* «успех».

В паремиях, объективирующих лингвокультурный концепт “good”, под добром, как правило, подразумеваются благие поступки, заслуживающие одобрение и являющиеся привлекательными в обществе, при этом носящие добровольный характер. Что касается продолжительности положительных последствий благих поступков то, с одной стороны, хорошие поступки и доброе отношение не беспредельны: *all good things come to an end* (всё хорошее приходит к концу) или *good things don't last for ever* (и у хорошего бывает конец). С другой стороны, добро вечно: *a good deed is never lost* (доброе дело даром не пропадёт); *virtue lives when beauty dies* (красота умирает, а добродетель остаётся).

Семантический анализ исследуемых паремий, в которых основным значением является оценочный предикат «хорошо», позволяет выделить следующие ценности, зафиксированные в британском языковом сознании: совершение хороших поступков с точки зрения морали, доброе слово/совет, хорошая репутация, дружба, семья.

Особую значимость для британцев имеет совершение положительных с точки зрения морали деяний, которые ценятся выше обещаний: *better to do well than to say well* (лучше хорошо поступить, чем хорошо говорить); *good acts are better than good intentions* (добрые дела лучше добрых намерений). Добрые дела заслуживают поощрения: *virtue is its own reward* (добродетель – сама награда); *one good turn deserves another* (услуга за услугу).

Наряду с хорошими поступками в британском обществе ценятся добрые отношения между людьми, выражающиеся в словесной поддержке: *good words cost nothing and are worth much* (хорошие слова ничего не стоят, но ценятся высоко), *good advice is beyond price* (доброму совету и цены нет).

Для британцев значимой считается хорошая репутация: *a good name will sell itself* (на доброе имя всегда есть спрос), которая ценится выше материальных благ: *a good name is better than riches* (добрая слава дороже богатства), которую трудно заслужить и легко потерять: *a good name is sooner lost than won* (слава разом приходит, да ещё скорей уходит). Без положительной репутации в обществе жизнь британца лишается смысла: *take away my good name, take away my life* (лишишь меня доброго имени – лишишь меня жизни).

Анализ корпуса исследуемых паремий позволил выявить еще одну ценность для британцев – дружбу: *one God, no more, but friends good store* (Бог один, а друзей может быть много). Настоящий друг ценится выше родственников: *a good friend is worth more than a hundred relatives* (хороший друг лучше сотни родственников), тем более, если он имеет высокий статус в обществе: *a friend in court is better than a penny in purse* (доброе братство милее богатства). Мнение друга выступает мерилom нравственности: *a friend's eye is a good mirror* (взгляд друга – лучшее зеркало).

Важным институтом, согласно представлениям британцев, отраженным в паремиологическом фонде, является семья: *happy is he that is happy in his children* (счастлив тот, кто счастлив своими детьми), *a good husband makes a good wife* (у хорошего мужа и жена хороша), *a good wife makes a good husband* (доброю женою и муж честен).

Британцы как яркие представители западного материалистического мира высоко ценят выгоду: *fortune is good to him who knows to make good use of her* (удача благосклонна к тому, кто знает, как извлечь из неё выгоду), *praise without profit puts little in the pot* (спасибом сыт не будешь).

Незначительными по количеству репрезентаций в нашей выборке являются такие ценности как добрососедские отношения: *a good neighbor, a good morrow* (при хорошем соседе завтрашний день всегда хорош), терпение: *patience is virtue* (терпение – добродетель) и справедливость: *be just before you are generous* (не проявляй великодушия в ущерб справедливости).

Таким образом, анализ паремиологического материала позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, концепт “good” по способу объективации представлен в двух группах паремий: 1) репрезентирующих собственно концепт “good” и 2) отражающих взаимосвязь изучаемого концепта с его полярным концептом “evil”. Во-вторых, в понятийной структуре раскрываются когнитивные признаки концепта “good”: «добро проявляется в благих поступках», «доброе дело получает одобрение», «добро аттрактивно», «добро имеет добровольный характер». Для английских паремий характерной особенностью является амбивалентность, отражённая в противопоставлении признаков «добро предельно» – «добро вечно», «добро и зло взаимосвязаны» – «добро и зло несовместимы». В-третьих, анализ паремий позволил выделить следующие значимые для британского общества ценности: совершение положительных с точки зрения морали поступков, хорошая репутация, дружба, семья и материальная выгода.

Список литературы

1. Аммер А.В. Вербализация фрагмента концептосферы «морально-этические ценности» в афоризмах и пословицах (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2005. – 187 с.
2. Воркачёв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: «Гнозис», 2004. – 390 с.
4. Колижук Л.В. Концепты “good” и “evil” в британской лингвокультуре: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Нальчик, 2010. – 22 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ГЛОБАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЯЗЫКАХ

Косырева М.С.

старший преподаватель кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Новосибирск

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности интернационального состава глобально значимых языков (русского, французского) в сопоставлении с глобальным языком (английским). Особое внимание уделяется категориям семантической соотносительности – несоотносительности, синонимии, семантико-стилистической сочетаемости.

Ключевые слова: лингвистическая глобалистика, интернационализмы, сопоставительная лексикология.

Поскольку лингвистической глобалистикой давно установлено, что диалог культур на рубеже XX – XXI вв. развивается под знаком глобализации «западной» культуры и что инструментом ее распространения является английский язык, понятие «глобальный язык» сегодня неоспоримо связано с

английским языком. Понятие «глобально значимый язык» соотносимо в родовидовом аспекте с понятием «язык международного общения», но не совпадает с понятием «наиболее распространенный язык», которым традиционно оперирует интерлингвистика. К числу наиболее распространенных языков современного мира относятся китайский, испанский, английский, хинди, бенгали, португальский, русский, японский, немецкий и французский языки. Однако в основных сферах современной межкультурной коммуникации доминируют (наряду с глобальным английским) испанский, русский и французский языки [3], лексический арсенал которых характеризуется большим количеством интернационализмов.

При сопоставлении синтагматических значений интернационализмов в глобально значимых языках наблюдаются случаи либо полного или частичного совпадения значений, когда слова могут считаться соотносительными, либо полного несоответствия значений, когда может возникать ложная соотносительность. Полные или частичные расхождения значений касаются представленных в них семантических множителей и способов их объединения, что зависит также от системных связей значений и тесно связано с сочетаемостью слов [1, с. 97].

Интернационализмы в соотносительных значениях являются межъязыковыми синонимами или квазисинонимами («идеографическими синонимами»). Полной является семантическая соотносительность тех значений, которые имеют полностью совпадающие толкования. Различия в сочетаемости, неизбежные в разных языках, не отменяют факта полной понятности таких слов, как не являются непреодолимым препятствием для их понимания и различия в функционально-стилистических и эмоциональных окрасках. Неполная семантическая соотносительность (межъязыковая квазисинонимия) имеет место там, где значение одного из интернациональных слов имеет больше семантических множителей, чем значение другого (при общей основе значений), причем, как известно, такие дополнительные множители включаются в значение по слабой дизъюнкции или по конъюнкции.

Различия в соотносительных значениях нередко объясняются их неодинаковыми системными связями в языках. В синхронии лексические значения могут находиться в двух типах отношений: в собственно языковых образованиях – лексико-семантических группах или в объединениях экстралингвистического характера, основывающихся на классификации самих предметов и явлений объективного мира – предметно-тематических группах.

Следует особо отметить, что несоотносительные значения полисемичных интернациональных слов могут вызывать серьезные ошибки понимания и употребления, так как моносемичные слова интернационального звучания с подобными значениями являются псевдоинтернациональными. Так, например, если русское слово *декада* и означают десятидневный период, то французское *decade* значит и «десять дней», и «десять лет», а английское *decade* – только «десять лет». В большинстве случаев такие значения полностью или частично соответствуют значениям каких-то других слов или оборотов в сопоставляемых языках. Однако некоторые несоотносительные значения интернационализмов оказываются безэквивалентными, выражая специфические

понятия культуры одного народа, неизвестные или малоизвестные за ее пределами. Так, например, слово *консультация*, кроме общих с французским *consultation* значений «совет, указания специалиста; совещание специалистов», имеет особое значение – «учреждение, оказывающее помощь населению советами специалистов».

Синонимы нередко расходятся в семантической, лексической и синтаксической сочетаемости даже в пределах одного языка. Тем более характерны такие расхождения для межъязыковых синонимов в интернациональной лексике глобально значимых языков. Как правило, для соотносительных интернационализмов характерны те или иные различия в лексической сочетаемости. Так, например, хотя слова *абсолютно* – *absolutely*, *аналогичный* – *analogous*, *интернациональный* – *international* и т.п. семантически полностью соответствуют друг другу, в конкретных словосочетаниях это соответствие далеко не всегда сохраняется. Возможность расхождений основана на существовании у многих интернационализмов синонимов в пределах соответствующих языков. Особенно специфична лексическая сочетаемость интернациональных прилагательных. Значительные ряды прилагательных в одинаковых сочетаниях возникают лишь в результате калькирования, но в этом случае обычно речь идет об устойчивых словосочетаниях, а они обладают своей семантической целостностью именно как сочетания в целом.

Системы стилистических окрасок в глобально значимых языках близки, хотя, разумеется, не идентичны. Стилистические характеристики соотносительных интернациональных слов далеко не во всем совпадают даже в случае сходного распределения стилистических пластов. Разное время возникновения основных групп интернационализмов классического, неоклассического и постклассического происхождения и различия в их месте в словарях (степени освоенности, наличия синонимов пр.) ведут к тому, что, например, во французском языке большинство интернационализмов нейтрально, тогда как их русские соответствия нередко носят книжный характер. Французский язык с его сближением книжной и нейтральной лексики (в противоположность лексике разговорной) несколько отличается и от английского с его тяготением к кратким словам германского происхождения. Поэтому многим стилистически нейтральным словам европейских языков в русском соответствуют слова с книжной окраской.

Значительная группа интернационализмов с полностью соотносительными значениями существенно расходится в русском и других глобально значимых языках по функционально-стилистической окраске. Например, *автопортрет*, *балласт*, *керосин*, *микрофон*, *микстура*, *минералог*, *мотоцикл*, *педиатр*, *спортсмен*, *терапевт*, *трамвай*, *физиолог*, *финиш*, *фирма*, *экскаватор* и т. п. – это слова повседневного литературного употребления, тогда как соответствующие сходные французские слова имеют узко профессиональный характер и редко употребляются, будучи оттеснены синонимами или другими вариантами слов.

Часто не совпадают в интернациональных словах глобально значимых языков и эмоционально-экспрессивные окраски. Эмоциональная пейоративная окраска может проявляться в экспрессивно различных прослойках лекси-

ки: возвышенной, нейтральной или сниженной. Там, где негативное отношение является не исключительно оценочным моментом, нередко совпадения пейоративной окраски во всех языках: таковы слова типа *агрессия*, *агрессор*, *апологет*, *демагог*, *деспот*, *интервент*, *коррупция*, *провокация*, *фарс* в русском языке и их соответствия в глобальном и других глобально значимых языках. Однако, как представляется, это относится только к соотносительным значениям. В тех случаях, когда расхождения в стилистических окрасках не связаны с различиями значений, они обычно не мешают интернационализмам играть свою роль наиболее понятных передатчиков информации в разноязычном обмене информацией. Даже если в понимании текста или звучащей речи при этом возникают ошибки, нарушается стилистическое согласование слов, это почти никак не сказывается на понимании основной лингвистической информации высказывания.

Таким образом, лексико-семантическое и семантико-стилистическое соответствие интернационализмов отнюдь не всегда бывает полным, что, тем не менее, не мешает их отождествлению в ситуациях соприкосновения и сопоставления языков в глобальной коммуникации [2].

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во ХГУ, 1972. – 215 с.
2. Косырева М.С. Глобализмы в русском языке. М.: Юнити-Дана, 2016. – 171 с.
3. Shahar Ronen, Bruno Gonçalves, Kevin Z. Hua, Alessandro Vespignani, Steven Pinker, César A. Hidalgo Links that speak: The global language network and its association with global fame // Processing of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2014. vol. 111. no. 52.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Кузьмина Е.К.

старший преподаватель кафедры романской филологии, канд. филол. наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

Андреанова Н.С.

старший преподаватель кафедры романской филологии, канд. филол. наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

В статье рассматривается проблема языковых контактов и заимствований, которая является одной из центральных проблем в исторической лексикологии. Так как заимствование латинских слов имело место в старо французский период (9-13 в.), в средне французский период (14-15 в.), во французском языке 16 в. и в классический период (17-18 в.), латинские элементы являются важным источником средств словообразования и в современном французском языке.

Ключевые слова: французский язык, заимствования, лексикология, ассимиляция.

Латинский язык, прародитель романских языков, оставил глубокий след во французском языке. Процесс обогащения французского словаря латинскими элементами и вокабулами (словами) датируется периодом формирования французского языка как такового и продолжается и по сей день.

Можно сказать, что латинский язык во все времена был для французского языка неисчерпаемым источником обогащения. Что касается влияния древнегреческого (очень значимого до XIV века для французского языка), то он не был так безграничен, как латинский.

Наибольшее влияние греческого и латинского чувствовалось в XVI веке, в эпоху Возрождения античной культуры и искусства. Большое количество латинских и греческих слов можно найти в произведениях Рабле, Монтеня и других писателей того времени, которые в соответствии с ведущими тенденциями того времени, использовали все возможные средства, чтобы заполнить пробелы в словаре родного языка.

К заимствованиям из мертвых языков прибегают, прежде всего, чтобы устранить проблему недостатка абстрактных понятий. Это слова:

из латинского языка:

- <i>assimiler</i> – уподоблять,	- <i>exister</i> – существовать,
- <i>concours, m</i> – содействие,	- <i>explication, f</i> – объяснение,
- <i>éducation, f</i> – воспитание,	- <i>hésiter</i> – колебаться,
- <i>énumération, f</i> – перечисление,	- <i>social</i> – социальный,
- <i>évolution, f</i> – эволюция,	- <i>structure, f</i> – структура;

из греческого языка:

- <i>académie, f</i> – академия,	- <i>aristocratie, f</i> – аристократия,
- <i>anarchie, f</i> – анархия,	- <i>économie, f</i> – экономика,
- <i>aristocratie, f</i> – аристократия,	- <i>épigramme, f</i> – эпиграмма,
- <i>économie, f</i> – экономика,	- <i>hypothèse, f</i> – гипотеза,
- <i>épigramme, f</i> – эпиграмма,	- <i>périphrase, f</i> – перифраз,
	- <i>politique, f</i> – политика,
	- <i>sympathie, f</i> – симпатия.

Помимо целых вокабул нужно упомянуть и о большом количестве заимствованных элементов слов, образующих основ и аффиксов. Некоторые из них и в наши дни продолжают служить плодородным средством создания новых слов. Обозначим заимствованные образующие аффиксы:

из латинского языка:

- alis* > -*al* (*banal* – обыкновенный),
- amentum* > -*ement* (*changement, m* – изменение),
- ationem* > -*ation* (*intubation, f* – интубация, введение трубки в полый орган),
- ibilis* > -*ible* (*susceptible* – способный к восприятию),
- icus, -ica* > -*ique* (*autistique* – страдающий),
- itatem* > -*ité* (*maternité, f* – материнство),
- ismus* > -*isme* (*communisme, m* – коммунизм),
- ista* > -*iste* (*cubiste, m* – кубист);

из греческого языка:

anti- > “*contre*” (против) > *anti-* (*antisocial* – антисоциальный),
-*ismos* > -*isme* (*libéralisme*, *m* – либерализм),
-*istes* > -*iste* (*violoniste*, *m* – скрипач).

Немало слов сформировано из латинских и греческих образующих основ. Такими являются:

латинские образования:

- *locomotive*, *f* – локомотив (*lat. locus* = “*lieu*”, *m* – место + *motus* = “*mouvement*”, *m* – движение),
- *manuscrit*, *m* – рукопись (*lat. manus* + *scriptum* – “*écrit à la main*” – написанное рукой),
- *vermifuge*, *m* – глистогонное средство (*lat. vermis* = “*ver*”, *m* – червь + *fugere* = “*fuir*” – бежать);

греческие образования:

- *aérodrome*, *m* – аэродром (*gr. aêr* – “*air*”, *m* – воздух + *dromos* = “*course*”, *f* – бег),
- *aérolithe*, *f* – аэролит (*gr. aêr* + *lithos* = “*pierre*”, *m* – камень),
- *mastodonte*, *m* – мастодонт (*gr. mastos* = “*matelle*”, *f* – женская грудь + *odous /odontos* = “*dent*”, *f* – зуб),
- *microphone*, *m* – микрофон (*gr. mikros* = “*petit*” – маленький + *phône-voix*”, *f* – голос),
- *photographie*, *f* – фотографирование (*gr. photos* – “*lumière*”, / – свет + *graphia* = “*inscription*”, *f* – надпись);

смешанные (греко-латинские) образования:

- *coronographe*, *m* – коронограф (*lat. corona* + *gr. graphia*) – «инструмент для изучения солнечной короны»,
- *vélodrome*, *m* – велодром (*lat. velox* = “*rapide*” – быстрый + *gr. dromos* = “*course*”, *f* – бег).

Можно сказать, что влияние латинского языка на французский язык было настолько сильным, что это отразилось даже на его структуре.

Необходимо отметить, что заимствованные из латинского и древнегреческого слова и словесные элементы называются «научными», в отличие от слов и словесных элементов, образованных в народе.

Однако, в современном французском языке термин «научные слова» достаточно условен. Многие этимологически научные слова рассматриваются как исконно французские:

- <i>facile</i> – легкий,	- <i>imbécile</i> , <i>m / f</i> – глупец,
- <i>fatiguer</i> – утомлять,	- <i>nature</i> , <i>f</i> – природа,
- <i>habituer</i> – приучать,	- <i>régiment</i> , <i>m</i> – полк.
- <i>imaginer</i> – воображать,	

Французский язык пользуется не только старыми заимствованиями:

- *penser* – думать,
- *réfléchir* – отражать,

но и более поздними конструкциями, образованными латинскими или греческими элементами:

- *aviation*, *f* – авиация,
- *avion*, *m* – самолет,
- *magnétoscope*, *m* – магнитоскоп,
- *photographie*, *f* – фотографирование,
- *téléphoné*, *m* – телефон,
- *vidéothèque*, *f* – видеотека.

Список литературы

1. Hagège, C. *Combat pour le français : Au nom de la diversité des langues et des cultures* / C. Hagège. – Paris: Odile Jacob, 2006. – 249 p.
2. Walter, H. *L'aventure des mots français venus d'ailleurs* / H. Walter. – Robert Laffont, 1997. – 472 p.
3. Colpron, G. *Le dictionnaire des anglicismes 4e edition* / G. Colpron. – Beauchemin, 1998. – 378 p.
4. Etienne, R. *Parlez-vous français?* / R. Etienne. – Gallimard, 1994. – 278 p.
5. Доза, А. *История французского языка* / пер. с фр. Е. Н. Шор; под ред. М.С. Гурьчевой. 3-е изд., стер. / А. Доза. – М.: КомКнига, 2006. – 472 с.

ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛИНАРОНИМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Кулакова Е.А.

доцент кафедры романских и германских языков, канд. филол. наук, доцент, Новгородский университет имени Я. Мудрого, Россия, г. Великий Новгород

В статье рассматриваются французские кулинарунимы, приводится их классификация, анализируются способы перевода, обеспечивающие адекватность их передачи на русский язык.

Ключевые слова: кулинаруним, национальная маркированность, структурная классификация, перевод, аутентичность.

Кулинарунимы – наименования блюд и кондитерских изделий. На настоящий момент еще не существует специального раздела ономастики, который изучал бы особенности этого лексико-семантического разряда. Однако кулинарунимы широко употребляются в специальной, художественной литературе, периодических изданиях и повседневной речи. Кулинарунимы сочетают в себе емкость смысла и краткость: за каждым названием блюда стоит рецепт. Кулинарунимы могут выполнять символизирующую, тематизирующую или оценочную функции. Кулинарунимы отражают реалии традиционного быта. Они связаны с историей формирования национальной кухни и относятся к долговременным фоновым знаниям [2].

Франция славится своей кухней. Ее самобытность сделала французскую кулинарную школу действительно легендарной. Возьмем в качестве языкового материала для нашего исследования «Большой кулинарный сло-

варь» классика французской литературы и знатока французской кухни А. Дюма [1, 3].

По своей структуре кулинаронимы можно подразделить на следующие группы:

I. Собственно кулинаронимы, в состав которых входят безэквивалентные существительные. По степени сложности они делятся на:

1. **простые кулинаронимы**, представленные одним существительным: *Calape – Рагу из черепахи*.

2. **сложные кулинаронимы**, представленные простым или сложным словосочетанием: *Brandade de morue – Брандад из трески*, *Crème faite au caramel et à fleur d'orange – Крем с карамелью и флердоранжем*.

II. Контекстные кулинаронимы, состоящие из слов, имеющих эквиваленты в языке перевода, образующие словосочетания кулинарной тематики: *Asperges en petits pois – Спаржа с зеленым горошком*.

Анализ способов передачи французских кулинаронимов на русский язык позволил сделать следующие выводы:

1. Наиболее распространенным способом благодаря простоте реализации оказалось калькирование (перевод выполняется на базе словарных статей и часто не требует от переводчика каких-либо фоновых знаний): *Potage de poisson à la provençale – рыбный суп по-провансальски*.

2. Довольно часто используются транскрипция и транслитерация. Они прекрасно справляются с сохранением национального колорита, точно передают антропонимы, топонимы и названия вин, входящих в состав кулинаронимов, и собственно кулинаронимов: *Boudins de poisson à la Richelieu – Рыбные колбаски Ришелье*, *Pudding au vin de Malvoisie – Пудинг с вином Мальвазия*, *Darne d'esturgeon au beurre de Montpellier – Осетрина куском в масляном соусе Монпелье*.

3. В ряде случаев наблюдается частичная транскрипция, связанная с грамматической ассимиляцией кулинаронимов: **Quenelles de poisson – рыбные кнели**, **Escalopes – эскалопы**.

4. Менее распространен описательный или приближенный перевод. Для его реализации нужны фоновые знания. Он необходим, чтобы дать соответствующие пояснения или подобрать русский аналог: *Brême à la maître d'hôtel – Лещ в масляном соусе с петрушкой*, *Beignets d'ananas – Пончики с ананасами*.

5. Трансформационный перевод (грамматические трансформации) встречается редко. Он более характерен для крупных объемов перевода, нежели для отдельных словосочетаний: *Bayonnaise de filets de soles – Филе камбалы-соль по-байонски*.

При передаче французских кулинаронимов на русский язык часто встречаются различные комбинации рассмотренных способов перевода:

- транскрипция + транслитерация: **Bouchées à la Monglas – Буше Монглас**;

- транскрипция + описательный перевод: *Culs d'artichauts à la ravigote – Донца артишоков с соусом равигот*;

- транскрипция и калькирование: *Chaufroids d'alouettes à la florentine*
– *Шофруа из жаворонков по-флорентийски*.

Французская кухня имеет свои особенности, в связи с этим и возникают проблемы сохранения аутентичности подлиннику и национальной маркированности при переводе. Это требует от переводчика не только хорошего владения языком, но и высокого уровня культурной и страноведческой подготовки.

Список литературы

1. Дюма А. Большой кулинарный словарь. М.: АСТ, 2008. 736 с.
2. Леонова А.И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Тверь, 2003. 214 с.
3. Dumas A. Le grand dictionnaire de cuisine. М.: Иностранная литература, 2012. 664 с.

ФИТОНИМ «АҒАС» («ДЕРЕВО») В БАШКИРСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Кульсарина Г.Г.

докторант кафедры русской и сопоставительной филологии,
канд. филол. наук, Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

Фаткуллина Ф.Г.

заведующая кафедрой русской и сопоставительной филологии,
д-р филол. наук, профессор, Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются особенности употребления фитонимической лексики в произведениях башкирского народного творчества. В работе уделяется большое внимание анализу наименований конкретных деревьев, которые составляют фитонимическое поле этноязыковой картины мира. В статье представлены примеры, извлеченные из произведений разных жанров: обрядов, поверий, легенд, паремий, песен, где фитонимы используются для номинации и описания человека, его внешних характеристик, физиологии, возрастных особенностей, восприятия объектов окружающей действительности.

Ключевые слова: фольклорная картина мира, башкирский фольклор, этноним, концепты, этнокультура, фитонимы.

В создании языковой картины мира любого народа особую роль играют лексемы с предметно-вещественным значением, в частности, многочисленные наименования растительного мира, которые содержат информацию о системе представлений человека о мире, отображают результаты познавательной деятельности в его освоении, формируя основу системы ценностей этноса [6, с. 220; 7, с. 191]. В башкирском языкознании фитонимия как один из фрагментов фольклорной языковой картины мира содержит в себе этнокультурную информацию, отражающую народное восприятие растительных реалий, их аксиологическое и стереотипное осмысление.

Среди лексем-фитонимов наиболее употребительной в материалах башкирского фольклора является «ағас» («дерево»). Деревья с древних времен являются неотъемлемым элементом окружающей нас действительности, поэтому дерево нередко ассоциируется с человеком в целом. В паремиологии корень дерева (*ағас тамыры*) сопоставляется с родословной, родом человека: *Ағас тамыры ер үтә керә, ағам тамыры ил үтә керә* (букв. Корень дерева проходит через землю, корень человека проходит через родину); *Ағас тамырынан ағам тамыры күберәк* (букв. У человека больше корней, чем у дерева) [1, с. 18]. В данном случае проводится аналогия между характеристикой корня дерева – основы растения – с человеком, продолжателем человеческого рода. «Тамыр» (корень) для башкирского народа является символом связи поколений, опоры, родства, силы, надежности и сплоченности: *Өйләнмәгәндең тамыры корор* (букв. У неженатого высохнут корни); *Тамыры йырак ағастың гүмере озак* (букв. Если у дерева глубокие корни, то и жизнь долгая); *Тамыры нык ағасты ел дә куптара алмаҫ* (букв. Если у дерева крепкие корни, его и буря не вырвет); *Тотонған ағасыңдың тамыры нык булһын* (букв. Пусть будут корни крепкими у того дерева, за которое ты держишься); *Бала – бауыр, дуҫ – тамыр* (букв. Ребенок – печень, друг – корень); *Ағастың тамырына балта сабып, япрағы менән дуҫ булма* (букв. Не надо рубить корень дерева и дружить с его листьями); *Ирзәр – имән тамыры, катындар – бойзай камыры* (букв. Мужчины – корень дуба, женщины – пшеничное тесто) [1, с. 452].

«В сознании большинства индоевропейских народов бытует представление о многоэтажной Вселенной, в центре которой находится космическое (Мировое) дерево – ось мира, сердцевина мироздания, интегрирующая весь космос в единое целое. Находясь в сакральном центре мира, оно соединяло три сообщающиеся зоны: небо (ветви дерева), землю (ствол) и преисподнюю (корни)» [3, с. 10]. «Дерево связано со многими обрядами башкир. В частности, во время обрядового праздника «Карға буткаһы» («Воронья каша») обрядовую кашу оставляли для ворон под деревьями. На ветки деревьев привязывали цветные нитки, бусинки и лоскутки во время обрядовых праздников «Кәкүк сәйе» («Кукушкин чай»), «Сәхрә/Сәхрәгә сығыу» («Выход на природу»), а также при прощании невесты с родными в свадебном обряде башкир. Для этого обычно выбирали одинокие (*яңғыз кайын* – «одинокая береза», *яңғыз ағас* – «одинокое дерево») или иные примечательные чем-то деревья, называемые *байтирәк* «густое, или священное дерево, досл. тополь», *байкайын* «густая, или священная береза» [9, с. 22]. Исследователи отмечают, что деревьям приписывалась оберегающая, защищающая сила. «Во время проводов молодых ребят, мужчин на войну, в армию, издавна бытовала и бытует традиция навешивать на определенное дерево (в зафиксированных примерах – это сосна) красочные лоскутки ткани, платки, ленты, платочки с пожеланием скорой встречи и, чтобы вернувшись живым, невредимым, сам увидел украшенное дерево. В ходе ознакомления с этим обрядом, указывая на высохшую одинокую сосну, на которой висели выцветшие ленты, лоскутки, люди объясняли, что дерево не выдержало слез,

разлуки, горя, тоску и оттого высохло. Деревья служат предсказателями событий, человеческих судеб. Бытует поверье о том, что, когда лес скрипит, загадочно шумит («урман яман шаулаһа, ағастар сыйылдаһа»), он предвещает беду, чью-либо смерть. Если срубить яблоню, посаженную рукой человека, или если яблоня сама высохнет (повалит ветром и т.д.), то умрет посадивший ее, случится несчастье. Если осенью не опадают листья дуба, то это означает «придет беда на голову мужчины, вспыхнет война» («ирзәр башына кайғы килә, һугыш-фәлән сыға»). Здесь дуб имеет семантические ассоциации с мужским полом. Крепкий, прочный дубовый столб устанавливали в местах, особо почитаемых, памятных. Столб рода-племени («ырыу бағанаһы») из дуба устанавливали, например, на месте сбора глав, старейшин разных племен» [8, с. 102].

Каждый вид деревьев имеет свою символику. Например, в башкирском народном творчестве «имән» (дуб) является символом долголетия, мудрости и силы, это мощное, внушительного вида дерево с твердой древесиной и глубоко укорененным в землю стволом: *Имән каты ергә төпләнер* (букв. Дуб пустит корни и в твердой земле) [1, с. 219]. В паремиях дуб часто сравнивался с человеком, обладающим такими же чертами: *Ирзәр – имән тамыры, катындар – бойзай камыры* (букв. Мужчины – корень дуба, женщины – пшеничное тесто); *Ирзең оялыуы – имән ағастың бөгөлөүе* (букв. Застенчивый мужчина – согнутый дуб); *Имән ағастың эйелгәне – һынғаны, ир-егеттең оялғаны – үлгәне* (букв. Согнутый дуб – сломанный, стеснительный мужчина – мертвый) [1]. В загадках могучий дуб, проживший на земле несколько веков, представляется в образе медведя: *Мәңге тауза – мең йәшәр айыу* (букв. На вечной горе – медведь тысячелетний). Дуб не только символизирует божество, силу и мудрость; его древесина высоко ценится, используется как прочный строительный материал, а дубовые дрова дают много тепла: *Имән күмере есле була* (букв. Уголь от дуба бывает с запахом); *Кайын тузына маһайыр, имән үзенә маһайыр* (букв. Береза гордится берестой, дуб гордится собой); *Кайындың тузын макта, имәндең үзен макта* (букв. У березы хвали бересту, а дуб сам хвали); *Карагайзың көсө күп, имәндең күмере күп* (букв. У сосны много силы, у дуба – угля) [1, с. 219].

В фольклоре «кайын» (береза) обычно стройная и белоствольная, символ красоты: *Кайын йәме – туз менән, икмәк тәме – тоз менән* (букв. Красота березы в бересте, вкус хлеба – в соли); *Кайын йәме – туз менән, өйзәң йәме – кыз менән* (букв. Красота березы – в бересте, уют в доме – из-за девушки) [1, с. 324].

В мифологии башкир береза, наряду с положительной коннотацией, имеет и отрицательную. Так, в народе запрещалось сажать березу у дома. Башкиры «говорили: “Кайын – кайғылы ағас, өй янына ултыртырға ярамай” – Береза – печальное, скорбное дерево. Ее нельзя сажать у дома. И наоборот, большинство башкирских кладбищ расположены в березовых рощах. Есть обычай сажать березу на могиле» [9, с. 239]. Как отмечает ряд исследователей, существует даже культ березы. «Она считается “женским” и “печальным” деревом. В некоторых районах березу не используют при постройке

дома, объясняя тем, что она приносит беду. Существует запрет изготавливать из березы коромысло, скалку, веретено, так как, согласно поверьям, женщина, которая пользуется ими, будет несчастной. Березу запрещается осквернять, справлять естественную нужду под ней» [8, с. 104]. Береза, стоящая отдельно от других, в паремиях ассоциируется с незащищенностью, чувством одиночества: *Яңғыз кайын дауылдан куркыр, яңғыз йөрөгән ауылдан куркыр* (букв. Одинокая береза боится бури, кто ходит один – боится деревни); *Яңғыз кайынға кош кунмаҫ* (букв. На одинокую березу птица не сядет) [1, с. 324].

В фольклоре даются определенные характеристики и другим деревьям: «тал» (ива) ассоциируется с молодостью, символизирует красоту фигуры, женскую стройность и гибкость и т.д. [5, с. 12]. В паремиях фитоним «тал» («ива») характеризуется как хрупкое дерево и нередко связано с «детской» семантикой: *Бала – тал сыбык* (букв. Ребенок – ветка ивы); *Каты һүззән тал һына, йомишак һүззән таи ирей* (букв. От жесткого слова ломается ива, от мягкого слова плавится камень); *Тал сағында бөгөлмәһәң, таяк сағында бөгөлмәҫһең* (букв. Если не согнешься в пору ивы, в пору палки уже не согнут) [1, с. 450; 7, с. 251].

В устном народном творчестве растительный массив, в основном состоящий из деревьев, передается через лексемы “урман” (лес), “туғай” (луг), “саукалык/кайынлык” (молодой березняк/березовая роща), “йылға буйы” (набережная, вдоль реки):

Ағизелдең тугайзары

Бөзрә таллы, ерекле (букв. На лугах Белой растут кудрявые ивы и ольха) [4, с. 223];

Урал ғына тауы йәмле икән,

Кызырым да үскән саука икән (букв. Красивы Уральские горы, везде молодой березняк) [4, с. 67];

В фольклорных текстах наибольшее количество употреблений выявлено у концепта «урман» (лес):

Карагай за урман кая бите

Шаулайзыр за кисен ел юкта (букв. Вечером когда нет ветра, на скалах шумит сосновый лес) [4, с. 27].

“Урман” (лес) имеет значение – “заколдованное место”, “темное место”, “таинственное место” и в фольклоре играет роль “страшилища”, часто концепт встречается с прилагательным “кара” (черный) – “кара урман” (букв. черный лес) – “дремучий лес”.

Таким образом, лексические единицы, обозначающего реалию мира флоры, являются неотъемлемой составляющей семантики фольклорного слова, а также главным средством моделирования этноязыковой картины мира.

Список литературы

1. Ахтямов М. Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа: Китап, 2008. 774 с.
2. Вотинцева Е.В., Фаткуллина Ф.Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета, 2015, Т.20, № 4. С. 1352-1355.

3. Дехнич О.В. Когнитивная фитометафорическая модель “Дерево” в английском языке //Языки и коммуникация: изучение и обучение. Вып.11. Сборник статей. Орел: Орловский гос.ун-т, 2003. С. 8-12.
4. Дүрт йөз башкорт халык йыры/ төзөүселәре: Ф.Камаев, Н. Шоңкаров. Өфө, 2011. 400 б.
5. Фаткуллина Ф.Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века. Автореф... канд. филол. наук. М., 1991. 22 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира / European Social Science Journal, 2014. № 3. Том 1. С.212-225//<http://mii-info.ru/>
7. Фаткуллина Ф.Г. Реалии духовной культуры в паремиологической картине мира башкирского и русского языков. Модернизация высшего образования в России. Международная научно-практическая конференция. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 245-253.
8. Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М.: Наука, 2005. 248 с.
9. Хисаметдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.
10. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С. 239-243.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕН НАРТОВ

Малиева З.Н.

доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филол. наук, доцент, СОГУ, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматривается этимология фамилий и имен осетинских нартвов с применением тезаурусного метода. Автор приводит обоснования скифских, тюркских, монгольских и в большей степени иранских этимологий. Разнообразие имен героев с точки зрения их происхождения подкрепляет мысль о том, что Нарты – общий эпос, сложенный, однако, главным образом, на иранской почве, и что по всей вероятности, сложение его завершилось во времена монгольского нашествия.

Ключевые слова: нартский эпос, этимология, индо-иранские корни, скифское происхождение, тюрко-монгольское заимствование.

Нартский эпос – сложный текст. Появление всякого эпоса обычно означает как бы завершение фольклора и переход к письменной культуре. Вместе с тем, всякий эпос, как историческое повествование, предполагает ответственность за точность данных, которые приводит сказитель. Неточное воспроизведение текста может послужить неверному истолкованию прав тех или иных фамилий, родов даже народов. Поэтому эпос обычно складывается в момент перехода от военной демократии к государственному устройству. Нартский эпос датируется приблизительно становлением аланского государства. "Нартский эпос восходит еще к скифо-сарматскому периоду истории, т.е. VII-II вв. до н.э. Эпос жил, формировался и обогащался в течение огромного периода вплоть до XIII-XIV вв. н.э. Поэтому ценность нартских сказаний, как исторического источника, исключительно велика" [3, 198]. В отличие от иных эпосов, героями этого эпоса являются титаны, т.е.

не боги и не люди. Трудно сказать, с чем это связано. Здесь можно увидеть в частности отношение к греческой мифологии, титаномахии, однако нельзя не учитывать, что нартский эпос относится не только к осетинам, но и к другим кавказским народам.

Сам термин "нарты" истолковывался по-разному. По мнению В.Ф. Миллера, это слово образовано от древнеиранского "нара" – мужчина. Индоиранской концепции придерживается и Ж.Дюмезиль. В.И. Абаев возводит его к монгольскому обозначению солнца, а нартов представляет его детьми. Т.А. Гуриев считает происхождение термина "нарты" следствием заимствования монгольской легенды потомках Нара – одного из предков монгольских эпических героев.

Таким образом, по мнению известных осетиноведов, слово "нарта" есть не что иное, как монгольское заимствование, к которым относится и ряд имен важных героев героического эпоса, о которых пойдет речь далее. Однако прежде чем анализировать собственно имена, рассмотрим обозначение фамилий, составлявших нартское общество. В пользу индоиранского происхождения нартов, по Дюмезилю, говорит "индоиранская концепция благоустроенности общества, которое представлено тремя родами, несущими соответственно три основные функции: мудрость (Алагата), физическую силу (Ахсартагата) и экономическое благоденствие (Бората) [9, 102]". Такая трифункциональность, как известно, была присуща ряду индоевропейских народов.

Ж. Дюмезиль применял эту теорию трех функций и соответствующих им идеологий последовательно к интерпретации древнеиндийского, древнеиранского и древнегерманского материала.

В.И. Абаев толкует названия нартских фамилий следующим образом.

Ахсартагата. Родоначальником этой нартской фамилии, к которой принадлежат знаменитые герои эпоса Сатана, Урызмаг, Хамыц, Сослан, Батраз, явился Хсартаг. В.И. Абаев считает, что "как и нартская эпопея в своей основе это имя скифского времени (*xsadraka--) [9, 102].

Бората. Начало этому роду положил Бурафарныг, видный герой эпоса. Буквально это имя переводится как "Бора, наделенный зерном". Имя Бора/Бура сопоставляется В.И. Абаевым с именем родоначальника богов в скандинавской мифологии, либо с бур/бор – "желтый". В этом случае имя означает "светловолосый".

Алагата. Это фамильное имя – производная от личного имени Алаг – закавказского происхождения.

Тот факт, что имена нартских героев связаны с различными этимологиями, также является свидетельством того, что складывался этот героический эпос достаточно долго. Наряду с древними иранскими корнями, в нем отмечены тюркские и монгольские, кавказские и арабские заимствования:

Ацамаз – "Орфей мартовского племени", имеющий силу "действия солнца", "приносящий весну". В.И. Абаев связывает это имя со скифским Atamazas, неоднократно встречающимся в эпиграфических надписях в местах обитания предков осетин. Т.А. Гуриев считает "своеобразным прототипом эпического Ацамаза известнейшего и легендарного скифского царя Атея" [6, 28].

Ацырухс – имя красавицы имеет древнеиранскую словообразовательную модель. К этому же кругу принадлежат и такие имена нартских персонажей, как:

Уайиг – ваюг, излюбленный персонаж народной демонологии.

Уархаг – родоначальник эпических героев "нартвов".

Уаргон – имя бога-кузнеца в сочетании Курд-Ала-Уаргон (кузнец – арийский/аланский – Уаргон).

Уадахсин – имя богини ветра – от древнеиранского *wayu – бог ветра.

Уазафтауа – женское имя, сложное слово со значением "заклинательница".

Урузмаг – популярнейший герой осетинского эпоса, брат и муж Сатаны, Урузмаг – иранское имя, засвидетельствованное в армянских источниках в форме Уаразмах (от Yagaza – кабан). В армянских же источниках Моисея Хоренского впервые упомянуто и имя Сатаны, прославленной героини эпоса.

Сатана – старое аланское женское имя. В книге "Наследие скифов и алан" Т.А. Гуриев выдвигает предположение о том, что имя этой героини связано со скифским Sationos – счастливая, радостная. "Имя с таким значением было, видимо, вполне обычным в указанное время. Оно состоит в одном семантическом и морфологическом ряду с подобными же скифо-сарматскими именами, в большом количестве представленными в Припонтских надписях" [6,31].

Имя грозного воина Батраза, осетинского/асского богатыря – одно из наиболее ярких свидетельств монгольского влияния на аланский эпос. Имя относительно недавнее, т.к. «первый слог его пришел из тюркского или монгольского ba(a)tyr, но, безусловно, представляющее собой результат "омоложения" более древнего синонима» [7, 38].

К монгольскому кругу принадлежат и такие имена в эпосе, как Елтаган, Бедзенаг, Сайнаг-алдар, Къандзаргас и др.

Имя Сайнаг-алдар представляет осетинское оформление монгольского Саин-хан – "славный хан", как величали монголы Батыя. Имя Къандзаргас получилось, по мнению В.И. Абаева, из хъан- Ченгес, т.е. Чингис-хан (перестановка частей отвечает нормам осетинского языка того времени). Имя Бедзенаг Т.А. Гуриев сопоставляет с именем монгольского героя Бонон чара (Бадына) Бодунтая. Хамыц сопоставляется с личным именем и титулом в монгольском языке Хабичи.

Исследование этих и других имен позволило Т.А. Гуриеву сделать вывод о том, что "несомненными элементами историзма нашего эпоса являются имена исторических деятелей – монгольских ханов и полководцев" [6, 41].

Имя легендарного Сослана Т.А. Гуриев соотносит с реальным историческим деятелем и полководцем XII – начала XIII вв., мужем грузинской царицы Тамары. Имя Сослан, по убеждению Т.А. Гуриева, произошло от фамильного названия осетинского правящего рода Ц/Саразан, С/Царазан, где "конечное -ан является исконно иранским суффиксом, при помощи которого оформляются осетинские родовые и фамильные названия" [7, 46]. Эпонимом же средневекового осетинского правящего рода был "Цезарь". В.И. Абаев

также определяет имя легендарного Сослана как тюрко-монгольское влияние, сравнивая с ногайским обозначением грозного вида *suslan* или сочетании *solsy eke* значит "храбрый".

Таким образом, имена героев указывают на сложность образования самого эпоса, и можно думать, что его становление шло многие века, и окончательное оформление в литературной записи содержит следы монгольских влияний. Разнообразие имен героев с точки зрения их происхождения подкрепляет мысль о том, что Нарты – общий эпос, сложенный, однако, главным образом, на иранской почве, и что по всей вероятности, сложение его завершилось во времена монгольского нашествия.

Нартский эпос, как любой иной эпос, опирается на интерпретацию исторических реалий, а поэтическая форма интерпретаций предполагает эстетическое воплощение сути событий в символических образах.

Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды (в 3 т.). Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров СОАССР. Владикавказ, 1990. 638 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. АН СССР. Институт языкознания. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение, т.2. 1973. 368 с.
3. Абаев В.И. Нарты. Эпос осетинского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 401 с.
4. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.
5. Абаев В.И. Нарты: Осетинский героический эпос. М., 1990. 103 с.
6. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан (очерки о словах и именах). Владикавказ: "Ир", 1991. 173 с.
7. Гуриев Т.А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. Орджоникидзе: "Ир", 1971. 165 с.
8. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
9. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 231 с.
10. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 390 с.

«БЕРНСКИЕ СХОЛИИ» К «БУКОЛИКАМ» ВЕРГИЛИЯ: ОСНОВЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЕ¹

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются «Бернские схолии» (VIII-IX вв.), раннесредневековый комментарий к произведениям Публия Марона Вергилия, входившим в «школьный канон», круг чтения средневековой школы. Основой для «Бернских схолий» послужили позднеантичные комментарии, самым известным из которых был комментарий Сервия. Поскольку произведения Вергилия считались эталоном литературной нормы, в них есть

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00123а.

комментарии, касающиеся собственно латинского языка, его грамматики, словообразования, происхождения слов, использования риторических средств. Вставки, сделанные авторами «Схолий», касаются сведений по географии, античной мифологии и римской истории, медицине, демонстрируют различия между культурой античного Рима и раннесредневековой Европы.

Ключевые слова: история педагогики, преподавание иностранного языка, средневековый учебник, эпоха Каролингов, средневековая латинская литература, античная поэзия, комментарий, Вергилий, Сервий, Буколики, Бернские схолии.

Одним из античных поэтов, пользовавшихся высочайшим авторитетом у средневековых образованных людей, был Публий Вергилий Марон. Альдхельм Мальмсберийский в сочинении «О септенарии и метрах» называет Вергилия «Мантуанским поэтом» [12, 89, 168С], но если вспомнить, что латинское *vates* одновременно означает и «поэт», и «пророк», то есть человек, которому открыты божественные тайны и который эти тайны возвещает, то становится ясно, сколь высоко ценили Вергилия средневековые богословы. Высокая оценка разных сторон личности античного поэта отражена в сочинениях многих церковных писателей раннего Средневековья. Так, Сальвиан Марсельский, христианский писатель и проповедник V в., называет его «не меньшим из философов» («Об управлении Божиим» [12, 53, 29В-29С]), а у Эннодия Тицинского, современника Сальвиана читаем: «корень наставников Марон, создатель нашего литературного языка» [12, 63, 30В]. Дунгал, один из знаменитых ученых ирландцев при дворе Карла Великого, считал Вергилия «наиученейшим во всех науках» [12, 105, 454В]. Важную роль в том, что Вергилия стали воспринимать как богослова, сыграл св.Исидор Севильский, чья энциклопедия «Этимологии» была в Средние века общеизвестна как кладезь знаний из всех областей человеческой жизни. По мнению св.Исидора, языческих философов можно считать «богословами, так как в своих писаниях они говорили о Боге» [12, 82, 307А-307В]. Среди таких философов он называет и Вергилия, относя его к тем, кто понимал Бога «и как Дух, и как Разум» [12, 82, 307В]. Неудивительно, что богословы Каролингского времени ссылаются на произведения Вергилия в своих трактатах. Цитаты из произведений Вергилия в трактатах богословов Каролингского времени вводятся фразами: «Согласно Вергилию» [12, 101, 885], «как [говорит] Вергилий» [12, 101, 860], «о каковых вспоминает Вергилий» [12, 105, 449], «Потому и Вергилий говорит об этом» [12, 106, 1267], «о которых и Вергилий кратко [говорит]» [12, 110, 509], «как думает Вергилий» [12, 119, 502] и просто «как говорит знаменитый поэт» [12, 119, 440], причем упоминать имя Вергилия не было необходимости, читатель и без этого понимал, на кого ссылается его современник. Ярким примером может быть и Храбан Мавр, педагог, богослов, поэт, к концу жизни возглавивший Церковь Германии как архиепископ Майнцский. В таких его трактатах, как «Комментарий на книгу Бытия», «Комментарий на Книгу Иисуса, сына Сирахова», «Комментарий на Книгу Пророка Иезекииля», пожалуй, самую таинственную книгу Ветхого Завета, находим цитаты и из «Буколик», и из «Георгик», и из «Энеиды». Множество

ссылок на сочинения Вергилия встречаем и в его энциклопедическом сочинении «О вселенной». Подобное отношение к римскому поэту объясняет тот факт, что Вергилий был единственным языческим автором, включенным в так называемый «школьный канон», то есть список поэтов, тексты которых читали в средневековой школе [3, 61]. К концу VIII в., когда сложился «школьный канон», поэзия Вергилия стала обязательной для изучения [3, 61].

В эпоху Каролингов интерес к творчеству Вергилия необычайно возрос. Его произведения переписывались в скрипториях многих крупных монастырей. Так, например, «в монастыре св.Мартина в Туре, где одно время настоятельством Алкуин, было создано пятнадцать манускриптов, столько же в Корби, имевшем тесные связи с придворными кругами, из скриптория Фульды вышло девять списков» [3, 62]. Манускрипты отличного качества были написаны в монастырях Флери, Ферьер, Лорш, Мурбах, Райхенау, Сент-Рикье [3, 62].

Имя Вергилия входило в сознание средневекового человека с первых дней его учебы в монастырской школе. Изучение латыни, без знания которой было невозможно получить образование в Средние века, начиналось с заучивания слов, их правильного написания. Тонкости орфографии изучались по трактату Беды Досточтимого «О правописании», в котором не раз можно встретить обращение к Вергилию: «Вергилий ... сказал» [12, 90, 126В], «Вергилий... говорит» [12, 90, 127А], иногда просто «Вергилий: ... » [12, 90, 128С], «... но Вергилий: ...» [12, 90, 146А].

Латинскую грамматику также постигали, ссылаясь на Вергилия. Св.Исидор Севильский в «Этимологиях» использует пример Вергилия, чтобы объяснить функцию местоимения в латинском языке: «Местоимение так называется, ибо ставится вместо имени, чтобы само имя не наскучило, когда повторяется. Ибо когда мы говорим: “Вергилий написал *Буколики*”, мы добавляем местоимение: “он же написал и *Георгики*”, так разнообразие обозначения и скуку удаляет, и вводит [в речь] украшение» [12, 82, 85В-85С]. И в X в. тексты Вергилия служили материалом для изучения грамматических явлений. Диакон Гунзон Грамматик из Новары в Северной Италии (ум.965 г.) отмечал, что «на удивление Вергилий поставил аккузатив вместо генитива или аблатива» [12, 136, 1287В].

Англосакс Алкуин, знаменитый советник Карла Великого, участник всех его реформ, оставил стихотворное упоминание о том, как изучали поэзию Вергилия в придворной школе. Жалуясь на то, что после его отъезда в Тур в школе дела идут плохо, он пишет: «Чем же стихотворец Марон один лишь согрешил во дворце,/ Разве не был уже достоин этот отец, чтобы нашелся наставник,/ Который во дворце преподавал бы отрокам славные песни?» [4, 141]. «Преподавая славные песни», наставник должен был объяснять ученикам все, что было им непонятно.

Для того, чтобы объяснять неясности в текстах Вергилия, их читали вместе с комментариями, которые были составлены античными грамматиками. Наиболее распространенным был комментарий Сервия, однако он не был единственным учебным текстом. Кроме классического сервиева текста ис-

пользовался так называемый «Сервий увеличенный» (*Servius Auctus*, или *Servius Danelinus*, (по имени французского ученого Пьера Даниэля, первым опубликовавшего его в 1600 г.) [10, 9]), расширенный вариант первоначального комментария, к которому был присоединен текст, предположительно составленный Элием Донатом. [3, 63].

На рубеже VIII-IX в. существовали два манускрипта пояснений к «Буколикам» и «Георгикам», приписываемые Юнилию, или Юнию, Филаргорию, известному только его комментариями к Вергилию. Юнилий обращал внимание в первую очередь на грамматику, но также вводил в свой комментарий политические, биографические и религиозные аллегории. При дворе Карла Великого, видимо, в его библиотеке был и комментарий Тиберия Клавдия Доната, не дошедший до нашего времени. Все эти комментарии попали в Европу, в основном, трудами англосаксонских миссионеров и ученых ирландцев. [3, 63].

В процессе объяснения текста средневековым учителям приходилось составлять и собственные комментарии, учитывающие специфику их аудитории. Они использовали уже существовавшие комментарии, но вносили в них различные вставки и поправки, частично сокращали исходные тексты или распространяли их, если это было необходимо. Наблюдения над текстом представляли собой настоящие «заметки на полях», глоссы.

Наиболее известным школьным комментарием, видимо, возникшим в результате обсуждения текстов Вергилия в классной комнате, являются так называемые «Бернские схолии». Они были составлены в IX в. как объяснение к «Буколикам» и «Георгикам». [3, 63]. Самые старые из манускриптов «Бернских схолий» были написаны в Оксерре, Реймсе [10, 2], Туре [10, 29]. В общей сложности сохранилось семьдесят пять списков «Бернских схолий» разной степени сохранности и полноты [10, 25].

Наиболее полными и верными являются четыре списка «Бернских схолий», которые легли в основу издания Г.Хагена. Три из них хранятся в Государственной Библиотеке Берна (Швейцария). Манускрипт *Bernensis* 172 (B), известен как *Floriacensis* – «Флерийский» [3, 63]. Он был написан в середине IX в. каролингским минускулом в северной Франции, в Оксерре или Флери. Он принадлежал библиотеке монастыря св.Бенедикта во Флери, почему и называется *Floriacensis* – «Флерийский». Манускрипт написан одним писцом, имя которого известно – Ильдемар. На полях Флерийского кодекса находятся глоссы к «Буколикам», «Георгикам» и «Энеиде», обрывающейся на VI книге. [10, 26]. В той же библиотеке хранятся манускрипты *Bernensis* 165 и *Bernensis* 167, глоссы в которых родственны записям в *Bernensis* 172, но корпус глосс последнего наиболее полон и просторен. [3, 63]. *Codex Bernensis* 167 (C) также датируется серединой IX в. Он был написан в районе Луары, возможно, в Оксерре, поэтому известен как *Autissiodorensis* – «Оксеррский». [10, 28]. Особенностью манускрипта 167 (C) являются пятьдесят шесть определенных на староирландском языке [10, 29]. *Codex Bernensis* 165 (D), называемый по месту своего создания *Turonensis* – «Турский», был написан в 1-ой четверти IX в. Часть глосс приписывается ученику Алкуина, Бернону [10, 29]. К

этой же традиции принадлежит и Codex Leidensis Voss.F.79 (V), в колофоне которого написано «Это все я собрал из комментариев римлян, то есть Тита Галла, и Гауденция, и более всего Юнилия Флагрия Миланцев» [10, 30].

Считается, что основой «Бернских схолий» является компиляция из комментариев Сервия, Филаргирия, Гауденция, Элия Доната [10, 11-12], составленная Адомнаном, девятым настоятелем монастыря Йона (ум.704 г.) [3, 64], более известным своим трактатом «О святых местах». Иногда источники, из которых анонимный автор комментария заимствовал материал, указываются, имена грамматиков вводятся в коротких предложениях: *Gaudentius dicit* – «Гауденций говорит», *Iunilius dicit* – «Юнилий говорит». Так, в части «Схолий», посвященной «Буколикам», находим шестьдесят упоминаний имени Юнилия [10, 68].

Комментарий к каждой эклоге открывается небольшим предисловием, сообщающим читателям, о чем идет речь в рассматриваемом тексте. При этом указывается, что эклогу можно рассмотреть «согласно истории» [11, 79] и «с точки зрения аллегии» [11, 79], то есть применить к произведению античной литературы методы толкования Свящ. Писания. Средневековый учитель, будучи клириком, должен был и сам толковать библейские тексты, и объяснить своим ученикам, каковы методы такого толкования. Такие знания можно было почерпнуть в богословских трактатах, например, у свт. Амвросия Медиоланского, свт. Григория Великого и Беда Досточтимого. Так, Беда писал, что «история есть, когда передается понятным языком, каким образом нечто совершено или сказано в буквальном смысле слова: [например,] повествуется, как народ Израилев, спасенный из Египта, возвел кущу Господу» [12, 91, 410B]. Об аллегии у свт. Амвросия Медиоланского: «Аллегория есть, когда одно делается, а другое изображается» [12, 14, 432C]. Однако оба эти метода являются двумя сторонами одной медали: явление земного мира – событие, предмет, поступок, слово – может иметь скрытое значение. Образно об этом написал свт. Григорий Великий в «Моральных толкованиях на Книгу Иова» образно писал о связи истории и аллегии: «когда мы с изумлением спрашиваем, какова зелень [листвы] в истории, находим, и каково богатство плодов в аллегии; ибо в то время как заманчиво то, что благоухает [в виде] листвы, мы познаем, и сколь сладко то, что имеет вкус [в виде] плодов» [12, 76, 251A]. Именно так, с обеих точек зрения, и предлагается в «Бернских схолиях» рассматривать тексты Вергилия.

Поскольку произведения Вергилия считались эталоном литературной нормы, в них есть комментарии, касающиеся собственно латинского языка. Так, например, одной из частей речи, о которых говорится при изучении латинской грамматики, является междометие, и составитель «Схолий» приводит такой пример: «А, наречие скорбящего или междометие скорбящей души или предающего проклятию потомство овец» (комментарий к 15-ой строке [11, 80]). Отмечаются и тонкости латинского словообразования: «Козочек (*capellas*), уменьшительно, коз (*capras*) полностью мы называем» (комментарий к 12-ой строке [11, 80]). В комментарии к 53-ей строке рассматриваются формы двух глаголов: *capto* – «хватать, ловить» и *capio* – «брать, взять», но и

«ловить, поймать» [11, 83]. Глаголы имеют одинаковое значение («равно»), но их формы в *Futurum I indicative* пишутся по-разному.

Грамматика была первой ступенью «тривия», но в «Бернских схолиях» можно найти и сведения о второй ступени «тривия» – «риторике». Вслед за Сервием, который упоминает в своем комментарии к «Буколикам» такие фигуры речи, как гипербатон (перестановка слов), перифраз (описательное, не прямое выражение смысла), и тропы, как аллегория, сравнение, синекдоха [13], средневековые авторы «схолий» также называют разные риторические средства, находя примеры в тексте Вергилия. Только в случае синекдохи содержание комментария Сервия и «Бернских схолий» совпадает: «Афрам, синекдоха, Афров поэт называет вместо Ливии, которая бедна водой» (комментарий к 65-ой строке [13; 11, 85]). Находим в «Схолиях» и примеры аллегории как тропа: «Посредством Юпитера аллегорически обозначается Октавиан» (комментарий к 17-ой строке [11, 81]), «Спелые яблоки (*mitia poma*), аллегорически говорится о сладости песен» (комментарий к 81-ой строке [11, 86]). Также средневековые составители «Схолий» упоминают солецизм [11, 81], ирония [11, 82], металеписис [11, 85].

Внимательное чтение текстов комментария Сервия и «Бернских схолий» показывает, как взаимосвязаны эти два текста. Так, в комментарии Сервия объяснение ко 2 строке начинается так: *silvestrem mvsam id est rusticum carmen* – «сельскую песнь, то есть деревенскую попевку» [13]. Средневековому школьнику такого объяснения было явно недостаточно. Латынь для него была иностранным языком, поэтому, например, необходимо было обратить внимание учащихся на то, что *silvestrem* и *rusticum* являются синонимами: Сельским (*silvestrem*), деревенским [11, 80]. поскольку *silvestris* – «лесной, дикий», но и «степной, пастушеский, сельский»; *agrestis* – «полевой», но и «сельский, деревенский, земледельческий». Видимо, близость значений этих прилагательных объяснялась устно. Поскольку «Бернские схолии» составлялись по крайней мере тремя анонимными авторами, далее приводится еще одно объяснение, явно записанное другим учителем: «Сельским (*silvestrem*), ибо Сильван рождается словно бы в деревне, или говорится, поскольку это возможно и легко объяснимо» [11, 80]. Этого комментария у Сервия нет. Можно предположить, что внимание и анонимного составителя «Схолий», и его учеников привлекло имя *Silvanus* – «Сильван/Силуан» [11, 80], так как разговор об этом имени давал возможность поговорить о святых и об их подвигах. В VIII-IX вв. Западная Церковь знала по крайней мере трех святых по имени Сильван. Св. апостол Сильван, один из семидесяти учеников Христа, которые были избраны в последний год земной жизни Христа для проповеди христианства. Согласно Евангелию от Луки, «После сего избрал Господь и других семьдесят [учеников], и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти, и сказал им: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Лк, 10:1-2). Св. мученик Сильван пострадал в Риме в 164 г. н.э., во время гонений при императоре Максимиане. Третий из святых, священномученик Сильван, епископ Эмесский, принял мученическую кончину в 312 г. во время правления императора Нумериана. Таким образом, имя «Сильван»

могло дать наставнику возможность поговорить о смысле мученичества, о разных ликах святых, рассказать о гонениях на христиан в языческом Риме.

Толкования требовало и слово *musam* [13], первым и наиболее распространенным значением которого было «одна из девяти Муз, дочерей Юпитера и Мнемосины, богини искусств и наук». Значение «музыка, песня, поэзия» реализовывалось только в поэтических текстах и было известно гораздо меньше. На основе созвучия греческого слова с латинским глаголом, аноним объясняет происхождение слова *musa*: «Песню (*Musam*), песня (*musa*) по-гречески получает значение от «тихого напевания» (*mussitando*) или «громкого возглашения» (*personando*), обозначая любое “соединение слов и музыки”» [11, 80].

Немногие комментарии взяты из Сервия без изменений, как, например, часть объяснения к 43-ей строке: «Юношу (*iuvenem*). Называет Августа Цезаря. Ибо сенат постановил, чтобы никто не называл его «отроком», чтобы величие государственной власти не умахалось» [13; 11, 82]. В цитате из Сервия опущено только имя императора *Octavianum* – «Октавиана» [13].

Иногда анонимный составитель «Схолий» приводит текст Сервия с сокращениями. Таковы, например, комментарии к 10-ой строке «Играть (*ludere*), писать» [13] и к 13-ой строке «Дальше (*protenus*), до дальних пределов (*porro tenus*)» [13]. Интересен пересказ комментария к 19-ой строке. У Сервия читаем: «Дай, скажи, так, наоборот, “ныне прими [слухом] коварства данайцев” (Вергилий, «Энеида, II, 65»), то есть услышь» [13]. Поскольку цитата из «Энеиды» была хорошо известна, по крайней мере, самому учителю, достаточно было лишь одного слова из нее, чтобы вспомнить текст и дать развернутый устный комментарий: «”Дай”, скажи, в то время как, напротив, “прими [слухом]”, слушай» [11, 81].

Не менее часты случаи, когда в комментарий Сервия вносятся дополнения. Комментарий Сервия к 39-ой строке весьма краток: «Титир, Вергилий. Сосна (*pinus*), Рим» [13]. Однако автор «Схолий» обратил внимание на наречие *hinc* в 39-ой строке, оставленное Сервием без объяснения: «Отсюда (*hinc*), из Мантуи или из Рима, во время несогласия/раздоров отошел (*secessit*)» [11, 82]. Объясняя 40-ую строку, Сервий прибегает к аллегории: «Источники (*fontes*). Сенаторы. Заросли высоких кустов (*arbusta*), кусты (*fructeta*), то есть риторы» [13]. В «Схолиях» сервиев текст несколько сокращен: «Источники (*fontes*), сенаторы. Рощи (*arbusta*), риторы» [11, 82], затем эта же строка объясняется в соответствии с методами толкования Свящ.Писания, аллегорическим и историческим: «Голос пастуха, призывающего другого из изгнания; аллегорически поэта к поэту ... Согласно истории, Мелибей говорит Титиру, что когда другие пастухи называли его отсутствующим, рощи и источники отвечали голосу Амариллиды» [11, 82]. Дополнение бывает необходимо, чтобы учащиеся, для которых латынь не является родным языком, получили более полную информацию. Если у Сервия читаем: «рабством (*servitio*), неволя – признак обстоятельства» [13], то в «Схолиях» сравниваются два очень похожих существительных, различающихся

лишь суффиксами: *servitus* – «рабство, невольничество, неволя» как состояние и *servitium* – «множество слуг», рабство как социальная группа [11, 80].

Любопытен случай 49-ой строки. Сервий пишет: «Болото (*palus*), то есть водная гладь (*aequor*)» [13]. Первым значением существительного *aequor* является «ровная (гладкая) поверхность, гладь», и, если речь идет о воде, то оно означает «водный простор, поверхность моря, море, морскую воду», реже «поверхность реки». В любом случае, можно представить себе, что *aequor* характеризует реку Минций с точки зрения ширины (любая река уже моря) и солености воды. Видимо, составитель «Схолий» чувствовал некоторое несоответствие *aequor* по отношению к реке, поэтому в «Схолиях» *aequor* заменен на другое существительное, *flumen* – «течение», «река»: «Болото (*palus*), течение (*flumen*) Минция (Mincii)» [11, 82]. Среди значений *flumen* есть «плавное течение», что в отношении Минция соответствует реальности: Минций отличался медленным течением, возможно, у берегов был заболочен. Видимо, этот факт был известен автору именно этого комментария в «Схолиях».

Вставки, сделанные авторами «Схолий», касаются материала, который можно обсуждать на занятиях во время чтения «Буколик». В основном, это сведения по географии, античной мифологии и римской истории. Так, например, большого внимания, по мнению составителя «Схолий», заслуживают названия гор и рек, упомянутых у Вергилия. Комментарий к 55-ой строке у Сервия сообщает, что «Гибла, которая после [звалась] Мегарой, город Сицилии или место в Аттике, где рождается лучший мед» [13]. Как кажется, все три составителя «Схолий» оставили свои записи об этой знаменитой горе. Один из них пересказывает Сервия, опуская, однако, греческое название «Мегара», хотя и упоминая Аттику, а также называет имена Гауденция и Юнилия [11, 83]. Другой рассматривает не связь прилагательного «Гиблейский» с географией, а словосочетание «гиблейские пчелы» [11, 82]. Третий краток: «Гибла же – гора на Сицилии, где есть лучший мед» [11, 83]. Исторические факты, которые были известны ученикам античной школы, стоило сообщить ученикам школы средневековой, например, смерть Цезаря (комментарий к 37-ой строке в «Схолиях» [11, 82]), земельная реформа Суллы (комментарий к 11-ой строке «Схолий» [11, 80]), несколько упоминаний о Марке Антонии (комментарии к 3-ей, 41-ой, 71-ой строкам «Схолий» [11, 80, 82, 85]).

Сервиев комментарий к 17-ой строке довольно обширен и касается, в основном, «удивительным образом составленного предсказания» [13] о Риме, которое автор «Схолий» передает при помощи словосочетания «судьбы римлян» [11, 81]. Зато упоминание о том, что «дуб находится под защитой Юпитера» [13], открывает перед составителями «Схолий» прекрасную возможность поговорить об античной мифологии, например, объяснить, в чем выражается связь Юпитера и дуба: «когда кто согрешал перед Юпитером, он сам поражал дуб, и это означало “гнев Юпитера”» [11, 81]. Тут же рассказывается и о храме Юпитера Додонского в Греции, где «священные дубы, которые возвещали судьбы римлян» [11, 81]. В другом месте, в комментарии к 53-ей

строке, Сервий краток: «Священные источники, ибо все воды охраняют нимфы» [13]. Текст «Схолий» более просторен: «И священные источники (*Et fontes sacros*), вместо богинь, нимф. И священные источники (*Et fontes sacros*), то есть обиталища нимф, ибо они охраняют все водные источники, и потому они называются их обиталищами» [11, 83]. Как кажется, интерес к античной мифологии может быть вызван не только желанием сделать текст иной культуры полностью понятным для читателя, но и потому, что в VIII в., когда текст «Схолий» только складывался, христианство было новой верой для франков, и франкское духовенство еще долго сталкивалось с почитанием деревьев, камней, источников у своих соотечественников. Начав разговор о священных дубах или богинях источников, наставник мог поговорить и о пережитках язычества, с которыми его ученики, будущие пресвитеры, могли столкнуться во время будущего служения.

Частью образовательной программы средневековой школы были и основы медицины, предполагающие знание свойств растений, поэтому в комментариях к «Буколикам» встречаем и сведения о них. Например, «широковетвистый бук» [13], под которым отдыхает Титир, характеризуется как «плодоносное дерево, плодами которого питались древние» [11, 79]. К сервию комментарию о люцерне, воспроизведенному полностью, прибавлено сообщение о том, что это «трава, приносящая изобилие молока» [11, 86].

Поэзия Вергилия и комментарий Сервия принадлежат к иной культуре, чем та, фактом которой являются «Бернские схолии». Подтверждением этого оказывается комментарий к 28-ой строке Первой буколики. Там, где Сервий дает довольно расплывчатое определение: «Свобода (*libertas*), то есть любовь к свободе (*amor libertatis*)» [13], автор «Бернских схолий» выражается в достаточной мере точно: «Свобода (*libertas*), *honor, fides*» [11, 81]. Чтобы понять разницу в отношении к свободе у людей поздней античности и средневековья, нужно знать, что они вкладывали в это понятие. Словарное определение *libertas* (значения, которые могут относиться к интересующему нас понятию) таково: «свобода, воля» – «право» – «вольность, независимость» – «стремление к свободе, независимости». В своей комментарию Сервий, видимо, имел в виду последнее из перечисленных значений, ибо в тексте Вергилия речь идет об освобождении из рабства и обретении независимости.

Примеры античного понимания свободы можно найти у Цицерона, автора, хорошо известного образованным людям эпохи Каролингов. Проблема свободы (*libertas*) весьма сильно занимала знаменитого оратора. В его сочинениях слово *libertas* употребляется 388 раз [5], причем он дает около 60 определений свободы [5]. Из анализа наиболее часто встречающихся определений можно заключить, что для Цицерона «свобода прежде всего понятие политическое, неотделимое от понятий *res publica* (государство) и *populus* ([римский] народ)» [5]. Противостоят свободе (*libertas*), с одной стороны, рабство, раздоры (*discordiae*), гражданская война (*bellum civile*) [5], наносящие вред свободе на государственном уровне, с другой, страх (*metus*), неслыханно жестокие речи (*inaudita crudelitas verborum*), разнузданность (*licentia*), узы (*vinculum*) [5], вторгающиеся в жизнь человека как свободной личности.

Свобода, по Цицерону, связана с миром и спокойствием, она является одной из основ государства [5].

Автору «Схолий» *libertas* как «любовь к свободе», то есть стремление к миру, покою и личной независимости, было, видимо, чуждо. Как говорилось выше, для него *libertas* означала *honor* и *fides*. Существительное *honor* означает «почесть, почет» и «слава», а *fides* соответствует «вере» – вероисповеданию, что естественно для христианина и клирика, но и «доверию, верности» и «защите, покровительству», относящимся не только к сфере религии, но и к представлениям об отношениях в обществе, в том числе и в дружине. Если вспомнить, что два из наиболее полных манускриптов «Бернских схолий» созданы писцами, носившими германские имена – Ильдемар из Флери [10, 26] и Бернон, ученик англосакса Алкуина, из Тура [10, 29], то можно попытаться реконструировать смысл, который автор, а, может, и переписчик, «Схолий» вложил в понятия *honor* и *fides*.

Согласно словарю Босворта-Толлера, глоссой к *honor* является *ār* – «честь, почесть, слава, великолепие, уважение, почтение» [9]. Известно, однако, что существует большая группа слов, выражающих понятие «слава» [7; 1, 142]. Для англосакса, как и для любого германца, важна была воинская слава, результат той «доблести» [Тацит], о которой писал еще Тацит: слава «отождествляется с силой и мощью, героическими деяниями и подвигами, доблестной победой, молвой или словесным восхвалением, радостями дружинного бытия, человеческим веком» [7]. С принятием христианства к понятию славы, полученной на поле боя, добавились и черты, сопровождающие победу в «духовной брани», – «доброе дело, смирение, страдание» [1, 146]. Так или иначе, средневековый германец, например, англосакс VIII-IX вв., воспринимает славу как личную, обретенную в бою – реальном или духовном. «Вера» также может рассматриваться как элемент дружинного мировоззрения. С одной стороны, взаимная верность короля или главы дружины и его воинов, их забота друг о друге, поддержка и взаимопомощь (согласно словарю Босворта-Толлера, *fides* иногда глоссируется как «доброта, благорасположение, верность, дружба, привязанность» [9]); с другой, «вера» как «вероисповедание» подразумевает верность Богу, одно из имен Которого *Drihten* – «Вождь, Господин, Господь», например, *Witig Drihten, ródera Ráðend* – «Премудрый Господь, Правитель Небес», *Ic eom Drihten ðín God* – «Я Господь Бог твой» [9], Исправляя текст Сервия, автор (или переписчик) «Схолий» в понимании *libertas* исходил из представлений, присущих германской культуре, и ориентировался на аудиторию, для которой эта культура была своей.

Текст «Схолий» позволяет предположить, как именно проходили занятия, на которых читали «Буколики». Видимо, текст Вергилия зачитывали и разбирали строка за строкой. В каждой строке учитель комментировал либо отдельные слова, идущие друг за другом, либо смысловые единицы текста. Иногда слова, входящие в одно словосочетание, в тексте не стоят рядом, однако в «Схолиях» они анализируются вместе. Комментарий к отдельному слову может касаться грамматики, словообразования, происхождения слова,

а также той информации, которая в наши дни называется «экстралингвистической» [2, 12]. Это сведения из античной мифологии, истории, географии, ботаники, которые можно вспомнить при чтении текста по ассоциации. Каждый факт может стать отправной точкой рассказа. Учитель и сам имел возможность рассказать что-либо, и побудить к речи своих учеников, причем «Схолии» позволяют работать с аудиторией разного уровня. В «Схолиях» упоминаются не только исторические деятели (Октавиан Август, Сулла, Марк Антоний), но и поэты Гораций и Корнелий Галл, комедиограф Плавт, что открывает тему римской литературы. Упомянув эти имена, учитель, возможно, предлагал учащимся какие-то строки из этих авторов для чтения, заучивания наизусть, отработки навыков письма. Известно, что, начиная писать отдельные буквы и слова, учащиеся переходили к коротким предложениям и небольшим текстам, возможно, и стихотворным [8, 112, 134].

Несмотря на то, что «Бернские схолии» окончательно сложились как текст в течение IX в., методика, которая оказалась зафиксированной в них, не потеряла своей актуальности и сегодня. С некоторыми естественными изменениями она существует в наши дни в виде двух видов анализа текста – линейно-комплексного [2] и филологического. Как и авторы «Бернских схолий», современные преподаватели иностранного языка полагают, что «чтение – это один из эффективных приемов иностранного языка» [2, 3], в особенности «изучающее чтение отобранного материала с полным и точным пониманием всех его деталей» [2, 4]. Согласно методике Л.И.Зильберман и М.А.Павликовой, разбор текста нужно начинать с попытки определить его общую идею [2, 24], и такое же вступление к подробному разбору текста находим в «Бернских схолиях» [11, 79]. В современных комментариях, как и в средневековых, находим сведения по грамматике, лексике, словообразованию, стилистике иностранного языка, облегчающие понимание анализируемого текста. Однако разбор текста, осуществляемый в «Схолиях», глубже. Он напоминает методику, называемую «филологическим анализом текста», в котором большую роль играет объяснение фактов экстралингвистической информации, определение места произведения в литературной традиции и его интертекстуальные связи. Новое – это хорошо забытое старое, и «Бернские схолии» являются прекрасным этому подтверждением.

Список литературы

1. Антипова А.С. Концепт *слава* в древнеанглийском языке и культуре// Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. т.4, выпуск 2. С. 141-147.
2. Зильберман Л.И., Павликова М.А. Линейно-комплексный анализ текста. Пособие по обучению чтению английской научной литературы. М., 2000. – С. 140.
3. Ненарокова М.Р. Каролингская эклога: теория и история жанра. М., 2012. 416 с.
4. Ненарокова М.Р. «Пришло письмо...»: страница из стихотворного дневника Алкуина// Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2014. № 6. С. 138-150.
5. Павлов А.А. К вопросу о *libertas* у Цицерона // Жебелевские чтения-4. Тезисы докладов научной конференции 30 октября – 1 ноября 2002 года. СПб., 2001// <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2002-10/pavlov.htm>

6. Тацит, Публий Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии// <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/tacit.htm>
7. Шапошникова, Е. А. Введение диссертации (часть автореферата) на тему "Семантика древнеанглийских поэтических наименований славы : Опыт текстоцентрического анализа"//<http://www.dissercat.com/content/semantika-drevneangliiskikh-poeticheskikh-naimenovaniy-slavy-opyt-tekstotsentricheskogo-anal#ixzz4E4Pggbv4>
8. Anglo-Saxon Conversations. The Colloquies of Aelfric Bata. ed. S.Gwara. tr., intr. D.W.Porter.Woodbridge, The Boydell Press, 1997.- p.208.
9. J. Bosworth & T. N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary// <http://www.bosworthtoller.com> – эл.ресурс.
10. Daintree, D.Ch.Campbell. Scholia Bernensia. An edition of the Scholia on the Eclogues of Virgil in Bern Burgerbibliothek Manuscript 172. Submitted in fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of Tasmania. September, 1993. – p.333.
11. Scholia Bernensia ad Vergilii Bucolica atque Georgica. Edidit, emendavit, praefatus est Hermannus Hagen. Georg Olms Verlagsbuchhandlung, Hildesheim, 1967. – s.344.
12. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus. – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
13. MUSAIOS 1.0e-32, by Darl J. Dumont and Randall M. Smith. – On CD-Rom. – Los Angeles, California, 2000.

«... ДЛЯ ВАС, МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ ...»: ЭЛЬФРИК ЭЙНШАМСКИЙ КАК АВТОР УНИКАЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА¹

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

Статья посвящена педагогическому творчеству Эльфрика Эйншамского (ок.950-после 1010), одного из самых образованных людей раннесредневековой Англии. Три его произведения – «Извлечения из искусства грамматики на языке англосаксов», латино-англосаксонский глоссарий и диалог «Собеседование», наиболее известны из этих трех книг, позволяли преподавать англосаксонским учителям преподавать латынь по методике, не потерявшей своей актуальности и в наши дни: язык изучается с точки зрения грамматики и лексики, и усвоенные знания оттачиваются во время практики устной речи.

Ключевые слова: история педагогики, преподавание иностранного языка, ранне-средневековая Англия, англосаксонский язык, латинский язык, англосаксонская литература, средневековая латинская литература, грамматика, Эльфрик Эйншамский.

Имя Эльфрика Эйншамского (ок.950-после 1010), одного из самых образованных людей раннесредневековой Англии, известно благодаря его изящной прозе, написанной на англосаксонском языке, его богословским произведениям, к которым обращались и во времена Реформации, а также небольшому учебному диалогу, который носит условное название «Эльфри-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 14-06-00123а.

ково собеседование». Эльфрик был учеником весьма прославленных ученых мужей. Согласно автобиографическому отрывку в его грамматическом трактате, он учился сначала у некоего священника, которым он не был доволен, затем в Винчестере у епископа Этельвольда, далее у епископа Дунстана, позже архиепископа Кентерберийского, главы Англосаксонской Церкви, который и рукоположил его [3, 202]. И Этельвольд, и Дунстан были ключевыми фигурами Бенедиктинского Возрождения X в., когда в Англии после периода упадка вновь возродился интерес к знаниям, учености, латыни, а также к своей родной культуре и языку. Эльфрик оказался достоин своих блистательных учителей. В 987 г. он, уже монах и священник, поселился в монастыре Сернел [1, 2] (иначе – Серне Аббас [2, 8]) в Дорсете, где в течение многих лет возглавлял монастырскую школу, обучая мальчиков основам латыни [3, 202-203]. После 1005 г. Эльфрик стал настоятелем новооснованного монастыря в Эйншаме и вошел в историю как Эльфрик Эйншамский. Среди учеников его было, видимо, немало незаурядных людей, однако двое имеют отношение к написанным Эльфриком учебникам. Один из учеников, Этельнот, настоятель Крайст Черч в Кентербери, затем архиепископ Кентерберийский, ответственен за появление списка «Собеседования» в библиотеке Крайст Черч [1, 2]. Другой, его тезка Эльфрик Бата, учившийся у Эльфрика после 1005 г. в Эйншаме, дополнил текст «Собеседования» и написал по его образцу свои «Латинские беседы» [1, 7].

Еще живя в монастыре Сернел, между 992 и 1002 гг. [2, 217], Эльфрик составил три взаимодополняющих друг друга учебника, в которых он, как кажется, сохранил то, чему он сам научился в юности («... я следую тому, чему я научился в школе Этельвольда ...» [3, 204]), и обобщил свой собственный опыт преподавания латыни. Это были латинская грамматика (известно, что она создана ок. 998 г. [2, 8]), латинско-англосаксонский глоссарий и наиболее известная из трех книг – латинский диалог «Собеседование», при помощи которого ученики монастырской школы осваивали повседневную, разговорную латынь. При том, что именно «Собеседование» привлекает внимание исследователей, эти три учебника должны были использоваться в определенной последовательности. Усвоив основы латыни при помощи грамматики, ученик переходил к глоссарию, развивая свой словарный запас, а затем к «Собеседованию», выучивая отдельные синтаксические конструкции, способы построения предложения и использования лексики в речи [3, 203].

Эльфрик, ученик не только Этельвольда и Дунстана, но и некоего, видимо, малообразованного священника, под руководством которого он постигал начала латинской грамотности, мог представить себе проблемы образования в родной стране. Он знал, что в истории его родины были периоды, когда знание латыни почти сходило на нет. Свой комплекс учебников он предназначил людям, которые уже умели читать и писать на родном языке, но ощущали трудности в освоении латыни [4, 194]. Чтобы облегчить восприятие латинского языка, без знания которого ни один средневековый человек не мог получить глубокого образования, Эльфрик первым в истории англий-

ской, а, возможно, и европейской педагогики стал обучать латыни при посредстве родного языка. Подобные учебники позже появятся только в XIV-XV в. [4, 191]. Можно с уверенностью сказать, что Эльфрик также стал пионером в разработке английской лингвистической терминологии, поскольку ему приходилось объяснять грамматические явления на англосаксонском языке [4, 191].

Эльфрик назвал свою грамматику *Excerptiones de arte grammatica anglige* – «Извлечения из искусства грамматики на языке англов». В предисловии к грамматике он отмечал, что его труд не будет принят соотечественниками с пониманием: «Знаю, что многие упрекнут меня за то, что я решил предаться таковому занятию, то есть переводу искусства грамматики на язык англов» [3, 207]. Однако неодобрение образованных соотечественников не смущало Эльфрика. Он объяснял своим юным ученикам: «... как только вы усвоите по этой книге восемь частей речи донатовой грамматики, вы сможете привить своим нежным умам знание обоих языков, латинского и англского, прежде чем перейдете к более серьезным занятиям» [3, 207]. Эльфрик напоминает читателю, что совсем недавно знание латыни почти исчезло в Англии. Он предполагает, что даже если знание латыни снова окажется под угрозой, читатели, знающие свой родной язык, всегда смогут научиться латыни по его учебнику [2, 218].

Отправной точкой грамматики Эльфрика была сокращенная версия трактата Присциана *Institutiones grammaticae* – «Установления грамматики», называвшаяся *Excerptiones de Prisciano* – «Извлечения из Присциана». Сократив исходный текст, Эльфрик, тем не менее, затрагивает в своем учебнике традиционные темы: высказывание, звук, слог и дифтонг, восемь частей речи (существительное, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие), а также другие темы, например, числительные, меры и единицы веса, и переводит все объяснения на англосаксонский язык. Упор в грамматике Эльфрика делается на склонение имен существительных, местоимений, на спряжения глаголов и на увеличение словарного запаса. Грамматические явления иллюстрируются обширными списками слов, причем каждое латинское слово имеет англосаксонский перевод [2, 218]. Так, чтобы проиллюстрировать 1-ое склонение существительных, Эльфрик выбирает слово *citharista* – «арфист», поскольку игра на арфе была важным элементом англосаксонской культуры. Имена известных англосаксов – «король Эдгар», «епископ Этельвольд», «архиепископ Дунстан», даже «Беда» (Эльфрик явно имел в виду Беду Досточтимого) – использовались как примеры для склонений имен собственных. [4, 194]. В грамматике можно найти латинские словосочетания и предложения с переводом на англосаксонский язык, своеобразные «упражнения на перевод с ключами», что давало возможность использовать их на занятиях. Материал для этих упражнений Эльфрик брал из бытовой жизни англосаксов, деревенской или монастырской: «монахиня долго трудится, обучая девочек», «они прядут шерсть», «сеть нашего рыбака», «инструменты нашего сапожника» [4, 194]; «работа его кузнеца» [3, 209]. Отдельно о строении предложения в грамматике Эльфрика речь не идет, но на

ее страницах встречаем краткие диалоги, как латинские, так и англосаксонские: «Этому человеку я даю коня» – «Что ты дашь мне?» – «Я даю тебе одну книгу» [1, 8n]. Некоторые диалоги воспринимаются как источник знаний о самом Эльфрике: «Если бы ты спросил меня: «Кто тебя учил?», я бы ответил: «Дунстан». – «Кто рукоположил тебя?» – «Он рукоположил меня»...» [3, 208]. Усвоив такие словосочетания и короткие предложения, ученик более легко переходил к изучению «Собеседования». Надо сказать, что усилия Эльфрика не пропали даром, его грамматика пользовалась большим успехом у изучающих латынь и до Норманнского завоевания Англии, и даже позже: до 1066 г. сохранилось 13 списков, еще несколько после 1066 г., причем два с норманнскими глоссами [2, 218].

Учебник латинской грамматики давал учащимся знания о структуре языка, а глоссарий помогал увеличить словарный запас. Латинско-англосаксонский глоссарий, составленный Эльфриком, охватывал лексику по темам: от Небесной Иерархии к человеку, миру природы, предметам и занятиям человека [1, 10n]. Эльфрик здесь продолжает давнюю традицию учебных глоссариев, возможно, восходящую к временам расцвета латинской учености в Англии рубежа VII-VIII вв. К этой же традиции принадлежит и англосаксонский глоссарий, видимо, каролингского времени, найденный в библиотеке монастыря Санкт-Галлен: «в нем нет списков особенно ученых выражений, нет даже богословских терминов. Глоссарий состоит из слов, взятых из различных областей повседневной жизни: человек по отношению к своим собратьям; качества и характеристики человека; части тела; небо и погода; время; земля; жилища; материал, из которого строят здания; деревья, животные и птицы» [1, 13n]. На занятиях глоссарий можно было использовать для того, чтобы заучивать неизвестные слова и затем переписывать их на восковых табличках [1, 10n].

Усвоив грамматику и поднакопив лексику, можно было переходить и к «Собеседованию», целью которого состояла в развитии навыков устной речи у учащихся [4, 193]. По мнению одного из исследователей «Собеседования», Г.Н. Гармондсвея, «структура Глоссария предваряет Собеседование, например, в выборе определенных групп слов, таких, как названия животных и рыб» [1, 7].

Всего сохранилось четыре манускрипта, содержащих текст «Собеседования» – три в Великобритании, один в Голландии, причем рукописи R₁ (хранится в Антверпене) и R₂ (находится в Британском музее) представляют собой части одного списка. Рукопись J входит в собрание библиотеки Сент-Джон'с Колледж в Оксфорде. Наиболее примечательным является список C: это единственный текст, в котором англосаксонские глоссы составляют последовательно записанный текст, известный, пожалуй, даже лучше латинского оригинала, так как к нему часто обращаются исследователи истории английского языка и англосаксонской культуры. Язык глосс являет собой пример вессекского диалекта 1-й пол. XI в. [1, 15-16]. Синтаксис англосаксонского текста определяется не только тем, что он вторичен по отношению к латинскому диалогу, но и тем, что было важно снабдить каждое латинское

слово переводом. В начале диалога совпадение англосаксонского и латинского текстов полное, далее наиболее употребительные выражения, видимо, уже усвоенные учениками, опускаются. В коротких предложениях сохраняется порядок слов, присущий англосаксонскому языку, хотя обычно видим порядок слов, типичный для латыни [1, 16-17]. По мнению Г.Н.Гармондсвея, копия с англосаксонскими глоссами не была единственной, в англосаксонском тексте С есть ошибки, которые мог сделать переписчик [1, 4n]. Исследователь также высказывает предположение, что первоначально англосаксонский текст был записан на занятиях наиболее талантливыми учениками, поэтому некоторые ошибки напоминают скорее ошибки при письме под диктовку [1, 4n]. Возможно, список С был заказан для библиотеки Крайст Черч в Кентерберии Этельнотом, архиепископом Кентерберийским (1020-1038), учившемся у Эльфрика в монастыре Сернел [1, 2]. Этот список находился в библиотеке Крайст Черч еще в XIV в. В каталоге книг Генри из Истри, приора Крайст Черч в 1284-1331 гг., находим запись о книге: *Locutio latina glossata Anglice ad instruendos pueros* – «Латинская беседа с английскими глоссами для научения отроков» [1, 2]. Оксфордский манускрипт, в состав которого входит список J, принадлежал монастырю в Дареме, на севере Англии [1, 2], что показывает, насколько широко было известно эльфриково «Собеседование».

Рукопись «Собеседования» никогда не представляла собой отдельную книгу. Так, в состав Оксфордского манускрипта входят грамматика Эльфрика, три диалога Эльфрика Баты и манускрипт J, расширенная версия бесед Эльфрика Эйншамского, сделанная Батой [1, 2]. В манускриптах R₁ и R₂, представляющих собой части одной рукописи, «Собеседование» Эльфрика также сопровождается текстом Грамматики Присциана (*exerptiones de Prisciano*), коротким латинским глоссарием, латинско-английским глоссарием, комментарием к грамматике Доната [1, 2]. Такой состав книг показывает, что в Средние века «Собеседование» не рассматривалось как отдельный, самостоятельный текст, к нему обращались на определенном этапе изучения латыни, когда знания грамматики, лексики и синтаксиса применяются на практике и учащиеся тренируются в правильном произношении слов и в составлении небольших текстов.

По структуре «Собеседование» представляет собой цепь сценок-разговоров, связанных личностью наставника, который направляет беседу, задавая присутствующим вопросы по очереди. Обрамлением этим сценкам служат вступительный диалог наставника и его учеников и заключительная речь к ученикам. Интересно, что по структуре эльфриково «Собеседование» занимает промежуточное место между грамматическим диалогом Алкуина («Диалог между франком и саксом»), который также начинается разговором наставника и учеников, и «Латинскими беседами» Эльфрика Баты, в котором такого вступления нет, зато есть пространное поучение, завершающее первую часть «Бесед».

Грамматический диалог Алкуина можно назвать стандартным школьным учебником, по которому в IX-X вв. как в Европе, так и в Англии ученики монастырских школ постигали основы латинской грамматики и разговор-

ной латыни [2, 217], поэтому обращение к нему Эльфрика Эйншамского не удивительно. Видимо, и сам Эльфрик был хорошо знаком с этим текстом, возможно, начинал по нему учить латынь. По сравнению со вступительным диалогом Алкуина вступление Эльфрика весьма кратко, но оба текста объединяет одна мысль: желание учиться полезному. У Алкуина ученики желают научиться философии, тогда как цель эльффриковых учеников более проста: называя себя «невеждами», которые «говорят на испорченной [латыни]» [1, 18], они хотят «правильно говорить по-латыни» [1, 18]. Словно бы следуя алкуинову высказыванию «Умеренное их [богатств премудрости] употребление помогает, чрезмерное – отягощает, откуда выходит то философское изречение: Ничего сверх меры» [5, 101, 850D], Эльфрик сохраняет основную мысль вступления Алкуина и формулирует цель своего «Собеседования»: чтобы «речь была правильной, полезной, а не пустой и полной низменных выражений» [1, 18].

Серия сценок-диалогов, составляющих эльффриково «Собеседование», начинается разговором наставника с юным монахом, который и представляет остальных своих «сотоварищей» [1, 18]: «Иные – пахари, иные овчары, иные волопасы, некие еще охотники, некие – рыбаки, некие – птицеловы, некие – купцы, некие – сапожники, иные солевары, иные пекари, повара» [1, 20]. После того как каждый из «сотоварищей» рассказывает о своем ремесле или занятии, наставник хочет выстроить некую иерархию занятий, соответствующую устройству англосаксонского общества. Обобщающая оценка вложена в уста «мудрого советчика» [1, 38]. Эльфрик употребляет здесь слово *consiliarius* – не только «советник, советчик», то есть «человек, дающий советы», но и «истолкователь божественной воли», имеющий дар рассуждения, различения добра и зла, иными словами, монастырский старец. Именно «мудрый советчик» примиряет всех присутствующих и объясняет роль каждого для процветания всей страны. Разговор о двух видах мудрости – земной, мирской, и вечной, тесно связанной с христианской моралью, – вновь отсылает нас к вступлению алкуинова грамматического диалога. Однако если Алкуин перечисляет внешние проявления мирской мудрости: «Что вы, люди, о славе, о почетном достоинстве, о собирании богатств помышляете?», Эльфрик показывает, что скрывается за внешне привлекательным фасадом: «Хотите ли вы быть лицемерами или знающими многообразные способы обмана, лукавыми в речах, хитрыми, изворотливыми, благое говорящими, но дурное помышляющими, любящими сладкие речи, но в душе питающими коварство, подобные могиле с украшенным склепом, полным зловония» [1, 43]. Несмотря на краткость эльффрикова текста по сравнению с алкуиновым, оба автора призывают к мудрости небесной: согласно Алкуину, «лучше быть украшенным внутри, чем снаружи, чтобы придавать блеск бессмертной душе» [5, 101, 852A], что соответствует эльффрикову «быть простыми без лицемерия и премудрыми, чтобы удаляться от зла и творить добро» [1, 43]. Предпоследний диалог посвящен рассказу о повседневной жизни маленького послушника или монаха в монастыре. В заключительной речи наставник обращает внимание на поведение маленьких монахов, призывая их вести себя так, что-

бы соответствовать нормам хорошего поведения, принятым в англосаксонском обществе, в частности, в монастыре. Позже ученик Эльфрика Эйншамского Эльфрик Бата в своих «Латинских беседах» сосредоточится именно на сценках из повседневной жизни маленьких монахов, учеников монастырской школы и, таким образом, разовьет то, что было лишь намечено в «Собеседовании» его учителем.

В школе и вне ее ученики должны были говорить на латыни, поэтому им нужна была лексика, позволявшая не прибегать к родному языку. На занятиях в монастырской школе каждому ученику давалась роль, связанная с темой, которую изучали в это время, сначала наставник предлагал некие образцы ответов, затем побуждал учеников формулировать собственные ответы, используя эти образцы и основываясь на наблюдениях за повседневной монастырской жизнью. В монастырях были мастерские, кухня, кузница, сады, и т. д., где маленькие монахи могли нести послушания. Наставник задавал вопрос, затем направлял беседу, но и ученикам приходилось весьма много говорить [1, 14].

Текст «Собеседования» представляет и учителю, и ученикам множество возможностей для развития устной речи. В первую очередь это вопросы с различными вопросительными словами, побуждающие собеседника к развернутым ответам: *Quid ...?* – «Что...?» [1, 18], *Quomodo ...?* – «Каким образом...?» [1, 20], *Qualem?* – «Какой?» [1, 23], *Cur ...?* – «Почему...?» [1, 28], *Quare?* – «Вследствие чего/ По какой причине...?» [1, 29]. Эльфриков текст дает и образцы ответов, например, если нужно согласиться с собеседником: *Verum dicis ...* – «Ты правду говоришь,...» [1, 30], или выразить свое мнение – более прямолинейно и уверенно: *Ego dico, quod...* – «Я говорю, что ...» [1, 33], более вежливо и деликатно: *Dico tibi, mihi videtur...* – «Говорю тебе, мне кажется ...» [1, 39]. Некоторые конструкции удобны для того, чтобы начать разговор. Так, в одном и том же сложноподчиненным предложением находим способ выразить просьбу о чем-то: *... rogamus te, magister, ut...* – «... просим тебя, наставник, чтобы... [ты нас научил]» [1, 18], а также способ назвать причину своей просьбы: *... rogamus te, magister, ... quia...* – «...просим тебя, наставник, ... ибо...[мы невежды]» [1, 18]. Эльфрик приводит несколько предложений, выражающих одну и ту же мысль: *Quid habes operis?* – «Какую ты имеешь профессию?» [1, 19], *Habes tu aliquem laborem?* – «Подвизаешься ли ты в каком-либо труде?» [1, 21], *Scis tu aliquid?* – «Умеешь ли ты что-либо?» [1, 23], а также уточняющий вопрос: *Quomodo exerces opus tuum?* – «Каким образом ты выполняешь свою работу?» [1, 20]. Даже если собеседник отвечает на первый вопрос отрицательно, Эльфрик предлагает способ его разговорить: *Vis capere aliquem cetum? – Nolo. – Quare?* – «Хочешь поймать крупного морского зверя (слово *cetum* переводится на англосаксонский язык как *hwæl* – «кит»)? – Не хочу. – По какой причине?» [1, 29]. Одно из высказываний «Собеседования», *Da mihi unum accipitrem* (слово *accipitrem* переводится на англосаксонский язык как *hafok* – «сокол») – «Дай мне одного соко-

ла» [1, 31], напоминает примеры из эльффриковой грамматики: *Quid das mihi? – Unum librum do.* – «Что ты даешь мне? – Я даю тебе одну книгу» [1, 8n]. В «Собеседовании» предлагается и ответ: *Dabo libenter...* – «Дам охотно...» [1, 31]. Эльфрик приводит разные формы рассказов о различных ремеслах и занятиях. Например, пахарь рассказывает о своем труде при помощи повествовательных предложений: *Exeo diluculo minando boves ad campum, et iungo eos ad aratrum, non est tam aspera hiems, ut audeam latere domi pro timore domini mei, sed iunctis bobus, et confirmato vomere et cultro aratro, omni die debeo arare integrum agrum aut plus* – «Я выхожу на рассвете, выгоняя быков на поле, и впрягаю их в плуг. Пусть зима сурова, но я никогда не дерзну укрыться дома из страха перед своим господином, но, впрягши быков и закрепив лемех и резак, каждый день я должен вспахивать целое поле или более того» [1, 20]. А рассказ солевара состоит из риторических вопросов: *Quis hominum dulcibus perfruitur cibis sine sapore salis? Quis replet cellaria sua sive promptuaria sine arte mea? Ecce, butirum omne et caseum perit vobis nisi ego custos adsim, qui nec saltem oleribus vestris sine me utimini* – «Кто из людей получает наслаждение от приятных кушаний безвкуса соли? Кто наполняет свои погреба или кладовые без моего искусства? Вот, сливочное масло и сыр портятся у вас, если я не буду сохранять их; и в любом случае без меня вы не едите овощей» [1, 35-36].

Учебники Эльфрика, с одной стороны, продолжали традицию, начало которой положил Алкуин со своим диалогом «О грамматике», с другой стороны, они свидетельствуют о новом уровне преподавания латыни. Благодаря Эльфрику, латинский язык рассматривался в сопоставлении с англосаксонским, то есть в сознании его учеников появилось противопоставление «родной/иностранной язык». Волей-неволей они уравнивали права народного, варварского, языка и языка государства, Церкви и культуры, создавая предпосылки для возникновения в будущем английской культуры. Эльфрикова методика преподавания латыни не потеряла своей актуальности и сегодня: изучая иностранный язык, современный школьник или студент знакомится с его грамматикой, одновременно заучивая слова, а потом шлифует полученные знания, используя их в устной речи, составляя и произнося небольшие тексты – монологи и диалоги.

Список литературы

1. [Colloquy] Aelfric's Colloquy. ed. G.N.Garmondsway. NY., 1966. – 66 p.
2. [ASE] The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England. ed. M.Lapidge etc. Oxford, 2004. – 538 p.
3. [Law-1997,] Law, V. Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages. NY, 1997. – p.306.
4. [Law-2003,] Law, V. The History of Linguistics in Europe. From Plato to 1600. Cambridge, 2003. – p. 308.
5. [PL] Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.

К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Новикова Л.В.

доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, к.ф.н., доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, г. Владимир

Беспалова Е.С.

студентка, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия г. Владимир

В статье рассматриваются самые распространенные способы перевода американизмов в художественной литературе на примере произведений известного американского писателя Стивена Кинга. В настоящее время существует не так много исследований, посвященных этой теме, между тем со стремительным ростом популярности американской литературы эта проблема стоит достаточно остро.

Ключевые слова: американизмы, способы перевода, генерализация, контекстуальная замена, описательный перевод.

Как известно, любая номинативная единица, обозначающая явление, характерное для данной культуры, может стать основой образной характеристики. Построенные на ее основе метафоры и сравнения, с точки зрения носителей данного языка, ничем не отличаются от других образных оборотов, которые построены на основе слов, обозначающих универсальные, общечеловеческие понятия. Однако не всегда представляется возможным сохранить реалию или заменить ее эквивалентом в другой культуре.

В данной работе анализируются тексты из художественных произведений Стивена Кинга «It» и «The Shining» и используются различные способы перевода американизмов, приводятся примеры их перевода [6, 7].

Генерализация – это самый популярный среди переводчиков способ перевода. Так, например: *The torches were Louisville Sluggers with big hunks of burlap snugged down over the fat parts with red rubber gaskets, the kind ladies use when they put up preserves.* [6; с. 84] – Факелы представляли собой бейсбольные биты, толстая часть которых была обмотана рогожей с натянутыми на нее красными резиновыми кольцами, которые домохозяйки используют при консервировании.

В приведенном выше примере генерализация применяется при переводе словосочетания *Louisville Sluggers*. Компания «Louisville Slugger», расположенная в штате Кентукки, является одним из ведущих поставщиков бейсбольного снаряжения. В частности, название компании ассоциируется у американского обывателя с бейсбольными битами.

Что касается слова *burlap*, то оно, несмотря на наличие регулярного словарного соответствия («джутовая ткань»), должно переводиться иначе. В

качестве функционального аналога в нашем переводе выступает слово «ро-гожа»; на наш взгляд, это понятие ближе российскому читателю.

Прием контекстуальной замены прослеживается в следующем примере: *Other times the truck wouldn't roll-start and Mike would have to wait until his father came back from the barn, carrying the crank and muttering under his breath* [6; с. 68]. – Бывало, грузовик не заводился, и Майку приходилось ждать, когда отец вернется из гаража, неся заводную ручку и еле слышно бормоча себе под нос.

Мы видим, что узуальное значение слова *barn* – «сарай», «амбар». Словарь Коллинза дает и локально маркированное значение данной лексической единицы – «депо», «трамвайный парк». На основе этого можно сделать вывод, что в американском английском *barn* часто используется для обозначения помещения, где хранится транспорт. Исходя из контекста предложения, становится понятно, что автор имеет в виду не что иное, как гараж. Таким образом, перевод осуществляется при помощи окказионального соответствия.

Что касается слова *truck* («грузовик»), то оно, будучи локально маркированным аналогом британского *lorry*, также имеет и общеанглийское значение – «тележка». Чтобы избежать нарушения смысла, переводчику следует обращать внимание не только на узкий, но и на широкий контекст.

В русском языке переводчик не всегда может подобрать эквивалент реалии соответствующей номинации, авторы считают, что правомерным будет в таких случаях передать интересующий элемент содержания оригинала при помощи описательного перевода. Например: *Because old Mr. Keene was a grouch and wouldn't let kids under twelve eat their stuff at the soda fountain (he claimed the pinball machines in the back room might corrupt them), they took the frappes in two huge waxed containers up to Bassey Park and sat on the grass to drink them.* [6; с. 74] – Поскольку старый мистер Кин был занудой и не разрешал детям младше двенадцати лакомиться сладостями у стойки с газировкой (он утверждал, что автоматы для пинбола в подсобном помещении плохо на них влияют), они взяли фραπε в двух больших стаканах из вощенной бумаги с собой в Бэсси-парк и сели на траву их выпить.

Описательный перевод применим при передаче такой реалии, как *soda fountain*. В русском языке отсутствует эквивалентное соответствие этому понятию, чтобы объяснить его прагматическое значение, приходится прибегнуть к пространному толкованию. *Soda fountain* представляет собой аппарат с сатуратором для продажи газированной воды. На наш взгляд, контекст позволяет свернуть эту расширенную дефиницию до «стойки с газировкой» без потери смысловой составляющей.

Как известно, при передаче имен людей и топонимов: названий улиц, площадей, населенных пунктов, если их внутреннее содержание не обыгрывается используется такой способ перевода как транскрипция. Например, *“But that's not really true, is it? There are telephones here, and probably a citizen's band radio as well. And the Rocky Mountain National Park is within helicopter range and surely a piece of ground that big must have a chopper or two.”* [7; с. 65] – Но ведь это неправда! Здесь есть телефоны, может быть, даже ра-

диоприемник. А из национального парка «Скалистые горы» сюда можно долететь на вертолете. Чтобы села парочка-другая, здесь места хватит.

Однако в некоторых случаях перевод с помощью транскрипции неприемлем (например, когда требуется подчеркнуть национальную окрашенность слова или словосочетания либо соблюсти эстетические нормы языка), и переводчику приходится прибегать к калькированию, то есть передаче составных частей лексической единицы их прямыми эквивалентами. Так, мы предлагаем переводить *Rocky Mountain National Park* как «национальный парк “Скалистые горы”», а не «национальный парк “Роки-Маунтин”».

Универсального способа перевода американизмов на русский язык не существует. Каждый из них имеет достоинства и недостатки. Выбор способа перевода напрямую зависит от контекста, а также от коммуникативной задачи, которая стоит перед переводчиком.

Список литературы

1. Электронный ресурс: URL – <http://www.collinsdictionary.com/>
2. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. / Л.К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
3. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М., СПб.: ГПОССА: КАРО, 2004. – 336 с.
4. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. – М.: Высшая школа, 1982. – 256 с.
5. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
6. King, Stephen. It. – London: Hodder & Stoughton Ltd., 2011. – 1392 p.
7. King, Stephen. The Shining. – New York: Anchor, 2013. – 688 p.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОСОБЕННОСТЬ «ХОЖДЕНИЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сайнбаяр Ваша

доцент, канд. филол. наук, Ховдский государственный университет,
Монголия, г. Ховд

В статье рассматривается иноязычная лексика и ее особенности использования в произведениях паломников первой четверти XVIII в. В научной литературе сложилась точка зрения, что «европеизация» русского языка Петровской эпохи – процесс, характерный для светских путевых записок, в то время как паломнические «хождения» «по своему содержанию и составу лексики» продолжали развиваться в русле «церковно-богослужебной литературы».

Ключевые слова: лексические заимствования, литература, паломническое хождение.

Из эпических жанров древнерусской литературы особой популярностью пользовалось «хождение» – рассказ о путешествии, созданный с познавательно-назидательной целью. Произведения путевой литературы («путники», «странники», «паломники», «посольства», «скаска», «хождения») долгое время изучались в основном историками и лингвистами, так как относились к

документальной прозе средневековья. Благодаря работам М.Н.Сперанского, В.В.Данилова, Д.С.Лихачева, Н.И.Прокофьева, С.Н.Травникова удалось доказать принадлежность этого жанра к документально-художественной литературе Древней Руси и привлечь к исследованию «хождений» литературоведов.

Паломничество на христианский Восток начинается сразу после крещения Руси, но жанр «хождения» складывается к началу XII в. Большое влияние на его становление, кроме устных рассказов о путешествиях, оказали греческие проскинитарии, которые, по мнению медиевистов, восходили к литургическим текстам. Генезис жанра определил его основные особенности: смысловым центром «хождения» стал не рассказ о путешествии, а описание поклонения святым местам. Путь паломников обычно лежал в Иерусалим и Царьград – крупнейшие центры христианской и мировой культуры [3, с. 15].

«Хождения» имели и большое практическое значение, унаследованное ими от проскинитариев: они служили путеводителем для паломников. Это требовало от авторов особого внимания к документально-описательному способу изображения, цель которого – создать представление, что безыскусный рассказ о виденном адекватен личному зрительному восприятию [1, с. 24].

Функцию документирования повествования выполняли и частые отсылки к текстам Священного Писания, и упоминания свидетельств «самовидцев», и использованная писателем-путешественником иноязычная лексика. Славянизмы использовались сначала «в текстовой функции библейских тематических ключей», и лишь позднее, по мнению современного историка языка, стали «собственно языковым средством высокого, торжественного стиля» [2, с. 92]. Причем старославянский язык выполнял роль посредника как для заимствований из греческого, так и для заимствований из тюркских языков. Таким образом, присутствие «иных речений» в языке «хождения» не противоречило жанровому канону и выступало как один из приемов документирования повествования, усиления познавательной функции произведения.

У истоков древнерусской путевой литературы стоит памятник, созданный игуменом Даниилом – возможно, постриженником Киево-Печерской лавры и настоятелем одного из черниговских монастырей. В начале XII в. Даниил, «Русской земли игумен», посетил Палестину и описал свое путешествие. По словам паломника, он отправился в путь, «похотѣхъ видѣти святыи град Иерусалимъ и Землю обѣтованную» [7, с. 26]. Рассказ о путешествии Даниил начал и закончил описанием Константинополя, ничего не сообщив о маршруте до Царьграда и обратно. Видимо, этот путь ему представлялся хорошо известным.

Главная задача русского паломника – не только «поклониться Гробу Господню», но описать «желанную ту землю», где Христос «претерпе страсти нас ради грешных». Даниил был хорошо подготовлен к хождению, ибо знал из Священного Писания историю тех мест, по которым пролегал маршрут паломничества. Однако собственных знаний и личного опыта русскому игумену не доставало. По его признанию, «невозможно бо без вожа добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣсть», поэтому, путешествуя

по Палестине, он не жалел «худого своего добыточка» на оплату проводников и переводчиков. Осведомленность, которую проявил автор в описании достопамятных мест христианского Востока, а также богатство лексического состава «Хождения», куда входили и иноязычные слова, можно объяснить тем, что в пути игумена Даниила опекал монах из монастыря Святого Саввы, «свят и стар деньми, и книжен вельми» [7, с. 28].

Поразительна разносторонность интересов русского путешественника. Кроме религиозных раритетов, он описал оросительную систему у Иерихона, рассказал о добыче фимиама на острове Кипр, отметил особую планировку Иерусалима, построенного в форме четырехконечного креста. Обстоятельны выполненные им описания архитектурных сооружений и пейзажные зарисовки Святой земли. Неизвестные русскому читателю объекты природного мира автор «Хождения» называл, используя иностранную лексику (в основном греческого происхождения: «рака» – дерево стиракс, или сторакс; «зигия» – граб), и давал в сопоставлении с родным и знакомым (кипарис напоминал ему ветвями сосну, а стволом липу). Самый большой пласт заимствований был связан со сферой религиозной жизни христианского Востока. Среди них преобладали грецизмы, причем как хорошо известные русскому читателю начала XII в. («архистратиг», «епископ», «монастырь», «церковь»), так и экзотические для него, требующие перевода («метохия», «спудий», «пентикостия», «игоифит»).

Исследователи памятника отмечают характерные для стиля Даниила предельный лаконизм и предпочтение лексики конкретно-бытового характера словам с абстрактным значением. В своей работе паломник руководствовался принципом «писать не хитро, но просто», ориентируясь на большую аудиторию читателей, которым чтение заменило бы путешествие по святым местам (хождение «простецов» в Иерусалим находилось под запретом официальной власти). «Поэзия простоты и ясности», которая, по словам Н.И.Прокофьева, присуща произведению игумена Даниила, во многом определила принцип введения в текст иноязычных слов. Заботясь о том, чтобы повествование было понятно читателю, автор обычно сопровождал заимствование толкованием его значения или глоссой: «А другое древце есть мало, образом яко осина, но есть имя древцю тому *рака...*»; «И ту ражається темянь, ладан: спадает с небесе, и тако взимают на древцих» [7, с. 32].

«Хождение» игумена Даниила послужило для следующих поколений русских паломников образцом, в том числе и в плане использования иноязычной лексики. Состав заимствований в языке путевых записок с течением времени значительно расширился, так как в XV в. резко раздвинулись границы познания мира русскими путешественниками. Формирующееся Московское государство возрождало политику активных и плодотворных контактов с другими народами, прерванных или ограниченных во время золотоордынского ига. Русскому читателю XV в. литература путешествий открывала мир, населенный «иными языцами» – людьми с разным вероисповеданием, обычаями и традициями. Целью хождений стало не только желание «поклониться Гробу Господню», но и установление торговых, дипломатических отно-

шений с другими государствами. Усилению процесса заимствования иноязычной лексики способствовало расширение географии хождений: дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима описал свое паломничество в Царьград, на Афон и в Палестину (20-е годы); Варсонофий и гость Василий рассказали о путешествии в страны Малой Азии и Египет (60-е годы).

Другое произведение путевой литературы XV в., «Хождение» гостя Василия, необычно маршрутом паломничества в Святую землю, совершенного в 1465-1466 гг.: он проходил через Малую Азию, Палестину и Египет. Основным интересом автора был сосредоточен на вопросах экономики и торговли, что определило тематический состав заимствованной лексики. Паломник-купец отмечал, в каких городах «торги великыи», как устроены «караван-сараи», где «родится шафран» и сколько «емлют мыта». Большое внимание гость Василий уделил системе оборонительных сооружений в восточных странах, посвятив один из лучших военно-топографических очерков сирийскому городу Алеппо. Лишь на обратном пути паломник посетил Иерусалим и описал главные христианские святыни. Ученые отмечают небрежность и неточность в его рассказе о святых местах, редкость обращения к библейским сюжетам и религиозным легендам. Анализ текста свидетельствует об обмирщении содержания «Хождения», что привело к сокращению в языке памятника корпуса традиционных для паломнической литературы старославянизмов и грецизмов.

Созданное им произведение вобрало все известные к XVI в. сведения о христианском Востоке. В жанрово-стилевом отношении путевые записки Василия Познякава интересны тем, что объединили традиции разного типа хождений: паломнических, купеческих и посольских. Одна из ключевых сцен произведения – описание встречи русской делегации с патриархом, как в статейных списках, имеет вопросно-ответную форму. Содержание беседы определяется этикетом приема иностранных гостей: русским послам задают вопросы о здоровье царя и митрополита, о состоянии православной веры и церковном богослужении, о борьбе с еретиками и отношении к иноверцам. В число иноверцев у Познякава попали как народы иного вероисповедания («жидове», «турки», «арапи», «латыни»), так и еретики с точки зрения ортодоксального православия («ариянь», «несторияне», «яковити», «тетродити») [6, с. 54].

Рассказывая об особенностях административно-государственного устройства мусульманских стран, автор «Хождения» пользовался лексикой тюркского происхождения: «паша», «соньчак» («санджак»), «толмач», «янычана» («янычары»). При титуловании представителей светской и духовной власти у «иных язычей» путешественник предпочитал обходиться без новых заимствований, пользуясь словами «царь», «князь», «епископ», «игумен»: «царь греческий, имя ему Гавриль», «царь Сулимань турский», «царь Устиян», «игумьн венецкой Внифантьей» [6, с. 52, 56, 62, 74].

В путевых очерках и в описании религиозных святынь у Василия Познякава чувствуется опора на традиции паломнической литературы Древней Руси. В связи с этим в языке «Хождения» среди иностранной лексики преоб-

ладают слова греческого происхождения: «апостол», «литургия», «мусия», «паремия», «паникадило», «пророк». Как в купеческих путевых записках, в произведении Василия Познякава присутствует интерес к быту и нравам других народов, к вопросам экономики и торговли, что сказывается на тематике заимствованной лексики: автор использует греческие меры веса («гентарь») и длины («стадий»); употребляет в качестве языкового эквивалента слова «весы» заимствование из шведского языка «скалвы»; упоминает о таких атрибутах восточного быта, как «верблюды» (гот.), «ковёр» (тюрк.), «финик» (гр.), «чулок» (тюрк.). Путешественник отмечает, что в результате столкновения разных культур и верований, в христианских храмах на Синае можно встретить мусульманский обычай: в церковь входят, сняв обувь и вымыв ноги, босиком или в суконных чулках.

В XVII столетии жанр паломнического хождения на христианский Восток претерпевает серьезные изменения. В этот период официальная церковь пытается возродить традицию хождения в Святую землю, чтобы поднять свой нравственный авторитет, противостоять процессу обмирщения литературы и общественной жизни, укрепить позиции Москвы как центра православия и славянского духовного братства.

На первую четверть XVIII столетия, по мнению С.Н.Травникова, приходится кульминационный момент в развитии паломнической литературы. Жанр «хождения» в это время «по количеству произведений и художественным достоинствам текстов может считаться одним из наиболее значительных, определяющих «литературное лицо» эпохи» [5, с. 8]. За два десятилетия были созданы «хождения» московского священника Иоанна Лукьянова (1701-1703), украинских паломников Макария и Сильвестра (1704-1707), личного священника русского посла в Турции П.А.Голстого Андрея Игнатьева (1707-1708), наместника Елецкого монастыря Ипполита Вишенского (1707-1709), священника посольской церкви в Константинополе Варлаама Леницкого (1712-1714), ярославского купца Матвея Нечаева (1721-1722), паломников Сильвестра и Никодима (1722).

В научной литературе сложилась точка зрения, что «европеизация» русского языка Петровской эпохи – процесс, характерный для светских путевых записок, в то время как паломнические «хождения» «по своему содержанию и составу лексики» продолжали развиваться в русле «церковно-богослужебной литературы» [4, с. 133]. Чтобы проверить объективность этой позиции, обратимся к анализу заимствованной лексики в произведениях паломников первой четверти XVIII в.

Список литературы

1. Данилов О. О жанровых особенностях древнерусских хождений // ТОДРЛ АН СССР. – СПб., Изд-во ин-та русской литературы. 1962. – Т.18. С. 21-37.
2. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2005. – 680 с.
3. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII вв. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1973. – 254 с.

4. Мальцева И.М. Записки путешествий XVIII века как источник литературного языка и языка художественной литературы (к постановке вопроса): Сб. ст. Язык русских писателей XVIII века. – Л., Наука, Ленинград. отд-е, 1981. – С. 130-137.
5. Травников С.Н. Путевые записки Петровского времени (проблема историзма): Учебное пособие. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. – 102 с.
6. (ХВП) Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи // Библиотека литературы Древней Руси. Под. ред. Д.С. Лихачева. – СПб., Наука, 2000. – Т. 10. С. 48-93.
7. (ХД). Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., Наука, 1997. – Т. 4. – С. 26-116.

ПОНЯТИЕ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА

Саяхова Д.К.

магистрант, Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические параметры песенного дискурса. Доказывается гипотеза о том, что дискурс – это совокупность тематически родственных текстов с присущими им языковыми особенностями. Особое внимание уделено характеристикам участников песенного дискурса, к которым относятся автор песенного произведения, исполнитель и слушатель.

Ключевые слова: текст, дискурс, коммуникация, жанр, смысл, экстралингвистические средства, системообразующие признаки субкультуры.

Интерес к изучению текста обусловлен стремлением объяснить язык как глобальное явление с точки зрения современного языкознания, как цельное средство языка, связанное с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст (дискурс). У термина «дискурс» могут быть различные определения, так как анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания, которая находится на стыке лингвистики, социологии, этнографии, психологии, стилистики, философии [2, с. 138; 8, с. 83]. Дискурс понимается как совокупность тематически родственных текстов с присущими им языковыми особенностями [11, с. 16].

В настоящее время песенное творчество имеет особую популярность. В связи с этим лингвисты ввели понятие «песенный дискурс». Он предполагает особый вид коммуникации как процесс языковой деятельности посредством вокальных произведений.

По мнению ряда исследователей, к участникам песенного дискурса относятся слушатель, исполнитель и автор песенного произведения, которые обычно характеризуются различиями в возрастных и статусно-ролевых параметрах. Чаще всего, исполнитель старше слушателя и имеет более высокое положение в социальной структуре общества. Отношения участников англоязычного песенного дискурса ограничены двумя реализующимися моделями: «автор – певец – слушатель» и «автор/певец – слушатель».

Песенный дискурс как один из жанров художественного дискурса выполняет развлекательную и поэтическую функции, а также коммуникативную и прагматическую. Цель англоязычного песенного дискурса – донести

намерения автора до слушателя, оказать на него эмоциональное воздействие. Интенции автора песни в свою очередь направлены на формирование социальной позиции и ценностной ориентации слушателя [6].

Анализ научного материала и большого количества песен позволил выделить песенный дискурс в качестве одного из жанров коммуникации молодежной субкультуры с присущими ему системообразующими признаками: идеологичностью, субъективностью, авторитарностью, дистанцированностью, интертекстуальностью, ритуальностью и полифункциональностью, – которые выражены посредством песенных текстов.

«Тексты песен – это плоть и кровь музыкальной культуры. Они могут рассматриваться и как «вместилище информации, которая должна быть извлечена, и как уникальное, порожденное своеобразием личности автора произведение, которое ценно само по себе» [3, с. 14]. Специфика жанров песенного дискурса проявляется на лингвистическом, экстралингвистическом, невербальном и паралингвистическом уровнях. В современной лингвистике все больше внимание уделяется изучению песенного дискурса. Например, англоязычные тексты песен совмещают в себе музыкальный и вербальный компоненты.

Значимость песенного дискурса как социального явления была оценена по достоинству философами, лингвистами и антропологами не так давно, в конце прошлого столетия. В это время, по мнению некоторых исследователей, в обществе стала исчезать сплоченность, преобладало чувство недоверия и равнодушия к окружающему миру.

Коммуникация в песенном дискурсе исходит опосредованно от авторов произведения и непосредственно от исполнителя (исполнителей) песни. Как подчеркивает В. Е. Хализев, «дух авторства не просто присутствует, но доминирует в любых формах художественной деятельности: и при наличии у произведения индивидуального создателя и в ситуациях коллективного, группового творчества, и в тех случаях, ныне преобладающих, когда автор назван, и когда его имя утаено (анонимность, псевдоним, мистификация)» [9, с. 61].

Смысл песни может иметь различные толкования. Он зависит от знаний, которыми обладает слушатель, и разделяемых им коммуникативных конвенций [4, с. 68; 8, с. 83]. В каждом песенном жанре показаны определенные установки и правила общения, так как во время прослушивания песни у аудитории актуализируются определенные представления о мире, суждения, интенции, мнения. Необходимо отметить, что, выступая в качестве процесса коммуникации, дискурс затрагивает когнитивную сферу личности, социум и культуру в целом [7, с. 68; 12, с. 240].

К примеру, лирическая песня может объединить адресата и адресанта, показывая некоторую внутреннюю связь между ними. Как указывает О. Розеншток-Хюсси, «когда мы поем, мы ощущаем себя внутри целого; мы чувствуем себя в мире как дома. Петь – значит говорить не от себя лично, а говорить хором, «всем миром». <...> Во внешнем мире расчленениям нет конца. Но стоит заговорить или запеть, и миллионы захвачены единым порывом».

вом. <...> Там, где один запекает, а другой подхватывает, сознания поющих одухотворены одним духом – единоклющие выходят на передний план, а все различия сознаний подавляются» [5, с. 85].

Рассмотрим невербальные и паралингвистические особенности песенного дискурса.

Экстралингвистическая специфика англоязычного песенного дискурса заключается в реализации моделей общения: опосредованной и непосредственной (к примеру, на концерте).

К невербальным характеристикам, которые представляют песенный дискурс, можно отнести символические артефакты (костюм участников дискурса), топоморфные (например, названия стадионов, площадок и клубов, ассоциирующихся с проведением выступлений, а также наименования зон аудитории, в которой проходит выступление) и колороморфные знаки, проявляющиеся на уровне световой и цветовой организации сцены.

К паралингвистическим знакам относятся символические позы и жесты участников песенного дискурса, которые можно сгруппировать согласно реализуемой ими функции. Первая группа включает в себя позы и жесты, выполняющие фатическую функцию (т.е. функцию установления и поддержания контакта в акте коммуникации, в предлагаемом контексте – привлечение дополнительного внимания слушателей). Ко второй группе относятся жесты, актуализирующие апеллятивную функцию. Третья группа представлена позами, реализующими доминирование исполнителя по отношению к слушателям.

Таким образом, песенный дискурс предполагает особый вид коммуникации посредством вокальных произведений.

Список литературы

1. Вотинцева Е.В., Фаткуллина Ф.Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета, 2015, Т.20, №4, С. 1352-1355.
2. Гайназарова А.А., Ф.Г. Фаткуллина. Понятия «текст» и «дискурс» в современном языкознании // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика. Уфа; РИЦ БашГУ, 2016, С. 137-139.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2001. 202 с.
4. Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода: Материалы Международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. Москва, РУДН, 2015. С. 67-70.
5. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / пер. с англ. М., 1994. 210 с.
6. Трёмаскина О.А. Языковые особенности англоязычного песенного дискурса // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки // URL: <http://sibac.info/studconf/hum/xxvi/39659> (дата обращения 03.05.2016)
7. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.
8. Фаткуллина Ф.Г. Лингвопрагматика рекламного дискурса: Материалы III международной научно-практической конференции // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований. Прага: Vedecko vydavatel'ske centrum "Sociosfera-CZ", 2013. С. 81-84.
9. Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005. 408 с.

10. Халиуллина Ю. Ш., Фаткуллина Ф.Г. Новая лексика СМИ: толковый словарь лексики глянцевых изданий. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013, 146 с.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика теста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 208 с.
12. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С. 239-243.

ИДЕИ ФОНОСЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Трегубов А.Н.

профессор кафедры педагогики и филологии, канд. филол. наук, доцент,
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия,
Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются лингвофилософские вопросы фоносемантики. При этом упор делается на идеи, высказанные в отечественной лингвистике и, в частности, психолингвистике А.А. Леонтьевым, А.Н. Леонтьевым, М.К. Мамардашвили и др.

Ключевые слова: лингвофилософия, звукоизобразительность, языковой знак, образ мира, квазиобъект.

Лингвофилософия – это исследовательская область философии, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания.

Классическая философия рассматривала проблематику языка под двумя углами зрения:

- 1) объяснение генезиса языка, в рамках которого были выдвинуты две альтернативные концепции – возникновение языка по природе и по конвенции;
- 2) взаимосвязь языка и мышления; в этом отношении язык рассматривался как материал выражения мысли, которая трактовалась как безличная, объективно-идеальная структура однозначных значений.

Язык для классической философии был зеркалом рассудка.

Трансцендентализм стремился освободить мышление от связи с языком и ориентировал философию на постижение структур чистого мышления вне языковой реальности.

В. фон Гумбольдт понимал язык как органон рассудка, как способ существования и функционирования ума. Язык он трактовал как «самодетельное начало», не как мёртвый продукт, а как созидающий процесс, не как продукт деятельности, а как саму деятельность. В результате язык из материала выражения духа превратился в постоянно возобновляющуюся работу духа. Язык стал тем миром, который лежит между миром внешних явлений и внутренним миром человека.

Однако идеи В. фон Гумбольдта в его время не были оценены. Классическая философия вплоть до XX века интересовалась миром идеальных значений, а язык рассматривался либо как материал выражения этих значений, либо как

неадекватная форма выражения этих идеальных значений, что присуще естественному языку, который должен быть критически проанализирован.

Лингвофилософия складывается окончательно в XX веке, так как возникла необходимость в создании интегративного образа языка, который позволил бы объединить различные лингвистические дисциплины и теории, по-разному характеризующие язык. Кроме того, в самой философии произошёл лингвистический поворот, который привёл к пониманию языка как той реальности, которая задаёт категориальное членение мира, формирует бытие сознания и знания.

Выделяется несколько этапов становления лингвофилософии.

Первый этап связан с именем «раннего» Л. Витгенштейна, который понимал философию как процедуру «логического прояснения мыслей», как устранение псевдопроблемных ситуаций из процесса познания.

Во время второго периода произошёл поворот от логических моделей к анализу повседневных языков. Возникает концепция «языковых игр» как правил, которые складываются в процессе человеческой деятельности и выражают принципы жизни человека в целом. В этот период развивается теория значения и референции, смысл которой заключается в том, что язык зависит от внешних, социальных феноменов, противостоящих внутренним явлениям, таким как мышление.

Наконец, в конце XX века лингвофилософия концентрирует своё внимание на проблемах сознания и психологии.

Таким образом, логика развития лингвофилософии связана с переходом от логического анализа языка к пониманию его как психологической сущности. И именно с этих позиций мы хотели бы рассмотреть проблему звукоизобразительности.

Специальные работы по теории звукоизобразительности стали появляться лишь на рубеже XIX – XX веков из под пера таких лингвистов, как Н.И. Ашмарин, М. Граммон, А. Лескин. Однако описывались в первую очередь слова «свежие» в своих изобразительных качествах, наиболее отличающиеся от «нормальных» слов языка. «Ни развития звукоизобразительных корней во времени, ни общих для разных языков законов происхождения подобных слов эти работы почти не касаются», – отметил А.М. Газов-Гинзберг [3, с. 7].

Исследования последних десятилетий, проведённые С.В. Ворониным, А.П. Журавлёвым, С.С. Шляховой, А.Б. Михалёвым и другими лингвистами пролили дополнительный свет на проблему звукоизображения. Учёные, основываясь на богатом фактическом материале, сходятся во мнении, что источником возникновения человеческого языка является звукоизобразительность.

Значительным шагом вперёд стали исследования С.В. Воронина. В работе «Основы фоносемантики» он подвёл итоги предшествующих изысканий, определил место фоносемантики в кругу лингвистических дисциплин, объект, предмет, цели и задачи. По мнению учёного, «звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью «между звучанием и зна-

чением», но и все те слова, в которых данная связь в ходе языковой эволюции оказалась затемнённой, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа (подкреплённого «внешними» данными типологии) эта связь выявляется. Следовательно, звукоизобразительное слово – это слово, изобразительное в своей основе, по своему происхождению» [2, с. 22].

Характеризуя современное состояние фоносемантики, С.С. Шляхова отмечает: «На сегодняшний день можно выделить следующие направления фоносемантики: общая теория фоносемантики, универсальная (типологическая) фоносемантика, этимологическая фоносемантика, психолингвистическая фоносемантика, сравнительная фоносемантика, фоносемантика художественного текста, фоносемантика текста, коммуникативно-функциональная фоносемантика, стилистическая фоносемантика» [6, с. 10].

Одна из центральных проблем фоносемантики – проблема мотивированности языкового знака. Представляется, что ставший классическим постулат о его произвольности имеет ограниченное применение. Знак не может возникнуть из ничего. Иными словами, в момент своего появления он должен быть так или иначе мотивирован. Это касается и слова, и переносных значений. Затем же чем «дальше отстоит знак от момента своего возникновения, тем больше коннотативных смыслов он обретает. Наполнение знака коннотативными значениями часто предопределяет его символическую природу» [6, с. 27].

Выделяют несколько видов мотивированности. В этом ряду фонетическая считается производной от морфологической. Однако если данное утверждение можно считать удовлетворительным для современного состояния языка, то применительно к древнейшей истории его использование вызывает противоречие логического порядка. Если морфологическая мотивация связана с деривацией, а семантическая обусловлена изменениями значений слов, то возникает вопрос: что послужило основой для первоначальной мотивированности, когда морфологии так таковой не существовало. Следовательно, наиболее возможной (и в то же время самой простой и доступной) является мотивация фонетическая.

Это положение можно подкрепить точкой зрения, которую высказал В.Г. Гак. Он отметил, что наименование не является полностью произвольным по отношению к данному языку, подобно тому как материальный продукт зависит от используемого материала. Наименование не является полностью произвольным по отношению к данному предмету, поскольку в его основу кладётся признак, реально существующий или усматриваемый субъектом в данном предмете [4, с. 83]. Если такая ситуация характерна для современного состояния языка, то можно предположить, что это же характерно и для его истории, в частности начальных этапов лингвистической эволюции.

Основания для подобной постановки вопроса кроются в особенностях человеческого познания окружающей действительности. Как отмечает американский нейрофизиолог У. Кэлвин, в коре больших полушарий связаны между собой самые разные стороны восприятия одного и того же объекта: его внешний вид, запах и вкус (если он их имеет), звуки, называющие этот объект,

звуки, производимые этим объектом (если он производит звуки), ощущение этого объекта в руке (если его можно взять в руку), представление о манипуляциях с ним и т.д. – словом, всё то, что позволяет нам видеть (слышать, обоняя, осязая) этот объект, понимать, что от него можно ожидать, что с ним можно (или даже нужно) делать, а чего нельзя [1, с. 74]. Здесь обращает на себя внимание характер первичного восприятия объекта – уровень ощущений: слуховых, тактильных, обонятельных и т.д. Именно на его основе могут формироваться первоначальные впечатления и, соответственно, сигналы для их передачи себе подобным. «Поэтому в ходе формирования языка естественно ожидать, что происходили такие процессы, как появление в сигналах компонентов “повышенной заметности” (легко регистрируемые детекторами), превращение иконических сигналов в символные, эмоциональных – в референциальные, врождённых – в выучиваемые, возникновение возможности передавать информацию о том, что не находится непосредственно в поле наблюдения, а также сжимать информацию. Все эти процессы являются неотъемлемым свойством развития коммуникативных систем в природе» [1, с. 128].

Говоря о генезисе человеческого языка, С.А. Бурлак отмечает: «Первые сигналы новой коммуникативной системы не могли не быть иконическими, поскольку они были сигналами *ad hoc*, делавшимися “на ходу”, и тем самым они должны были быть понятны без предварительной подготовки – поскольку особи, которым был адресован сигнал, никогда ранее с ним не сталкивались. Но при повторении сигналов иконичность постепенно утрачивается, поскольку для понимания уже известного знака достаточно, чтобы он просто был опознан. Утрата иконичности характерна для знаков письма (при переходе от пиктографии к идеографии), для знаков жестовых языков» [1, с. 182].

В этом отношении представляет интерес понятие образа мира, предложенное А.Н. Леонтьевым. Здесь исходным «является положение, что «субъект со всеми своими состояниями, в том числе и теми явлениями, которые мы называем “образом”, “представлением” и так далее, находится изначально не перед миром, а в самом мире, в самой этой действительности, то есть с самого начала этот субъект <...> составляет часть его <...>. Он <...> включён в единый материальный мир. В этом мире единственно и существует [Цит. по: 5, с. 238-239]. И далее: «<...> в психологии проблема восприятия должна ставиться как *проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности*. Что, иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, что в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует *образ* мира, опосредуя их деятельность в *объективно реальном* мире» (курсив А.Н. Леонтьева. – *А.Т.*) [Цит. по: 5, с. 241].

С этой точки зрения важным является снятие принципиального противопоставления человека, созерцающего и познающего окружающий мир, и самого окружающего мира. Человек, будучи частью мира, преобразует его в ходе практической деятельности в соответствии со своими потребностями. Результаты этой деятельности фиксируются в языке, причём фиксируются своеобразно, что привело к введению М.К. Мамардашвили понятия ква-

зиобъекта. Это понятие он ввёл в связи с анализом понятия «превращённая форма» К. Маркса. «Особенность превращённой формы, «отличающей её от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устранённости здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случае символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем – именно своей обособленностью и бытийностью – роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются “снятыми”. Прямое отображение содержания в форме здесь исключается» [Цит. по: 5, с. 299].

««Объективные мыслительные формы» – смыслы, значения и т.п. – это и есть, по Мамардашвили, результат движения в «пространстве реальных отношений», но не прямое отображение этих отношений. Будучи перенесены на квазиобъект и в этом качестве став достоянием сознания, признаки, свойства, отношения действительности претерпевают кардинальное преобразование: форма, в которой они выступают, оказывается «снятой», свёрнутой, переструктурированной и дополненной тем, что содержится уже в самом квазиобъекте. Отсюда огромной важности гносеологическая задача – при каждом анализе конкретной «превращённой формы» чётко разделять те связи, признаки и отношения, которые перенесены нами на квазиобъект и преобразованы в нём, и те, которые мы находим в самом квазиобъекте, которые образуют его сущность и специфику.

Язык и есть именно такая система квазиобъектов, где на место реальных отношений подставлена их «видимая форма» [5, с. 300-301].

А.А. Леонтьев предложил различать три различных, несовпадающих друг с другом понятия знака:

1) знак как вещь, или материальное языковое «тело», «включённое в систему деятельности человека и в ней обретающее своё функциональное бытие»; это знак как таковой;

2) «знак как субъективный образ, как эквивалент реального знака в обыденном сознании»; это знаковый образ;

3) «продукт научного осмысления структуры и функций реального знака»; это знаковая модель [5, с. 302].

Во всех этих аспектах языковой знак предстаёт как уже реально существующая данность. Но чтобы стать орудием познания, он должен одновременно выступать как средство взаимодействия и общения. По мнению А.А. Леонтьева, знак «имеет двойную онтологию. И наряду с когнитивными проблемными ситуациями он может выступать в таких проблемных ситуациях, где его основная функция – опосредовать коммуникативное намерение субъекта. Здесь отношение реального знака и знакового образа как бы перевернуто. Коммуникатор имеет конечной целью создание у реципиента того

или иного знакового образа, и для этого он должен объективизировать соответствующее содержание в реальном знаке», то есть создать образ.

«Образы – это субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности. Образ – это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т.п.). Чтобы выполнить свои функции, это отражение должно быть объективно верным», – считает В.П. Зинченко [Цит. по: 5, с. 313].

Из сказанного выше применительно к языку можно вывести некоторые следствия.

1. Для того, чтобы зафиксировать тот или иной объект, необходимо выделить в нём какой-либо «компонент повышенной заметности», наиболее ярко характеризующий внешние свойства данного объекта.

2. Представляется, что такими свойствами прежде всего являются те, которые воспринимаются непосредственно – в виде ощущений.

3. Однако эти непосредственно воспринимаемые свойства отражают лишь внешние, а не сущностные характеристики объекта.

4. Закрепляясь в звуковом сигнале, так или иначе связанном своей формальной стороной с этими непосредственно воспринимаемыми свойствами, характеристики объекта преобразуются в зависимости от характера практических действий с ним.

Список литературы

1. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2012. 297 с.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 207 с.
3. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? Свидетельство прасемитского запаса корней. М.: Наука, 1965. 183 с.
4. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73-92.
5. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
6. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003. 216 с.

ПРОБЛЕМАТИКА И СТИЛИСТИКА РОМАНА СИДА ЧАПЛИНА «ДЕНЬ САРДИНЫ»

Хаматханова С.С.

студентка факультета иностранных языков,
Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург

В статье рассматривается тема непростого положения подростка в Англии середины XX века. Освещается широкий спектр проблем, перед которыми поставлен маленький

человек в буржуазном обществе. В данной работе определяется особенность литературного стиля писателя, сочетающего социальную проблематику с психологизмом.

Ключевые слова: Сид Чаплин, проблема молодого рабочего класса, психология подростка, бунт против общества, буржуазная Англия, человек и государство.

Каково это – быть подростком в период зарождения эпохи? Это был послевоенный период – время, когда рушились идеалы, старая система изживала себя, а новая отчаянно пробивалась сквозь толщу общественного сознания. Новое поколение стало колесами, на которых двигался мир и двигателями скандально иного мировоззрения. Они, дерзкие и свободные, выразили протест против устоев, возвели индивидуальность на пьедестал важности. Вызывающая мода, рок-н-ролл, джаз – такое орудие революции выбрала молодежь 60-х гг. 20 в: «boozing, limited because of the expense, rolling round the milk bar. Saturday nights we would go to some hop... platform shoes, wind-cheater and thin red tie. Louis Armstrong, Jelly Roll Morton... We'd sit hugging our knees... with the old bottle of pop and a good supply of shouts...» [1, с. 120].

Подростки – уже не дети, но пока не взрослые, на перепутье к самостоятельной жизни размышляют о смысле существования. Таков герой романа «День сардины» – Артур Хэггерстоун. Нужда зарабатывать на жизнь (частичная оплата квартиры, в которой, помимо самого Артура, ютились мать мальчика и Жилец, съемщик и объект внимания и любви миссис Хэггерстоун), а прежде всего, на конфеты, алкоголь и модную одежду, толкает парня на поиск работы. Артур успеваеет сменить около четырех сфер деятельности: от шахтера до работника сардинной фабрики. Интересно, что именно этого юный Артур боялся: стать глупым человеком – сардиной, чья жизнь пуста и бесцельна.

«they come. They don't know why... go bang into the nets like a hundred locomotives – the old ropes twank an' the sheep heels over» [1, с. 28] рассуждает Гарри, сравнивая людей с рыбешками, не ведающими куда и зачем они плывут. Здесь скрыта одна из основных проблем романа – свобода от «консервации» (консервативности), поиск истинного Себя. Каждый в окружении Артура в какой-то степени влияет на него. Например, сержант – человек, переживший войну и призывающий новое поколение не жаловаться на свое положение:

– «There's nothing ye can do – it (time) takes ye on the way it wants... while you're doin' your bit, it's doing its work»

– What's use of being here if ye can't have ye own way? Ah'm browned-off.

– « Hell, you've a life to live.. Take my tip, when there's water at the well, take a sup», he looked at my face and saw a joke...

«I was astonished to find myself looking like a fish...» [1, с. 150, 275].

С каждой главой неминуемо, тихой поступью к Артуру приближается судьба сардины. Отсутствие шанса выбраться наверх, к жизни в достатке не увенчается успехом, несмотря на трудолюбие и целеустремленность. А «licensed swindles», как дядя Джордж, живут ни в чем себе не отказывая. Такова

несправедливая структура общества Англии, которую отчаянно стремится сломить Артур, чтобы заслужить право на достойную жизнь.

Незавершенные взрослые действуют вопреки всему ради всего другого. Стоит отметить непреодолимое желание подростков к самовыражению. Так, Носарь – главарь уличной шайки, лучший друг главного героя – и заклятый враг Келли часто сталкиваются в драках, чтобы решить, кому быть львом, а кому – щенком. Нельзя не подчеркнуть жестокость подростков не только друг к другу, но и к людям в целом: «young men...run around with their easy morals, violence...They plunge into the filth and slime. Young people without hope!» [1, с. 183], проповедует пастор.

Ненависть к учителям и родителям – болезнь подросткового характера. Неприятие тех, кто любит и стремится помочь характерно для эмоционально безграмотных людей. Безжалостность по отношению к бедному учителю, гневные срывы Артура на мать – подтверждения тому. Автор активно погружает читателей в психологию подростка: «– Ye can't go on like this – treatin` me like a kid. Ah`ve got me rights...» [1, с. 168].

Бунтующие против чрезмерной опеки родителей, молодые люди хотят насладиться взрослой жизнью. Более того, это дело гордости – показать самостоятельность, что по существу, всего лишь прикрас.

Хотя данное произведение охватывает серьезные проблемы молодого рабочего класса, жизнь подростков невозможно представить без юмора:

«– All that`s wrong with Sam is that the left side of his brain doesn`t operate...»

– Ye mean he`s half-wit?

– That`s an overstatement...he never had a right side to his brain» [1, с. 137]

Или, к примеру, любовное отношение Гарри («snail-trainer», как его называл Артур) к домашним улиткам, у которых, непременно, должно быть личное пространство.

Возвращаясь к проблеме «отцов и детей», угрызения совести – неотъемлемая составляющая характера подростка, поэтому Артур каждый раз жалеет о совершенном проступке и заглаживает вину: «I rake over it in my mind, brooding over the bitter bits...big weight in my belly kills my appetite » [1, с. 138].

С. Чаплин описывает переживания Артура, воспитывающегося без отца. Но будучи глубоко обиженным за страдания матери, сын бы его не признал.

Моральные качества ярче всего выражены у главного героя. Артур приобретает больше взрослости по сравнению со сверстниками. Он не жесток к окружающим, желающим ему добра (примечательно ярое осуждение им одного из банды, Балды, который гордился проделкой над надоедливый учителем).

Быть взрослым – значит осознавать свою роль в мире: «walking along the boundary line of hell – what was I like inside? There was a pit to walk around: Arthur`s little jumping and screaming to be out...the misery with...a talent for elbowing the other swine from the through...See you at the end of the beat and we`ll

fetch up our vomit together» [1, с. 251], критикует себя парень. Оценивающее отношение к себе определяет взрослеющего человека. В конце романа для Артура очевидно, что действовать из мимолетных импульсов – глупая детская затея. Капризам сердца не всегда выгодно потакать.

Юным и любопытным трудно отказаться от запретного плода. Послевоенные годы – годы хаоса. Нищета побуждает людей на отчаянные поступки. Нравственные ценности утрачиваются, и, только отправившись в полет, упав о землю несколько раз, кто-то осознает никчемность жизни. Сложно сказать, во благо ли этот показательный протест, подкрепленный вседозволенностью. Стремясь изменить систему, подростки еще больше ухудшают жизнь окружающих, не принимая последствий. Возникает одна из главных проблем: как сохранить моральный облик общества в лице чувствительных, легко подверженных влиянию подростков, в период хаоса?

Опыт – лучший учитель. Артур испытал на себе влияние многих взрослых, которые направляли его, заставляя задуматься о вечных вопросах нравственности. Жилец Гарри, Старик Джордж, сержант – некоторые из них. Потерявшись в тумане раздумий, подросток жаждал спасения. Он удивлялся, как хорошо взрослые люди понимают его смятение.

Всё это составляет еще одну тему романа – природа человека. Писатель акцентирует внимание не только на сюжетной линии, но и на психологической проблематике. Первая влюбленность, первые потери и предательства, трудности и радости, в которые погружается подросток, раскрыты автором весьма интересно, так как герои показаны в развитии. К концу романа шайки ребят распадаются по разным причинам: отпетый Носарь влюбляется в скромную Терезу, а Келли встречает пастора, который наставляет его на праведный путь. Скоро и Артур находит в религии красоту, заметив в дочери пастора, Дороти, чудо: «– How old are you?... Maybe a few months older. You got it all on a plate..I'm not» [1, с. 185]. Перекликаясь с проблемой предназначения, возникает тема религии. Религия как чувство – настоящая ценность, но не религия как борьба за последователями. Категоричен главный герой на счет религиозной службы: «the book of rules has him now...Maybe others have to take the long road, make a lot of mistakes, hurt themselves» [1, с. 186]. Яркий индивидуализм превалирует над добродетелью. Но неправильно было бы считать, что для подростка личность превыше всего. Дружба – вот, что имеет колоссальное значение. Он считает, что нет ничего хуже одиноких вечеров у реки, за которыми последует однообразная и серая жизнь семьянина. «The Garden of Eden had nothing on it» [1, с. 125], уверен парень.

Страницы романа завораживают глубиной вовлеченности. Обстановка бедного рабочего класса, где трудятся в поте лица, одинокая непривлекательная сардинная фабрика на берегу, орава дерущихся за превосходство подростков выстраиваются в цельное представление о жизни Англии. Автору удается взбудоражить воображение без описаний природы и внешности. Динамичность сюжета задерживает интерес.

«The day of the sardine» – необычное и броское название. Сардина – рыба, часто встречающаяся в природе, а день – это ее однообразная жизнь. Изо

дня в день одно и то же – значит, в целом, только лишь один прожитый день. Эта метафора относится к человеку, забывшему о своей ценности. Пожалуй, это единственная, но емкая метафора. Однако, произведение богато другими средствами выразительности речи. Например, идиомами: *Make no odds, pull the wool over someone's eyes, dab hand, keep one's nose clean, give hot potato*; простыми сравнениями часто с кошками и собаками: *like a lost dog, like a dog out of the doghouse, cat-and-dog sort of existence, like a dog with two tails*.

Отличительная черта прозы Чаплина – использование сленга. Очевидно предположить, что подростки не будут разговаривать друг с другом на литературном языке, поэтому часто встречаются подобные слова: *The stuff, to shove, chap, lad, bloody, the hell* – наиболее употребительные.

Некоторые слова используются с целью насмешки (о Сэме Спорггете, закопершике): *MC – the official host of a staged event or similar performance*.

Читать роман легко, так как речь героев проста, сложные конструкции не используются, что свойственно для представителей рабочего класса (*Now cats can be okay. He was almost human. Knowing the Lodger loved him, he respected his room. Elsewhere didn't matter*). Диалоги пестрят разговорной речью, сленгом, ирландским диалектом: *Ye – you, howya – how are you, an` – and, outa – out of, nothin`, Ah should have been a corpse a dozen times, `cos, Ma*.

Культура речи заключается в упрощении. Иногда предложения начинаются с глагола, теряя существительное. Часто идет обращение к читателю (*Boy, man*).

«*Chaplin`s prose is wonderfully alive, and his novel is an overlooked, but untarnished gem*». Сид Чаплин писал завораживающе простым языком, что под силу не каждому писателю. За красотой слов порой не скрывается смысла, в этом же романе проблема, поставленная писателем, раскрыта с разных сторон. Отвечая на поставленный вопрос в начале, следует сказать, да, безусловно, эмоционально и морально хрупким тинэйджерам, наполненными надеждами на процветающее будущее, непросто жить в разрушенном настоящем.

Список литературы

1. Chaplin S. *The day of the sardine*. London: Eyre and Spottiswoode, 1961.

СЛОЖЕНИЕ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР СТИХОТВОРЕНИЯ А. КЫШТЫМОВА «ЛИСТОПАД ВЕРТИКАЛЬНЫЙ...»

Хрестолобова Г.А.

доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики,
канд. филол. наук, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Россия, г. Абакан

В данной публикации рассмотрено творческое наследие известного поэта Хакасии А.Кыштымова. Проведен анализ одного из его стихотворений «Листопад вертикаль-

ный...». Описаны основные приемы текстообразования, позволяющие автору эффективно реализовать определенный замысел.

Ключевые слова: художественный текст, текстообразующий фактор, целостность текста, эмоциональность, интенция авторская, читатель.

Описание специфики художественного текста, определение авторской позиции в лирическом тексте невозможно без анализа текстообразующих факторов, которые и обуславливают выбор того или иного языкового средства в конкретном произведении. А.А. Бернадская отмечает, что «главная категория текстообразования, безусловно, когерентность, или целостность» [2, с. 707]. Именно данная категория позволяет автору реализовать определенную интенцию, посредством языковых средств, которые должны быть не только яркими, но и гармоничными. Л.Р. Безуглая считает, что «поэзия – это не только рифмованные строки, это красота языка во всех ее проявлениях. Настоящая поэзия всегда связана с чувством языковой гармонии. И чем больше в стихотворении языковых находок, тем более велика его художественная ценность, тем более значимо оно как художественное произведение» [1, с. 13]. Все это и обусловило выбор объекта нашего исследования – стихотворение А.Кыштымова «Листопад вертикальный» [3, с. 18]. Предмет – авторское образование сложных существительных, передающих всю палитру эмоций и чувств лирического героя. Цель исследования – анализ основных приемов текстообразования, реализующих авторскую интенцию.

Первые строки данного стихотворения – листопад вертикальный – уже называют читателю главного героя произведения, в котором описано осеннее настроение героя – это восторг и радость от буйства природного действия осенью. Все стихотворение проникнуто этим восхищением, которое образуют нераспространенные предложения, позволяющие автору сконцентрировать внимание читателя на самом главном. Центральным звеном текста являются сложные существительные, которые, выступая в роли грамматического и логического субъекта, уже образуют текст. Именно сложные существительные с начальным элементом «лист» позволяют автору репрезентировать эмотивную интенцию: *листопад, листовет, листоляс, листосброс, листозвон, листолип*. С позиции текстообразования, организации целостности текста в данном случае, на наш взгляд, является цепочка сложных слов, которая выстроена автором в определенной последовательности: осенний лист, начиная падать, своим полетом образует определенный таинственный и завораживающий танец, который завершается внизу, на асфальте. Благодаря такому образному описанию, читатель осознает всю гармоничность и простоту конкретного временного отрезка. Приведем стихотворение «Листопад вертикальный...» полностью:

*Листопад вертикальный,
Листовет наискос,
На мостках музыкальных –
Листоляс, листосброс...
Ты прислушайся... Слышишь,*

*Как вверху, над тобой,
Вниз по ржавчине крыши –
Листозвон золотой?!
Брошь к осеннему платью,
Раззолоченный нимб...
На земле, на асфальте
Уж всю листопил!*

Известный поэт Хакасии, на наш взгляд, сумел найти языковую гармонию посредством такого способа словообразования, как сложение. И если первые строки стихотворения соответствуют норме, то последующие представляют собой пример окказионального сложения, которое позволяет автору обозначить и донести до читателя коммуникативную интенцию: Анатолий Кыштымов не только сам восхищается красотой и волшебством листопада как автор и лирический герой одновременно, но и побуждает читателя прислушаться, присмотреться к окружающему миру и заметить, насколько в природе все гармонично и загадочно. А.Кыштымов целенаправленно обращается к читателю на «ты», т.е. подчеркивает неофициальность общения, которое и позволяет лирическому герою определенную языковую игру.

Художественное слово – это находка каждого автора, позволяющая обратить внимание читателя на произведение, удержать это внимание и заставить читателя фантазировать, восхищаться и, самое главное, по-другому посмотреть на окружающий мир, родную природу.

Список литературы

1. Безуглая Л.Р. Когнитивная прагмопоэтика: интенциональный подход // Первые Почепцовские чтения: Материалы Международной научной конференции, 25-27 сентября 2013. – Киев: КНЛУ, 2013. – С. 12-14.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
3. Кыштымов А.П. Я не прощаюсь... Сборник стихов. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1993. – 96 с.

ИНТЕРЪЕКТИВЫ – НОЭМАТИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ СМЫСЛА

Яковлева Е.В.

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В настоящем исследовании анализируются интеръективные конструкции в рамках филологической феноменологической герменевтики С.Н. Бредихина, раскрываются их потенциальные возможности в экспликации многомерных смыслов в речевом потоке. В статье делается попытка опровергнуть характерные для традиционной лингвистики постулаты о безадресатности и «некоммуникативности» интеръективов.

Ключевые слова: интеръектив, ноэматическая структура, эмотивный смысл, рефлексия и рефлексорность.

Основной проблемой во взаимосвязи эмотивной экспликации и генерализованного смысла интеръективных единиц языка выступает наличие в их семантике множества обертонов, не всегда связанных с эмотивной сферой коммуникации, вскрытие данных граней смысловой конструкции является задачей не только современных когнитивных методик анализа ткани текста, но и множества смежных наук, которые органично объединены в филологической феноменологической герменевтике. Типологическая и функциональная специфика интеръективов, эксплицирующих в эмотивном высказывании эмотивно-аксиологическое и апеллятивно-интеллективное начало, представляют собой систему этноспецифических и личностных корреляций.

Уже издревле философами и лингвистами обсуждался вопрос о рефлекторной природной этимологии интеръективных конструкций (в первую очередь первичных междометий) и данный факт невозможно оспаривать, однако, приписывать интеръективам (междометиям и релятивным конструкциям) только эмотивную функцию не правомерно. Безусловно, что исследуемый класс единиц представляет собой некую первичную эмотивно-семиотическую матрицу, в рамках которой возможно, на основе трансформации смысла и рефлексивной деятельности над соотношением первичных звукообразов и ситуаций их возникновения, появление знаменательных слов. Но нельзя отрицать тот факт, что и сами первичные комплексы, не подвергаясь серьезной фонетико-структурной трансформации, пережили трансформацию ноэматического состава (трансформацию смысловой структуры). В первичных непроемных междометиях на основе актуализации эмотивных обертонов смысла и введения их в ядерную зону формировалось генерализованное значение эмоции, которое на настоящий момент большей частью может быть правильно интерпретировано в потоке речи каждым членом определенного лингвокультурного сообщества, «...отношение человека к миру определяется смыслом. Именно смыслы образуют культуру» [2, с. 30]. Этот генерализованный знак эмоции или внутреннего психофизиологического состояния, несмотря на безадресатность, по терминологии В. И. Шаховского [5], все же предполагает наличие в основаниях своего употребления констант интенциональности, ситуативности, модальности и субъективности.

Анализ употребления междометных и релятивных конструкций эмотивных высказываний и их интерпретации с учетом, как ближайшего горизонтального контекста употребления, так и широкого вертикального контекста семиозиса показывает относительное тождество инварианта значения и вариативной формы междометных и релятивных единиц с примарным генерализованным эмоциональным значением. Но актуализация периферийных компонентов многомерного смысла вскрывается столь же четко, например, апеллятивно-побудительные или фатические контекстуальные компоненты в высказываниях подобного рода являются результатом контекстуально-авторского переосмысления и рефлексии не только над эмотивной ситуацией речепорождения, но и над выбором языковых средств вербализации скрытого. Способность данных языковых единиц реализовывать апеллятивно-побудительное содержание проявляется в различных вариативных формах

зачастую производных и не первичных междометных речевых единиц. Однако существует и другая сторона подобного явления – вариативность формальной репрезентации средствами системы первичных эмотивных интеръективов при инвариантной вербализации эмотивной сферы в поверхностной структуре высказывания. Например:

«*"Oh look," she implored him. But what was there to look at? A few sheep. That was all.* [6, с. 10]. – *Погляди же!* – *молила она. Но на что тут было глядеть? Только овцы одни. Вот и все*» [3, с. 11].

В данном высказывании актуализируются периферийные апеллятивно-побудительные нозмы в иерархической структуре генерализованно смысла вариативного первичного местоимения *Oh* (понимания, признания (с вопросительной интонацией), просьбы подтвердить; реакции на боль или удовольствие), в структуре семантического оформления, данное местоимение несет компонент внезапности, который находится на периферии инвариантного значения, что, однако, в тексте оригинала актуализируется и находит свое отражение при интерпретативном переводе в контекстуальном эквиваленте передачи интеллектуально-апеллятивного компонента в форме частицы *же*.

Рефлексия относительно выбора эмотивных средств в не свойственной им функции является осознанным пониманием продуцентом высказывания возможного перлокутивного эффекта, а значит в структуру рефлексивного акта положены акты интендирования, прогностические стратегии и учет константы фоновых знаний возможного реципиента, на этом этапе и разрушается мнимая безадресатность и «некоммуникативность» интеръекции. В работах С.Н. Бредихина постулируется примарность рефлексивного над аллюзивными и ассоциативными аспектами в отборе полнозначных лексем: «Возможны два варианта закрепления отрефлектированного смысла в сознании: предметно-денотативное и пропозиционально-референциальное. Именно второй путь запечатления смысла выстраивает рефлексивную реальность согласно актам интендирования. В первом же варианте происходит построение базы аллюзивности и ассоциативности, но никак не рефлексии» [1, с. 57], однако в случае с междометиями и релятивными конструкциями дуальность чувственно-эмотивного и предметно-логического в рефлексивном акте речепорождения нельзя противопоставлять. Они действуют только в единстве как при порождении, так и при рецепции и интерпретации.

Необходимо отметить тот факт, что учет в анализе только семантики интеръектива никоим образом не может привести к адекватному пониманию и интерпретации эмотивного высказывания и не проясняет всех возможностей подобных единиц в формировании общего фона высказывания. Особыми скрытыми потенциями являются, в частности, невозможность поверхностной формальной открыто репрезентации своей (содержательной) пропозициональной структуры, например в интерпретации автора другого высказывания сходные эмотивно-волеизъявительные и апеллятивно-интеллективные компоненты смысла вполне могут получить совершенно другое языковое оформление, или наоборот, в тождественную формально-структурную организацию могут быть привнесены абсолютно другие периферийные нозмы,

именно подобные случаи мы можем наблюдать при фонетической схожести инвариантов в различных языках, ведь они неотъемлемо связаны с контекстом дискурса, как в культурном, так и в лингвистическом плане. Например, английское и немецкое первичное междометие *ah* как звук заднего ряда и соотносимое с ним русское *a!* в качестве гласного среднего ряда, очевидно, обусловлены одной и той же эмотивной ситуацией и базируются на сходных рефлекторных выкриках, или же английское *oh* в виде дифтонга со своим русским монофтонгизированным соответствием *o!*. «Эта условность как языкового знака проявляется также и в том, что внешне сходные между собой междометия в разных языках часто не равнозначны в отношении смыслового содержания» [4, с. 98].

Все аспекты актуализации различных ноем в структуре интеръективно-генерализованного смысла на психоэмотивном уровне речи весьма существенны, анализируя аффективные единицы невозможно оставаться только на уровне рефлекторного и неотрефлектированного пласта их семантики. Контекстуально-субъективный смысл, рождающийся в них, представляет собой чрезвычайно сложное образование реализующее весьма широкий спектр перлокутивных эффектов, безадресатность и кажущаяся «некоммуникативность» данных единиц не подтверждается при более прецизном анализе на основе методологии филологической феноменологической герменевтики и вскрытии актов интендирования продуцента и реципиента эмотивного высказывания.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 54-58.
2. Бредихин С.Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1 (21). С. 29-33.
3. Вульф В. Миссис Дэллоуэй / пер. Е. Суриц. СПб.: Лениздат, Команда А, 2012. 224 с.
4. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М.: Наука, 1970. 144 с.
5. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 671-683.
6. Woolf, V. Mrs. Dalloway. Ware: Wordsworth Editions, 1996. 160 p.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

К НАЧАЛАМ КОСМОСОЦИОЛОГИИ, ПОЛОЖЕННЫМ УЛЬРИХОМ БЕКОМ

Задоров В.Б.

канд. техн. наук, доцент, Киевский национальный университет
строительства и архитектуры, Украина, г. Киев

В статье рассматриваются идеи и элементы научной концепции современного немецкого социолога Ульриха Бека и предложения о становлении новой интегральной науки о человеческом социуме – космосоциологии – в современных условиях развития мирового сообщества. Показана неизбежность изменений во всех многоаспектных проявлениях социума, связанных с ускоряющимися процессами реальной космополитизации на земле. Работа содержит призыв к всеобщему размышлению о судьбе человеческого социума в целом на основе имеющихся и будущих достижений этой науки.

Ключевые слова: развитие человеческого социума в целом, общество всемирного риска, процессы реальной космополитизации, современный космополитизм XXI века, космосоциология,

Памяти великого космосоциолога Ульриха Бека

Преамбула. Мысли, изложенные в этой статье, являются итогом длительных размышлений системного аналитика, занимающегося организационными системами и участвовавшего во многих проектах социологического характера. Интерес к научным проблемам человеческого социума в целом, как самой сложной организационной системы, возник очень давно. При этом всегда возникал вопрос о границах, которые история человеческого социума расставляла между отдельными науками о нем. Почему, например, есть отдельная наука – политическая экономия, а социология политики является частью общей социологии, согласно нынешнему ее делению на отрасли (разделы)? [15] Как вообще можно разделить границами отдельные части социологии? Автор отдает себе отчет об условностях границ между науками о социуме. Одним из первых, кто предложил рассматривать социальную жизнь как сложную систему, состоящую из подсистем, относящихся к различным аспектам существования социума (мировоззренческим, социально-экономическим, культурным, политическим, научно-технологическим и др.), был Питирим Сорокин [13, 14]. Он полагал, что «социальное пространство – это систематизированные пересечения связей между социальными позициями, обладающими силовым воздействием на людей, занимающих данную социальную позицию». К сожалению до сих пор современная развитая наука – социология не рассматривает человеческий социум на земле как организационную систему в целом, опираясь на исследования его отдельных составляющих, выделяемых теми или другими границами, например, национальными.

Толчком для форсирования размышлений над данной проблематикой стали стремительно развивавшиеся события в мире в последние годы, свя-

занные с известными событиями, возвращающими мир к очередному противостоянию.

Все происходящее сейчас стало для автора, с одной стороны, шоком с постоянно вертящейся в голове мыслью: цивилизованное движение социума в целом в направлении учета процессов реальной космополитизации снова приостанавливается, а значит начинаются обратные процессы в сторону роста внутрисоциумных рисков, т.е. движение к всеобщей пропасти. С другой стороны, автор все больше склоняется к идее необходимости всеобщего осмысления развития социума в целом на основе современной космополитической концепции.

При этом автор исходил из одного ограничения, как данности. Оно касается России и может быть сформулировано так: никакого «светлого будущего» у общечеловеческого космополитического социума без России быть не может. А ее не вполне осознанное подключение к реальному космополитическому общемировому движению, начатое в конце двадцатого века, к сожалению, завершается поворотом в прошлое, т.е. движением вспять.

Автор понимает, что в России космополитизм до сих пор слово ругательное, а с началом активизации движения вспять это понятие опять начинает искажаться в привычном старом контексте. Поэтому пришло понимание, что без легального, бескровного и добровольного идейного завоевания России с переводом ее в лагерь нормального общечеловеческого социума мы все периодически будем находиться в условиях все возрастающих рисков свалиться в общую пропасть.

Россию, как и большинство народов, нужно увлечь новой современной космополитической концепцией, альтернативы которой, видимо, нет сегодня, а тем более в будущем. Для народов России и Украины сегодня это особенно важно, ибо доводы для нас могут быть близки по понятным причинам. Поэтому автор, являясь гражданином Украины, но со всеми российскими корнями, данную статью рассматривает, прежде всего, как некоторое прямое обращение к научным кругам, к гражданам России и Украины. Причем не столько свое, сколько человека, памяти которого она посвящена, т.к. поиск такой концепции привел к научным трудам Ульриха Бека [1, 2, 3, 4, 5, 6, 18], которого, в конце 2013 года автор, не с первой попытки, «открыл» для себя в интернете. Ульрих Бек помог по-новому прочитать Адама Смита [12], окунуться в работы Карла Поппера [11], Макса Вебера [7], Юргена Хабермаса [16] и многих других. Разносторонность глубоких работ Ульриха Бека, наполненных анализом накопленного человечеством опыта, убеждали в неизбежности изменений во всех многоаспектных проявлениях социума, связанных с ускоряющимися процессами реальной космополитизации на земле. Данная статья может рассматриваться, как призыв к всеобщему размышлению о будущем в космополитической судьбе сложнейшей организационной системы человеческого социума в целом. Преамбула получилась, к сожалению, большой, но с точки зрения автора она является важной для дальнейших конкретных пояснений позиции.

К общей характеристике современного космополитизма и космо-социологии. Данная работа ориентирована в основном на российского и украинского читателя и написана с уверенностью, что на Западе труды Ульриха Бека известны. Он много лет был одним из известных социологов мира. У него есть там последователи и ученики. Учет результатов космополитических социологических исследований в уникальном опыте реорганизации ЕС известен, равно как и анализ этого опыта, который обогащает космополитическую составляющую современной социологии.

Хочется думать, что статья, несмотря на некоторую сложность использованного материала из переведенных на русский язык научных работ Ульриха Бека, будет понята не только узким кругом социологов, т.е. автор надеется, что она носит и определенный публицистический характер. Во всяком случае интересующийся и подготовленный читатель сможет понять, что без новой социологической научной базы вся деятельность человеческого социума на земле обречена на провал, а времени у всех нас остается все меньше и меньше.

США и Запад, выбрав после второй мировой войны космополитическую стратегию, оказывали системную помощь в прогрессивном преобразовании ряда стран Европы и Азии. После прекращения существования СССР, казалось, что все пойдет своим чередом. Думалось, успеется: наберемся опыта; создадим новые системы социально-экономической защиты людей и нужные всем технологии; избавимся от зависимости в углеводородах, запасы которых на земле тают; достигнем достаточного уровня толерантности и консенсуса в области мировоззрений и верования; и, тогда наступит эра новых толерантных космополитических системных экспериментов не только в развитой и веками подготовленной Европе. К сожалению, известные ошибки США и ЕС в девяностые годы, связанные с утратой стратегической общечеловеческой целенаправленности многих политических и социальных международных решений, привели человеческий социум снова к конфронтации. Однако, сегодня необходимость ускоренного комплексного решения всех задач развития человеческого социума в целом в ближне-, средне- и долгосрочной перспективе, уже ни у кого не вызывает сомнений.

Для того, чтобы избавиться от исторического негатива понятия «космополит», нужна современная идеологическая концепция, базирующаяся на научной базе. Сегодня требуется переосмысление всего исторического опыта человеческого социума на земле с новых космополитических позиций. Ульрих Бек уделял этому огромное внимание. Ульрих Бек, всю свою жизнь посвятивший науке, которую, думаю, с полным правом сегодня можно назвать – КОСМОСОЦИОЛОГИЕЙ, умер первого января 2015 года. Я думаю, что он не возражал бы сегодня против того, чтобы его работы легли в основу становления этой науки. Это общее название всему, что он сделал в науке, пришло в голову автору данной статьи экспромтом 1 ноября 2015 года. Я не уверен, что в наш чрезвычайно коммуникативный мир – это понятие уже кем-то не было использовано в том или ином смысле. Уже после написания данной статьи, в очередной раз просматривая свои папки с материалами, автор обна-

ружил в некрологе, посвященном Ульриху Беку журналистом Р. Лейком (Spiegel), термин «космополитическая социология». Возможно, У. Бек использовал его в каких-то работах. Смысл и содержание новой науки от этого не изменится, но новая социология в космическую эру, пожалуй, имеет более всеобщую направленность, если помнить историческую многострадальность прекрасного понятия «космополитизм». Поэтому, прежде всего, нужно уточнить это понятие с современной точки зрения.

О современном толковании понятия – космополитизм. Ответ о новом современном толковании космополитизма кроется в кропотливом историческом исследовании процессов реальной космополитизации и деяний ярких представителей космополитизма. Данная работа не предполагает детального рассмотрения этого вопроса. Однако некоторое углубление необходимо. Существенную помощь в новом толковании космополитизма может оказать работа Виллема Фрейхофа [8]. И хотя его очерк не претендует на строгую идентификацию периодов развития всемирного космополитизма, все-таки в нем достаточно удачно отмечены некоторые существенные вехи его становления. К сожалению, анализируя историческую трансформацию понятия «космополит», В. Фрейхоф не во всем исходит из его современного представления. В частности, приведенная в ней оценка космополитизма великого Эразма Роттердамского позволила обратить внимание на некоторую неудовлетворенность В. Фрейхофа первичными материалами, оставленными великим мыслителем. В. Фрейхоф пишет, что Эразм Роттердамский *«в своих сочинениях и поступках civis mundi ... был не вполне последователен: он объявлял себя то гражданином Роттердама, то галло-германцем, то космополитом»* [8]. С сегодняшних позиций процессов реальной космополитизации, видимо, можно констатировать, наоборот, именно четкую последовательность Эразма, как одного из великих предшественников современных космополитов, т.к. он искренне всегда считал себя единым в трех лицах, т.е. и первым, и вторым, и третьим. Он понимал, что *нельзя быть плохим гражданином Роттердама, не признавать себя галло-германцем и быть при этом истинным космополитом.* В. Фрейхоф не обратил внимание на то обстоятельство, что *Эразм, всегда оставаясь истинным космополитом, настоящим галло-германцем и хорошим гражданином Роттердама, только менял свои точки зрения в зависимости от задач, которые возникали у него в той или иной ситуации, как жителя Роттердама, как галло-германца и как гражданина мира,* т.е., по современной терминологии он был хорошим системным аналитиком.

Системное мышление определяет, что смена у человека конкретных целей, видов деятельности, конкретных интересов и ограничений в конкретных ситуациях и в конкретные моменты времени, естественно, ведут к изменению его точки зрения на задачи, стоящие перед ним. Для одних задач и их моделей достаточно учитывать частные интересы, т.е. стоять, например, на точке зрения гражданина Роттердама, для других – нужно использовать более общие модели, т.е. стоять на точке зрения галло-германца, для третьих – только на точке зрения гражданина Мира. К тому же признание рейтинговой

иерархии таких задач и моделей у Эразма, как гражданина Роттердама, как галло-германца и как космополита, видимо, также должно подтверждать его четкую последовательность в разных *«сочинениях и поступках civis mundi...»*.

Следует только обратить внимание, что в философском смысле речь идет о свободном рейтинговом выборе каждого индивидуума. Однако, прежде всего, в смысле общественного космополитического движения ***нужно помнить о естественных ограничениях, которые связывают каждого из нас в пространстве и времени с локальной общностью людей и местом (сегодня это регион, страна, государство)***. Например, Эразм – как гражданин Роттердама и как галло-германец. Для общественного космополитического движения это очень важно. Такая *«локальная общность»* каждому индивидууму дается выбором природы. Она может быть определена общим понятием «Родина». Для каждого индивидуума понятие «Родины» включает очень многое. Оно связано с такими понятиями общности, как ***Малая Родина и Государство проживания***. Малая Родина для каждого человека определяется местом рождения его предков, местом его рождения, родственными и национальными связями, языком общения, обычаями, традициями и духом региональной общины, в которую индивидуум включается при длительном постоянном общении в период своего становления. Его отношение к своей Малой Родине, видимо, определяется ***истинным патриотизмом (в огромной мере национальным)*** и сохраняется при осознанном культивировании всю жизнь. Можно полагать, что истинный патриотизм, как отношение к Малой Родине, в своей основе космополитичен, т.к. почти всегда Малая Родина ассоциируется у человека с общеземными представлениями, прежде всего, в вопросе общекультурных человеческих ценностей.

Патриотизм человека по отношению к государству проживания определяется его гражданской позицией. Такая позиция проявляется уровнем личной активности в обществе и осознанным восприятием национальных, политических и гражданских ценностей, которые генерируются общественными движениями в государстве. ***Гражданский патриотизм*** возникает у человека в результате идеологизации общества в государстве (Большой родины) в процессе вовлечения активной его части в политическую и общественную деятельность. Такой патриотизм может быть космополитичным, если государство, как управляемая община, базируется на общечеловеческих социально-экономических и культурных ценностях и генерирует общечеловеческие цели.

Истинный патриотизм и гражданский патриотизм могут дополнять друг друга. В этом случае человек живет в полном согласии сам с собой и является естественным реальным космополитом, проявляясь «то гражданином Роттердама, то галло-германцем, то гражданином Мира». Вспомним Эразма Роттердамского.

Обратим внимание, что ***космополитическое воспитание гражданского патриотизма у индивидуумов способствует укреплению внутренних специфических свойств каждого «национального суверенитета» (конкретной страны, государства)***, а самовоспитание истинного патриотизма

способствует осознанию каждым индивидуумом равных прав и признания «национальных суверенитетов» всех иных («Других») живущих на земле. Таким образом, истинный патриот своего государства способствует укреплению его «национального суверенитета», признавая равные права «национальных суверенитетов» других стран.

Воспитание гражданского патриотизма в направлении непризнания равных прав других народов и государств приводит к поляризации общностей людей в государстве, способствуя развитию ущербного национализма, часто в его крайних негативных проявлениях. Без способствования самовоспитанию космополитического патриотизма у своих граждан эти общности (страны, государства, нации) саморазрушаются или подвергаются попыткам разрушения со стороны.

Если быть истинным патриотом Малой Родины и гражданином государства – в определенном смысле долг, обязанность каждого из нас, то участие в общественном межгосударственном космополитическом движении, действительно, всегда дело свободного выбора каждого. При этом каждый индивидуум, сохраняя свою принадлежность к «локальной общности», данной ему природой, в таком общественном движении обеспечивает *реальность* космополитизации человеческого общества на земле в целом. В противном случае возникает старый известный выхолощенный случай космополита: «где хорошо, там и родина». История развития космополитизма показывает это в полной мере.

Таким образом, можно предложить следующее определение современного космополита. *Современный осознанный космополит всегда един в трех лицах: он патриот своей Малой Родины, гражданин своей Большой Родины – национального или многонационального государства, и истинный гражданин Мира. Осознанность здесь предполагает системную оценку частных и общих интересов и ограничений.*

О становлении новой интегральной науки о человеческом социуме – космосоциологии. Я не настаиваю на введении в обращение нового понятия «космосоциология», но, если оно приживется, то очень хотелось бы настоять на том, чтобы пионером этой интегральной синтезирующей разные области науки о человеческом социуме мы назвали Ульриха Бека.

На самом деле он заслуживает этого. Его научное наследие, видимо, еще будет нуждаться в дальнейшей систематизации. У него не будет недостатка в последователях. И думается, что с позиций новой науки – космосоциологии – это можно будет сделать более целенаправленно. В своих работах, посвященных реальной космополитизации человеческого сообщества на земле, он уделял внимание всем аспектам нового космополитизма XXI века: философскому, социологическому, экономическому, политическому, научно-технологическому, управленческому, культурологическому, эколого-космологическому и т.п. Раскрыть все эти стороны его научной деятельности здесь не представляется возможным, но спасибо Ульриху Беку за помощь, которую он оказал автору данной работы своей лекцией «Жизнь в обществе риска – как с этим справиться: космополитический поворот», прочитанной в

Горбачёв-фонде в Москве в июне 2012 г. в рамках совместного проекта с Институтом Кеннана. Текст лекции стал мне доступен в Интернете в переводе с английского, выполненного В.С. Малаховым [2], а также по статье «Поворот к космополитизму», опубликованной в журнале «Россия в глобальной политике» № 4, за 2012 г. [5]. К сожалению, я не нашел материалов обсуждения этой лекции в российских ресурсах интернета. Далее мы разберем его идеи космосоциологии детальнее.

В начале хотелось бы высказать несколько доводов о причине, побудившей предложить название новой интегральной синтезирующей науке о человеческом социуме – космосоциология, а затем подкрепить их тезисами самого Ульриха Бека.

Первый довод можно сформулировать, видимо, весьма просто. Если человек в двадцатом веке осознано и реально вступил в космическую эру (ЭРУ КОСМО) со всеми ее на сегодня осознанными и неосознанными человеком земными и космическими рисками, то все его дальнейшее существование на земле, начиная, видимо, с 21-го века, по определению, связано с учетом этих рисков при реализации **главной цели социума – его выживания как целого в условиях космических и внутренних рисков: как минимум – на земле, как максимум – и в космосе.** Если под социумом мы понимаем человеческую общность как результат исторически сложившихся форм и всех видов деятельности людей, а традиционно занимается социумом социология (т.е. обществом, системами, составляющими его, закономерностями его функционирования и развития, социальными институтами, отношениями и общностями), то многоаспектная наука, направленная на реализацию этой главной цели социума в целом, с полным правом может быть названа **космосоциологией.**

Второй довод. *Обеспечение реализации главной цели выживания всего социума как целого становится основной задачей космосоциологии.* Она связана с изучением, анализом всей системы рисков, а также с разработкой моделей, позволяющих оценивать и системно снижать эти риски, следовательно, она должна базироваться на теории организационных систем. Работа с такими моделями предполагает *учет всех основных весомых аспектов, мировоззренчески и верованием связанных с целеполаганием, и, возникающими ограничениями в области философии и культурологии, традиционной социологии и экономики, политики и управления, прикладной науки и технологии, экологии и космологии и др.*

Таким образом, **космосоциология из-за такой многоаспектности представляется интегральной системной наукой, оперирующей моделями анализа и синтеза целей, ограничений и ситуаций, возникающих на всех уровнях структуры социума с учетом и в разрезе, как минимум, всех перечисленных аспектов его деятельности.**

Третий довод. Полученные в рамках космосоциологии результаты могут носить характер и *познавательный* (для осознания состояния всех многоаспектных составляющих структуры социума на том или ином этапе развития), и *нормативный* (для выработки рекомендаций поведения отдельным составляющим и социуму в целом).

С первой точки зрения космосоциология представляется наукой теоретической, позволяющей каждому в отдельности и социуму в целом, во-первых, осознавать себя в условиях земных и космических ограничений и рисков, во-вторых, корректировать и вырабатывать новое философское и культурологическое осмысление с целью нахождения общего в мировоззрениях отдельных групп социума.

Со второй точки зрения космосоциология представляется прикладной наукой, вырабатывающей конкретные модельные рекомендации поведенческого характера, включая институциональные, для различных общественных, политических и управленческих структур отдельных составляющих и социума в целом.

Четвертый довод. Организационный. Самый сложный. Есть опасность, что космосоциологию заорганизуют в угоду обслуживанию различных отдельных корпоративных групп и государственных образований сильных мира сего с целью борьбы за власть или силового влияния на Других. Организационно это нужно как-то минимизировать.

Познавательная теоретическая космосоциология, видимо, может постепенно стать чем-то вроде новой (надстроечной) «религии», толерантно объединяющей народы всех стран мира: и теистов, и пантеистов, и атеистов, без отказа от собственных верований [9]. В этом смысле, видимо, при организации новых общественных (или с модным названием – коммунитарных) образований, которые, безусловно, будут эксплуатировать принципы космосоциологии в своих политических целях, нужен поиск разумных всеобщих, возможно, институциональных ограничений. Такие образования могут формироваться в виде каких-то организационных общественных движений воспитательного характера на подобие философских или теистических школ, объединяющих, а не разъединяющих представителей разных направлений верования на основе общих полученных космосоциологических познавательных результатов.

Прикладная космосоциология, вырабатывающая конкретные рекомендации поведенческого характера (включая институциональные) для различных общественных, политических и управленческих структур составляющих и социума в целом, видимо, может развиваться организационно подобно информационным технологиям, которые накапливают и совершенствуют комплексные системы информационных моделей человеческого коммуникационного взаимодействия людей разного верования и разной ментальности. Информационные технологии обеспечивают возможности равного доступа к такому коммуникационному взаимодействию всех людей и их объединений. Что-то подобное может представлять собой организационно и прикладная космосоциология. Здесь, видимо, важно искать такие организационные схемы взаимодействия людей и групп, которые бы способствовали принятию решений по всем многоаспектным проблемам социума на основе консенсуса. Никакой консенсус в одноуровневых организационных системах невозможен. Поэтому придется искать новые формы иерархических организационных систем на основе интегрального учета коммуникационного принципа

информационных технологий и коммунитарного принципа организационных систем, учитывая общее в них (лат. *communico* – делаю общим).

Вся структура отдельных направлений и разделов космосоциологии, видимо, будет строиться на основе анализа разнообразных процессов реальной космополитизации.

Может ли прикладная космосоциология включать в себя политическую теорию и политические исследования? Скорее всего, ответ должен быть позитивным. Проблемой, видимо, всегда будет оставаться организационный момент. Важно, чтобы человечеству удавалось в процессе своего развития достигать высокой всеобщей организации социума для решения многоаспектных социальных вопросов с учетом обеспечения эффективного доступа к использованию ограниченных имеющихся и создаваемых ресурсов.

Космополитическая концепция развития человеческого социума Ульриха Бека. Возвратимся теперь к взглядам самого Ульриха Бека, изложенным в выше названной лекции. Прежде всего отметим, его четкое понимание необходимости нового осознания современности: «Когда рушится мировой порядок, начинается анализ. Впрочем, этого, похоже, совсем нельзя сказать о господствующем ныне типе социальной мысли и социальной теории. С универсалистской отстраненностью и сомнамбулической уверенностью они парят над течениями эпохальных перемен» [2]. Кто сегодня может возразить его абсолютно четкому пониманию связи теории и практики «когда рушится мировой порядок, начинается анализ»? А также найдутся ли несогласные с его утверждением о нынешнем отставании «социальной мысли и социальной теории»?

Далее, признавая, что эти перемены в мире связаны с процессами «реальной космополитизации», У. Бек делает, на мой взгляд, основополагающий для космосоциологии вывод: «Было бы явной недооценкой ситуации сказать, что европейская социология, как и социология вообще, нуждается в понимании модернизации других обществ лишь для того, чтобы обрести более целостную картину мира. Ведь и **самих себя** мы, европейцы, сможем понять только тогда, когда «депровинциализируемся», то есть **когда нашим социологическим методом станет умение смотреть на мир глазами других**» (Ш. Выделено мной) [2]. Обратим внимание, отталкиваясь от европейской социологии, У. Бек указывает, что без предложенного им нового социологического метода существующая социология не позволяет нам понять «самих себя». Поясняя в лекции российской аудитории космополитические перемены в мире, т.е. «космополитический поворот», он уточняет: «Космополитизм – термин нагруженный, особенно в российском контексте; он *не совпадает* со сталинским политическим определением космополитизма как «антипатриотического настроения и поведения». С моей точки зрения, **теоретически и эмпирически «космополитический поворот» представляет ответ на эпистемологический вопрос глобализации: как мы можем понимать и анализировать новую взаимосвязь мира. Вкратце мой ответ таков: глядя на себя глазами другого – если определять это методологически**» (Ш. Выделено мной) [2].

Фактически он призывает к применению нового методологического метода «глядя на себя глазами Другого» при решении всего круга задач: философских, социологических, экономических, политических, научно-технологических, управленческих, культурологических, эколого-космологических и т.п. Обратим внимание, что У. Бек понимает этот метод гораздо глубже, чем это может истолковать не вполне осознанный человек. Здесь видится не просто другой по горизонтали, но и Другой по вертикали. Например, если вы смотрите на проблему города Роттердама в некоторой ситуации, как его гражданин, то недостаточно посмотреть на нее только с позиции гражданина соседнего города. Посмотрите на нее с позиции галло-германца, а если получится, то и с позиции Гражданина Мира. Поднимитесь над собой, над своими частными интересами. Поищите консенсус сначала в этих своих позициях и моделях ситуации, а уж потом выносите толкование проблемы своим визави.

Таким образом, У. Бек закладывает основы космосоциологии.

Далее он аргументирует свою позицию в семи тезисах.

Первый тезис У. Бека касается одного из важнейших философских, политических и социальных аспектов современности – методологического национализма. У. Бек, подвергая его критике и ставя под сомнение, полагает его «укоренившейся системой взглядов на общество и политику, одинаково присущей и социальным акторам, и ученым-обществоведам» [2]. По справедливому мнению У. Бека, «методологический национализм приравнивает современное общество к национальному государству, ограниченному территорией..., ... полагая, что человечество естественным образом разделено на некоторое ограниченное число наций, которые изнутри организуют себя в национальные государства, а извне устанавливают границы, позволяющие им отличать себя от других национальных государств. Такой дуализм национального и интернационального представляет наиболее фундаментальную категорию политической организации» [2]. Далее он отмечает: «Воображение политиков и социологов формируется под влиянием принятой национальной точки зрения на общество и политику, законы, правосудие и историю. И именно этот методологический национализм мешает общественным наукам постичь суть политической динамики мирового сообщества риска...» [2].

В то же время он подчеркивает, что «критику методологического национализма не следует смешивать с тезисом о конце национального государства. Национальные государства (как подтверждают все исследователи) будут преуспевать или трансформируются в транснациональные государства (примером может служить Европейский союз)» [2].

Отметим, что методологический национализм, действительно, мешает, но вряд ли можно и нужно в самом начале эры космополитической коммуникации разворачиваться на сто восемьдесят градусов и отказываться от методологического национализма полностью. У. Бек это понимает, и поэтому различает: «Когда социальные или политические акторы исповедуют такую точку зрения, я говорю о «национальном мировоззрении»; когда же эта точка зрения определяет перспективу социального исследователя, я говорю о «ме-

тодологическом национализме» [2]. При этом он, помня о социальном научно-исследовательском аспекте, обращает внимание на то, что «национальная организация как структурирующий принцип социального действия не может более служить ориентиром для ученого» [2].

Национальное мировоззрение и методологический национализм еще не сыграли до конца своей положительной роли на громадных земных пространствах. Не следует забегать далеко вперед. Полностью отрыв и отказ от них чреват сегодня рисками, которые возможно больше рисков «чистой» космополитизации. Поэтому далее в лекции (в своем втором тезисе) У. Бек уместно вводит понятие «реальной космополитизации», как эволюционного, но осознанного и целенаправленного движения в направлении космополитизации, как таковой.

Завершая критику методологического национализма, У. Бек прямо говорит: «общественные науки могут адекватно отвечать на вызовы глобализации только в том случае, если, преодолев методологический национализм, они начнут ставить – эмпирически и теоретически – фундаментальные вопросы в границах своих специализированных исследований и тем самым заново сформулируют космополитическую социальную науку» [2]. Хочется думать, что он имел в виду *космосоциологию*.

Второй тезис У. Бека. Приступая к прояснению в лекции понятия «реальная космополитизация», У. Бек, прежде всего, обращает внимание: «эпоха, в которую мы живем, есть эпоха не космополитизма, а космополитизации». Выше мы уже фиксировали тот момент, что У. Бек использует понятие космополитического поворота как ответ на эпистемологический вопрос глобализации. Прогнозы ряда аналитиков о смене вектора глобализации на вектор регионализации не снимают всеобщность процессов реальной космополитизации. Приводя множество примеров из разных сторон бытия социума, он подчеркивает эту всеобщность и реальность процесса космополитизации, тем самым показывая разницу между космополитизмом и процессом реальной космополитизации. Он обращает внимание, что сегодня процессы реальной космополитизации «развертываются стихийно, незаметно, мощно и агрессивно. Скрытая под поверхностью, за фасадами национальных конструкций, она существует вне зависимости от суверенных территорий и этикетов. От самой вершины общества она идет вниз, обнаруживая себя в обыденной семейной жизни, в повседневных ситуациях на рабочем месте, в индивидуальных телах и карьерах, хотя национальные флаги все еще развеваются, а национальные отношения, национальные идентичности и национальные формы сознания даже упрочиваются» [2].

Нельзя не согласиться с этими доводами. К этому остается только добавить. История космополитизма до сих пор рассматривалась только как составляющая часть культурной и политической истории человечества. Но вряд ли можно возразить утверждению, что реальная космополитизация, как процесс, дефакто, всегда сопровождала становление человеческого общества на земле. Пришло время, когда это не просто стало видно, а ее ускорение стало настолько существенным, что не учитывать это обстоятельство теперь по-

добно смерти всему живому. Видимо, в культурологическом аспекте космо-социологии еще придется пересматривать человеческую историю под углом зрения воздействия процессов реальной космополитизации на развитие цивилизаций.

Третий тезис У. Бека. Здесь он кратко разбирает понятие «общество риска». Отметим, что в двух переводах его лекции смысл этого понятия несколько различен. В переводе В. Малахова [2] оно представлено в форме «мировое общество риска», в статье «Поворот к космополитизму» [5] используется «общество всемирного риска». Нам, видимо, не следует здесь вдаваться в тонкости этого различия. У. Бек в своей фундаментальной книге, посвященной этому вопросу, всесторонне рассмотрел проблему *общества риска*. Однако книга вышла в русском переводе в 2000 году [4], а лекция прочитана в 2012 году. Поэтому обратим внимание на его более позднюю трактовку этого понятия. «Почему понятие «мировое общество риска» столь важно для понимания социально-политической динамики и трансформаций начала XXI века? Накопление рисков – ядерного, экологического, финансового, военного, террористического, биохимического, информационного (Ш. В том числе политического и др. – ремарка моя) – стало сегодня преобладающим фактором. В той мере, в какой риск переживается нами как постоянный и повсеместный, на него возможны три реакции: *отрицание, апатия и трансформация*. *Отрицание* глубоко вписано в первую культуру модерна, однако политический риск отрицания ею игнорируется. Это мы ясно видим на примере использования ядерной энергии после Фукусимы. *Апатия* прокладывает путь нигилистической линии постмодернизма. *Трансформация* фиксирует проблему, которую поднимает мировое общество риска: каким образом осознание множественности зависящих от человека вариантов будущего и, соответственно, возможных рисков влияет и трансформирует восприятие человека, а также условия жизни и институты современного общества? Одним из поразительных примеров здесь является, несомненно, глобальный финансовый кризис и та сумятица, которую он порождает в Европе и в мире в целом» [2].

Различая *риск* и *катастрофу*, У. Бек отмечает: «Находясь в ситуации риска, мы в нашем настоящем проигрываем варианты (Ш. «моделей» – ремарка моя) будущего, но при этом настоящее будущих катастроф остается принципиально неведомым. Без техники визуализации, без символических форм, без масс-медиа риски – вообще ничто. Поэтому глобальные риски – это, по сути, глобальные медийно опосредованные риски. В социологическом и политическом плане это означает следующее: если разрушение и бедствие осознаются как угроза, возникает желание действовать... Говоря политически, глобальные риски создают глобальную публику, которая мобилизует людей поверх всех границ – национальных, религиозных, этнических и т. д.» [2].

Завершая в лекции пояснение своей концепции общества риска, У. Бек обращает внимание, что «восприятие глобально произведенных рисков и неопределенностей характеризуется следующими чертами: делокализация, не-

калькулируемость, некомпенсируемость» [2]. Более подробно и глубоко он рассматривает эти черты в своих многочисленных работах, разбирая разноаспектные проблемы общества риска и создавая прекрасный задел для будущих исследователей, работы которых лягут в копилку космосоциологии.

Четвертый тезис У. Бека, на мой взгляд, имеет чрезвычайно существенное значение. Он касается **«создания многоликого, космополитического» мира, «где процветает разнообразие»**. Эту проблему в лекции он разбирает на примере Европы. У. Бек истинный европеец, а как великий ученый, понимающий неумолимость процесса реальной космополитизации, он видит «все за» и «все против» европейской политики и интеграции. Он отмечает, что «методологический национализм видит Европу либо как федеральное сверхгосударство, либо как систему межправительственных договоров, ведущих к федерации государств» [2]. И указывает, что «обе модели эмпирически несовершенны. Они не отражают сущности сегодняшней Европы, равно как и государств, которые ее составляют» [2]. Эти модели «отвергают самую что ни на есть достойную цель – формирование Европы космополитической, заботящейся о процветании различий» [2]. Завершая критику сторонников методологического национализма в вопросах интеграции Европы, У. Бек делает вывод: «Так выглядит Европа, пропущенная сквозь фильтры эксклюзивных категорий националистического мышления, способных понять ее только одним способом, а именно – как огромное (этнокультурное) национальное государство. Но такое представление в корне неверно. *Создать одну европейскую нацию невозможно, нежелательно, да и означало бы нечто антиевропейское по своей сути.* Защитникам националистической идеи даже в голову не приходит, что Европу, быть может, вообще не следует воображать по образцу национального государства, которому суждено лишь прирасти размером!» [2]. Далее он обращает внимание еще на один аспект трансформации мира в перспективе на примере изменения климата. Предчувствие катастрофы здесь «вызывает фундаментальные общественные трансформации, порождая новые формы власти, неравенства и незащищенности, равно как и новые формы сотрудничества и солидарности на местном, национальном и глобальном уровнях» [2]. Так, сторонники национального мышления, равно как и методологического национализма получают опыт анализа рисков процессов реальной космополитизации. Хорошим доказательством этому является прошедшая в Париже с 29 ноября по 11 декабря 2015 года конференция ООН, посвященная глобальному потеплению [10]. Размышления У. Бека о путях «создания многоликого, космополитического» мира, «где процветает разнообразие» показывают, что процессы реальной космополитизации всегда будут сложными и будут требовать высокого напряжения интеллектуальных сил не только (а может быть, и не столько) акторов, принимающих политические и социальные решения, а, прежде всего, групп ученых-космосоциологов.

Пятый тезис У. Бека касается вопроса моделей новых «космополитических» сообществ риска, т.е. о том, как они формируются и реализуются. На примере изменения климата он видит свою задачу в том, «каким образом

можно превратить понятие «воображаемые космополитические сообщества риска» в мощное объяснительное средство для понимания запутанных социальных, экономических и политических последствий изменения климата?» [10]. В постановке проблемы он выделяет три момента: во-первых, формируется «новое космополитическое пространство, скорее трансформирующее локальные и национальные сообщества, нежели замещающее их..., и оно открыто для переговоров»; во-вторых, «формирование новых космополитических сообществ риска существенно связано с распределением власти и ресурсов, социальной и естественной уязвимостью, различным восприятием несправедливости богатыми и бедными регионами»; в-третьих, «усиление международного сотрудничества становится суровой реальностью, обусловленной космополитическим императивом» [2]. И далее, ставит вопрос: «как можно успешно преодолевать глобальные риски в условиях множества соперничающих друг с другом сообществ с их различными нормативными моделями, материальными интересами и конstellациями политической власти?» [2]. Отвечая на этот вопрос, У. Бек видит решение проблемы в новой «космополитической реальной политике» (*Realpolitik*), которая, превращая «частные пороки... в общественные добродетели», должна способствовать направленности «гегемонистских «игр метавласти», глобальной политики государств и государственных интересов» на «осуществление общих космополитических целей». «Космополитическая *Realpolitik* взывает – по крайней мере, преимущественно – не к общим идеям и идентичностям, а к власти и интересам» [2].

Конкретизируя наполнение содержанием понятия космополитической *Realpolitik*, У. Бек делает несколько важных утверждений («допущений»).

1. «Новая историческая реальность мирового общества риска такова, что **никто сегодня не может справиться с проблемами в одиночку**. Космополитизм, в указанном выше смысле, не призывает жертвовать собственными интересами и руководствоваться исключительно высшими идеями и идеалами. Напротив, он принимает как данность тот факт, что любое политическое действие основано преимущественно на определенном интересе» [2].

2. Космополитизм в 21 веке «настаивает на том, **чтобы преследование собственного интереса не противоречило интересам более широкого сообщества**. Таким образом, космополитический реализм в основе своей означает **признание законных интересов других и их учет при определении собственных интересов**» [2].

3. «**Частные интересы становятся «рефлексивными национальными интересами» через воспроизводящиеся совместные стратегии самоограничения; точнее, расширение прав и возможностей возникает в результате самоограничения**» [2].

4. Обратим внимание, здесь У. Бек настаивает, что процессы реальной космополитизации предполагают обязательный поиск решений, не противоречащих интересам «более широкого сообщества», на основе «совместных стратегий самоограничений». Примером могут быть те или

иные концепции местного самоуправления, которые реализуются как в интересах государства в целом, так и в интересах региональных и местных общин. Стратегии самоограничения здесь, как правило, совместны, т.е. являются двухсторонними.

5. **«В идеале индивидуальные и коллективные цели и на национальном, и на глобальном уровне можно достигать одновременно»** [2]. Поясняя это утверждение, У. Бек обращает внимание, что «в действительности же, однако, космополитическая Realpolitik часто наталкивается на ограничения и проблемы. То есть это не панацея, и работает она тоже отнюдь не всегда. В частности, то, существует ли у проблемы космополитическое «решение, зависит от нормативного и институционального контекста, в котором приходится принимать решения. Но, тем не менее, основной посыл космополитической Realpolitik состоит в том, что будущее открыто. Оно зависит от решений, которые мы принимаем» [2]. Здесь космосоциологии и космополитической реальной политике, в смысле философского аспекта, созвучна концепция «открытого общества» К. Поппера [11].

6. **«Взаимодействуйте или потерпите неудачу! Или права человека, или катастрофа человечества!»** В этом заключаются «два Гегелевских сценария... космополитического императива сотрудничества» [1]. Нужно ли сегодня что-то еще добавлять к этому абсолютно ясному утверждению У. Бека? С позиции цели выживания социума в целом – это аксиома.

7. Отказ или не признание предыдущего утверждения «грозит нам и другим, зловещим сценарием – сценарием по Карлу Шмитту»: **«нормализацией чрезвычайного положения, превращением его в норму»** [17]. Далее У. Бек, размышляя о том, «как эти две тенденции друг с другом переплетаются и какими могут быть социальные и политические последствия такого переплетения», говорит, что об этом, **«известно немного»**. Обратим внимание читателя, что эти слова сказаны У. Беком в июне 2012 года. После событий в Украине и «нормализации чрезвычайного положения» действиями экстремистов на ближнем востоке и в других частях мира мы об этих сценариях знаем несколько больше. Сегодня становится понятным все более широкому кругу как социальных или политических акторов, так и исследователям процессов реальной космополитизации, что проблемам космополитической Realpolitik в 21 веке придется уделять все больше внимания. И мы должны отдать должное У. Беку за его пионерный вклад в это важнейшее направление космосоциологии.

Шестой тезис У. Бека касается прав человека и делигитимации космополитического неравенства. Подчеркивая важность этого тезиса с точки зрения современной социологии (надеемся и будущей космосоциологии), У. Бек еще раз обращает внимание на проблемы методологического национализма: «Во-первых, в аналитическом плане он игнорирует фундаментальные реалии нашего времени, связанные с космополитизацией неравенств... Во-вторых, он утверждает дуализм «локального/глобального» и «национального/интернационального», которые сегодня постепенно размываются. В-

третьих, методологический национализм (в любых его формах) *не способен* уловить суть проблемы делигитимации неравенств, их политическую взрывоопасность» [2].

Эти фундаментальные слабости методологического национализма У. Бек видит в работах социологов традиционного направления. «...Национально ориентированная и необъективная перспектива справедливости совершенно упускает из виду вопрос, который является чрезвычайно важным для понимания политической динамики и трансформации неравенств: почему и при каких обстоятельствах тот или иной вид неравенства – возникающий или исчезающий объективно – *теряет легитимацию*» [2]. Он отмечает, что «здесь есть два условия очевидной важности: во-первых, *создание равных норм*, во-вторых, *сравнимость неравенства*. Первое условие выполняется через распространение, защиту и институционализацию прав человека; второе – через космополитизацию неравенства» [2]. Разбирая взрывоопасную трансформацию арабского мира, У. Бек подчеркивает, что «молодое «глобальное поколение» индивидуализированное и в то же время космополитизированное Интернетом, сетью Facebook и т.п.» свергает старый тоталитарный режим арабского Ближнего Востока... И снова мейнстрим социологии, оперирующей категориями воспроизводства социального порядка, власти и политической системы, оказывается неспособным уловить суть исторического момента» [2]. У. Бек предлагает смену парадигмы, открывающей неисчерпаемый фронт работ для современных исследований в этом направлении, которое является важнейшей частью новой космосоциологии.

Седьмой тезис У. Бека касается позиционирования прав человека в современной космополитической конъюнктуре.

Размышляя о месте прав человека в перспективе процессов современной реальной космополитизации, У. Бек видит моральные и политические противоречия решения этой проблемы, которые «затрагивают самую суть того, что означает быть человеком».

Он отмечает, что «с одной стороны, космополитизация усиливает смешение с глобальным Другим, открывая пространства и перспективы для установления режимов прав человека. Не только транснациональные медиа и телекоммуникационные сети, но и глобальные риски (такие как изменение климата, финансовые кризисы и даже, в известной мере, террористическая угроза) создают глобальную публику и обещают сплотить нас в единое человечество» [2]. Поэтому он предлагает рассматривать процессы реальной космополитизации «...не как частичное или исключительное условие, которое либо существует, либо не существует, как состояние или цель, которую необходимо достичь, а скорее, как этико-политический способ социетальной трансформации, основанный на принципе открытости мира; этот принцип открытости мира порождает феномен *глобальной публики*. Сегодня глобальная публика играет критическую роль в этих процессах трансформации. Акцент здесь ставится на космополитических мгновениях открытости мира, возникающих из встречи с глобально опосредованными глобальными рисками» [2]. И заключает: «С этой точки зрения, рефлексивная космополитизация

есть форма раскрытия мира, возникающая из возможностей трансформации, имманентно присущих социальному миру» [2].

С другой стороны, обсуждая глобальные риски «в продолжении сохранения человечества» в условиях реальной космополитизации, У. Бек делает вывод о том, что «универсальный режим прав человека в качестве нормативной системы, упорядочивающей совокупность взаимодействий между государством и группами, организованными по частным интересам, между коллективными акторами и индивидами, а также отношения между индивидами, придает человечность нашему [космополитизированному] миру. Он позволяет нам рассматривать космополитическое состояние как человеческое состояние» [2].

Поэтому, отмечая необходимость поиска решения проблемы «о месте прав человека в перспективе процессов современной реальной космополитизации», У. Бек рекомендует делать это на основе космополитического подхода, развивающего либеральный и транснациональный подходы.

Подводя итоги своей лекции У. Бек четко определяет свою позицию в отношении новой «космополитической социальной науки».

Во-первых, он утверждает, что «литература по общественным наукам во многом еще путается в сетях методологического национализма. Она по-прежнему опирается на допущение, будто национально-территориальное остается изначальным вместилищем данных, необходимых для анализа социальных, экономических, политических и культурных процессов. Однако в начале XXI века общество мирового риска бросило политический и теоретический вызов идее, согласно которой тесное переплетение истории и границ является единственным средством социальной и символической интеграции и единственным средством ее анализа» [2].

Во-вторых, он «отвергает обычные значения слова «космополитизм», отделяя его тем самым от таких понятий, как универсализм, глобализм, транснационализм и интернационализм». При этом дает емкое свое определение: «Космополитизация, как я ее понимаю, – это *идеал и реальность* универсализма, который содержит в себе особое измерение – глобальности, *включающей* национализм, и транснационализм, который не исключает множественности этничностей и культур» [2]. Видимо, к этому сегодня уже можно добавить, что современный этап реальной космополитизации включает в себя триединство патриотической деятельности индивидуума и общности, которой он принадлежит, на уровне Малой Родины, Большой Родины (национального государства), Всеобщей Родины (Земного Шара, а может быть и Космоса). Вся проблема здесь заключается в сочетании этих патриотизмов, т.е. какой из них в конкретной ситуации должен превалировать. А это проблема не чувств и ощущений, а проблема Разума и Духа, соответствующих этапу эволюции Человека и Космоса. При этом космополитизация, действительно, не исключает «множественности этничностей и культур»).

В-третьих, утверждая, что «космополитизация – это не универсальный антитезис партикуляризма (национализму, локализму, культурализму и т. д.), а скорее это синтез предыдущих теорий» [2], У. Бек предлагает «произ-

вести *субстанциальный сдвиг*». Далее он уточняет: «*Это преодоление дуализма между универсализмом и партикуляризмом, интернационализмом и национализмом, между глобализацией и локализацией. Тем самым космополитизация есть нечто значительно большее, чем просто политическая теория, философская утопия (или для кого-то антиутопия), значительно большее, чем программа правления, индивидуальный жизненный стиль или состояние ума. Это реальность нашего времени. Утверждение о том, что космополитизм есть нереалистическая идеология, я переворачиваю с ног на голову и заявляю: защитники национального – вот кто истинные идеалисты. Они смотрят на реальность через потертые националистические очки, не позволяющие разглядеть происходящие в реальности изменения, и это делает их теории старомодными и ошибочными*» [2].

Заметим, что сторонники национального в привычном смысле этого слова скорее не способны к осознанию триединства своего существования, ибо живут в одной плоскости – национального. Это нормально, если при этом они не пытаются объяснять и решать глобальные проблемы, находящиеся вне данной национальной общности, со своей национальной «кочки» зрения (Малой или Большой Родины). Хорошим примером этому является концепция «русского мира», уводящая Россию от осознания ее важнейшего места в процессах реальной космополитизации, т.е. безнадежно ведущая к изоляции от протекающих мировых процессов, к сожалению, с большими потерями для самой России и социума в целом.

Завершая свою лекцию в Горбачёв-фонде в Москве, прочитанную в июне 2012 г. в рамках совместного проекта с Институтом Кеннана, великий космосоциолог Ульрих Бек фактически «застолбил» дорогу новой науке: «В мире риска национализм становится врагом нации. Следовательно, *космополитизация – это исследовательская перспектива, политическая реальность и нормативная теория. Это критическая теория нашего времени, поскольку она бросает вызов наиболее фундаментальной из наших истин – истине национального*» [2].

Из всего выше изложенного с использованием размышлений и обоснований самого Ульриха Бека можно сделать вывод о том, что начала новой науки – космосоциологии – заложены. Они открывают широчайшие возможности целенаправленных исследований в разных направлениях осмысления существования социума («общества риска») с единой платформы нового космополитизма, базирующегося на анализе реально протекающих процессов космополитизации. Во-первых, они открывают, невероятно огромные возможности синтеза моделей исторических этапов развития социума и формирования новых объединительных системных познавательных воззрений с позиций оценки начала и ускорения процессов реальной космополитизации, происходивших на всех этапах возникновения и развития социума. Во-вторых, появляются реальные возможности осмысленного вхождения человека в космическую эру возрастающих рисков с попыткой реализовать свою глобальную цель – выживание социума у целом.

Хочется надеяться, что количество, осознавших реальность процессов космополитизации, будет расти вместе с развитием космосоциологии и достигнет той критической массы, которая найдет способы и пути постепенного поворота от пропасти, не допустит гибели социума на земле и обеспечит дальнейшую трудную, но основанную на осознании общечеловеческого космического назначения, судьбу эволюции социума на земле.

Список литературы

1. Бек Ульрих. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника – М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. – 464 с.
2. Бек Ульрих. «Жизнь в обществе риска – как с этим справиться: космополитический поворот», лекция, прочитанная в Горбачёв-фонде в Москве в июне 2012 г. в рамках совместного проекта с Институтом Кеннана. Перевод с английского, В. С. Малаховым, http://www.gorby.ru/userfiles/lekcija_ulrih_beka.pdf
3. Бек Ульрих. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
4. Бек Ульрих. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельнику и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
5. Бек Ульрих. «Поворот к космополитизму», Ж. «Россия в глобальной политике» № 4, за 2012 г. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Povorot-k-kosmopolitizmu-15639>).
6. Бек Ульрих. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая ред. и предисл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
7. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990.
8. Виллем Фрейхоф. «Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь». М.: Памятники исторической мысли, 2003, с. 31-41».
9. Шевров В. О поиске общего у теистов, пантеистов и атеистов в вопросе "Откуда мы и зачем?" <http://www.proza.ru/2016/06/30/750>.
10. Конференция по климату (COP21), Париж, Франция, с 30 ноября по 12 декабря 2015 года. 21-я конференция, проводимая в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP 21) и 11-я – в рамках совещания сторон по Киотскому протоколу (CRP-11) <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cop21/>
11. Поппер Карл Раймунд Открытое общество и его враги. Том 1 Чары Платона. Том 2 Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Москва, 1992.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Шаблон: М: Эксмо, 2007. – (Серия: Антология экономической мысли). – 960 с.
13. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика однотомное издание, http://antimilitary.narod.ru/antology/sorokin/Sorokin_Dynamics_1.htm
14. Сорокин, П.А. С65 Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с: ил., 24 с.
15. Социология, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Социология>.
16. Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре Вестник Российского философского общества. 2003. № 3. С. 17. С. 22-23.
17. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического / Пер. с немецкого Ю. Ю. Коринца. – М.: Праксис, 2007. – 304 с.
18. Beck Ulrich. (2009). World at Risk. Cambridge: Polity Press.

ОБ УРОВНЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЕ ЕГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Новиков А.В.

профессор Департамента социологии, д-р социол. наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

Газарян А.Ю.

бакалавр социол. наук, Россия, г. Москва

В статье авторы анализируют теоретико-методологические подходы к оценке уровня финансовой грамотности российского населения в современных условиях как показателе его качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни российского населения, уровень финансовой грамотности, система показателей для оценки качества жизни российского населения, экономический рост, мониторинг качества жизни российского населения.

Сегодня население России демонстрирует довольно низкий и «падающий» уровень финансовой грамотности. По данным Национального Агентства Финансовых Исследований (НАФИ), только одна российская семья из пяти (20%) ведет учет доходов и расходов своего бюджета, причем 13% из них фиксируют не все поступления и траты¹.

Согласно результатам исследования рейтингового агентства, Standard&Poor's «Global Financial literacy» («Глобальная финансовая грамотность»), проведенного в 140 странах мира в 2014 году, по уровню финансовой грамотности населения Россия разделила 24-е место с Белоруссией, Камеруном, Кенией, Мадагаскаром, Сербией, Того и ОАЭ. Доля «финансово грамотного» населения, по версии S&P, в этих государствах составила 38%, при этом Россию в рейтинге опередили такие страны, как Зимбабве, Туркменистан и Монголия (по 41%), а также Казахстан, Замбия, Сенегал и Украина (по 40%)².

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р, совершенствование финансового образования является одним из основных направлений формирования инвестиционных ресурсов, а в Указе Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Россий-

¹ Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведен в июне 2015 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 регионах России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

² [Электронный ресурс] URL:<https://www.spglobal.com/corporate-responsibility/global-financial-literacy-survey> (Дата обращения 24.06.2016)

ской Федерации"¹ повышение качества жизни населения Российской Федерации, наряду с обеспечением безопасности, обороны страны ростом ее экономики, здравоохранением и образованием, является стратегическим национальным приоритетом [1].

В настоящее время можно сказать, что в современном российском обществе сложилось некое социальное противоречие: с одной стороны, рост финансовой грамотности российских граждан должен являться ключом к их финансовому благополучию, повышению производительности труда, росту экономики России в целом, но с другой стороны, российские граждане не мотивированы повышать свою финансовую грамотность, потому что финансовые установки населения сформированы на основе недоверия к существующей финансово-банковской системе страны, а также неумения ориентироваться в многообразии финансовых продуктов и услуг.

Проблема исследования вопросов финансовой грамотности населения появилась относительно недавно, но очень быстро стала популярной. Среди выдающихся зарубежных ученых, занимающихся данной проблематикой, необходимо отметить работы Адель Аткинсон, Бодо Шефера, Элис Шредер, Уоррен Баффетт, Роберта Кийосаки, Джорджа С. Клейсона, Дональда Трампа и др.²

Проблеме финансовой грамотности и финансового образования населения посвящен ряд трудов отечественных ученых: Дорофеев М.Л., Домашенко Д.В., Зубец А.Н., Аймалетдинов Т.А., Имаева Г.Р., Лобанова И.А., Горяев А., Чумаченко В., Алифанова Е.Н., Рыжановская Л.Ю., Калинина Н.Н., Зеленцова А.В., Демидов Д.Н., Блискавка Е.А., Абанина И.Н., Хикматов У.С., Койчуева М.Т., и др.³

¹ Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 N 683 [Текст] : (О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации). – М. : [б. и.], 2015.

² Adele Atkinson Evidence of Impact: Review of policy evaluation literature. Personal Finance Research Centre. University of Briston – 2008.

Bodo Schafer, Der Weg zur finanziellen Freiheit, © Copyright 1999 Campus Verlag GmbH, Frankfurt / Пер. И. Резник и Л. Кац Макет. – М., Мудрость, 2002. – 154 с.

Элис Шредер Уоррен Баффетт. Лучший инвестор мира. – Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 800 с.

Kiyosaki R. Rich dad, Poor dad – Plata Publishing, LLC, 2011

Трам Д. Искусство заключать сделки / пер. Н. Захарович. – М., Манн, Иванов и Фербер, 2004. – 440 с.

³ Дорофеев М.Л. Влияние уровня финансовой грамотности населения на динамику его благосостояния в условиях современного финансового рынка / Дорофеев М.Л., Домашенко Д.В. // Труд и социальные отношения – 2012. – №4. – С. 45-82

Аймалетдинов Т.А. Энциклопедия финансового поведения россиян / Аймалетдинов Т.А., Имаева Г.Р., Лобанова И.А., Любимова М.В. – М., Радуга, 2013. – 200 с.

Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. – М.: Экономика, 2014. – 463с.

Зеленцова А.В. Повышение финансовой грамотности населения: международный опыт и российская практика / Зеленцова А.В., Демидов Д.Н., Блискавка Е.А. – М.: Центр Исследований Платежных Систем и Расчетов, 2012. – 190 с.

Термин «финансовая грамотность» имеет различные дефиниции.

Финансовая грамотность – это «совокупность базовых знаний в области финансов, банковского дела, страхования, а также бюджетирования личных финансов, которые позволяют человеку правильно подбирать необходимый финансовый продукт/услугу, трезво оценивать, брать на себя риски, которые могут возникнуть в ходе их использования, грамотно накапливать сбережения и определять сомнительные (мошеннические) схемы вложения денег»¹. Данная дефиниция определяет финансовую грамотность с позиции финансово-банковской сферы.

С точки зрения образования и науки, под финансовой грамотностью понимают результат процесса финансового образования или совокупность двух элементов:

а) владение индивидами информацией о существующих финансовых продуктах и их производителях (продавцах), а также существующих каналах получения информации и консультационных услуг;

б) способность потребителей финансовых услуг использовать имеющуюся информацию в процессе принятия решений при осуществлении специальных расчетов, оценке риска, сопоставлении сравнительных преимуществ и недостатков той или иной финансовой услуги.

Эти знания позволяют человеку грамотно управлять своими денежными средствами – вести учет доходов и расходов, вовремя погашать задолженности, планировать личный бюджет, накапливать сбережения.

Представляется целесообразным на практике применять определение финансовой грамотности, данное в приказе Федеральной службы по финансовым рынкам России от 24.09.2009 г. №09-237/пз «Об утверждении основных направлений деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения», в котором под финансовой грамотностью населения понимается способность граждан России:

- эффективно управлять личными финансами;
 - осуществлять учет расходов и доходов домохозяйства и осуществлять краткосрочное и долгосрочное финансовое планирование;
 - оптимизировать соотношение между сбережениями и потреблением;
 - разбираться в особенностях различных финансовых продуктов и услуг (в том числе инструментов рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций), иметь актуальную информацию о ситуации на финансовых рынках;
 - принимать обоснованные решения в отношении финансовых продуктов и услуг и осознанно нести ответственность за такие решения;
 - компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления»
- [2].

Хикматов У.С. Основы финансовой грамотности: учеб. пособие / Хикматов У.С., Койчуева М.Т. – Б.: КРСУ, 2015. – 163 с.

¹ Хикматов У.С., Койчуева М.Т. Основы финансовой грамотности: учеб. пособие. – Б.: КРСУ, 2015. – 163 с.

Для оценки качества жизни населения страны в настоящее время применяются различные интегральные системы, состоящие из различных показателей, которые характеризуют степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей и определяемых объективными и субъективными характеристиками жизнедеятельности человека и\или социума по отношению к объективному и\или субъективному эталону имеющихся у них потребностей.

Например, в системе показателей качества жизни, разработанной коллективом ученых кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве РФ в 2014 г., выявлен ряд факторов, оказывающих в достаточной степени влияние на удовлетворенность населения российских городов своим качеством жизни (в порядке убывания значимости):

- работа жилищно-коммунальных служб – сроки, качество обслуживания жилья, состояние жилого фонда (внешний вид, коммуникации, состояние подъездов, лифтового хозяйства и т.п.);
- благоустройство города;
- состояние автомобильных дорог в городе – состояние дорожного полотна, разметки и т.п.;
- уровень дохода (самооценка уровня благосостояния);
- работа учреждений сферы здравоохранения в городе;
- состояние культурных учреждений (театры, кинотеатры, галереи, библиотеки), развитие системы образования;
- объем жилищного строительства в городе;
- работа общественного транспорта,

при этом финансовая грамотность населения может рассматриваться, как составляющая показателей «уровень дохода» или «развитие образования».

В настоящее время на уровень финансовой грамотности населения значительное влияние оказывает процесс урбанизации российских городов с преобладанием крупногородских форм поселений. Большие и сверхбольшие города, характеризующиеся миграционным и естественным приростом населения, являются центрами развитой экономической и социальной инфраструктуры, источниками занятости и досуга.

В крупных городах выше обеспечение безопасности населения, организована доступность получения качественного образования и высокотехнологических услуг здравоохранения, больше возможностей получения высокооплачиваемой и интересной работы, и, как следствие – повышение реальных доходов и рост качества жизни населения, что оказывает существенное влияние на уровень финансовой грамотности населения. С другой стороны, в процессах урбанизации, связанных с необходимостью социальной адаптации мигрантов, социально-экономические проблемы обостряются практически во всех сферах жизнедеятельности городского населения, что приводит к возникновению очагов социальной напряженности, а также снижению качества жизни и оказывает негативное влияние на повышение уровня финансовой грамотности населения.

С учетом изложенного, представляется целесообразным в Российской Федерации установленным порядком организовать многоуровневый мониторинг качества жизни населения:

- качество жизни населения Российской Федерации;
- качество жизни населения региона Российской Федерации;
- качество жизни населения городов Российской Федерации (с населением свыше – и ниже 500 тыс. чел.);
- качество жизни населения сельских поселений Российской Федерации, при этом в систему показателей мониторинга качества жизни внести показатель финансовой грамотности населения.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".
2. Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам России от 24.09.2009 г. №09-237/пз «Об утверждении основных направлений деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения».

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Оборский А.Ю.

доцент Департамента социологии, канд. филос. наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

В статье рассматривается цель и назначение науки как социального института, ее функции и признаки. Представлен процесс когнитивной и социальной институционализации. Приведены примеры неформального объединения ученых для решения различных проблем.

Ключевые слова: наука; социальный институт; когнитивная институционализация; социальная институционализация; научное сообщество.

Наука представляет собой не только системное знание о бытии, вид человеческой деятельности, элемент культуры общества, но и социальный институт. Несмотря на то, что она является историческим продуктом длительного развития человеческой цивилизации, как социальный институт наука возникает только в XVII в. в связи с потребностями зарождающегося капиталистического производства.

В системе общественного разделения труда наука в качестве социального института закрепила за собой специфические функции: нести ответственность за производство, экспертизу и внедрение научно-теоретического знания. Как социальный институт, наука включает в себя не только систему знаний и научную деятельность, но и научные отношения, научные учреждения и организации.

Термин «институт» (лат. institutum – установление, устройство, обычай) означает действующий и вплетенный в функционирование общества

комплекс норм, принципов, правил, моделей поведения, регулирующих деятельность человека в определенной сфере.

Понятие «социальный институт» стало входить в научный обиход благодаря исследованиям западных ученых, в частности американского философа и социолога Р. Мертона. Социальный институт представляет собой совокупность норм и учреждений, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Социальные институты организуют человеческую деятельность в определенную систему ролей и статусов, устанавливая образцы поведения людей в различных сферах общественной жизни.

В современной науке данный термин достаточно часто употребляется в широком и узком смыслах слова. В широком смысле социальный институт понимается как социальная система, действующая на основе своих установлений, занимающая значительное место в жизни общества и выполняющая важные социальные функции. В узком – как родственные по деятельности учреждения, организации.

Социальные институты упорядочивают, координируют множество индивидуальных действий людей, придают им организованный и предсказуемый характер, обеспечивают стандартное поведение людей в социально-типичных ситуациях. Их изменение и развитие в ходе истории характеризуется социальной институционализацией, под которой понимается процесс учреждения каких-либо новых социальных институтов, а также правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений в виде закона или социальной нормы, т.е. процесс формализации деятельности и общественных отношений, переход от неорганизованной деятельности и неформальных отношений по типу соглашений и переговоров к созданию организованных структур, предполагающих иерархию, властное регулирование и регламент.

К важнейшим признакам социального института (в том числе и научного) можно отнести: систему норм, стандартов, процедур определенного вида деятельности; систему ценностей и ценностных ориентаций; социальный статус; наличие организаций и их структуру; способ реагирования на внешние вызовы; систему поощрений и наказаний; комплекс выполняемых социальных функций; наличие средств, обеспечивающих функционирование института.

Цель и назначение науки как социального института – производство и распространение научного знания, разработка средств и методов исследования, воспроизводство ученых и обеспечение выполнения ими своих социальных функций.

Наука как социальный институт имеет собственную разветвленную структуру и использует как когнитивные, организационные, так и моральные ресурсы и может включать в себя следующие компоненты: ученых с их знаниями, квалификацией и опытом, разделение и кооперацию научного труда, наличие специфических познавательных целей и задач, формы контроля, экспертизы и оценки научных достижений, четко налаженную и эффективно действующую систему научной информации, существование определенных

санкций, научные организации и учреждения, научные школы и сообщества, экспериментальное и лабораторное оборудование и др.

Специфика формирования науки как социального института состоит в том, что социальной институционализации науки исторически предшествует процедура когнитивной институционализации, заключающейся в формировании единого понимания того, какими должны быть содержание и форма научного мышления, какова специфика собственно научной познавательной деятельности, какие темы, проблемы, программы могут называться научными, наконец, кого можно называть ученым.

Когнитивная институционализация, которая началась еще в XVI – XVII вв. и способствовала формированию научных направлений и научных сообществ, стала основой и для социальной институционализации.

Процесс социальной институционализации идет по цепочке научное направление – специальность – дисциплинарное сообщество и заканчивается созданием специальных организаций и учреждений, прежде всего научно-исследовательских и высших учебных заведений. В них особая группа людей осуществляет согласно определенным правилам деятельность, направленную на получение научного знания и его передачу последующим поколениям. Указанное объединение людей, выбравших для себя науку как род профессиональной деятельности, получило название «научное сообщество» [1, с. 587], которое может быть истолковано как сообщество всех ученых, специалистов в той или иной области знания научной дисциплины, как группа ученых, работающих над какой-то одной проблемой.

Основными признаками научных сообществ являются: ученые едины в понимании предмета, целей, задач, направлений деятельности, а также места и роли своей науки; члены сообщества руководствуются общими критериями, правилами, методами обоснования, доказательства, проверки научного знания, т.е. наличием определенного познавательного универсализма; члены научного сообщества придерживаются одной теории или научной парадигмы, позволяющей консолидировать их усилия и добиваться лучших результатов; научное сообщество поддерживает и создает единый этос науки, т.е. систему внутренних норм поведения идеалов, что позволяет устанавливать не только нормальные межличностные отношения, но и обеспечивает продуктивную научную коммуникативность внутри сообщества; научное сообщество выступает как коллективный субъект познания, дает согласованную оценку результатам научной деятельности.

В ходе профессиональной деятельности под влиянием внутренних и внешних факторов научное сообщество организуется в виде групп различных уровней, которые структурируются формальным либо неформальным способом. К группам, созданным формальными методами, относятся научные коллективы, работающие в одном месте и объединяющиеся, как правило, для выполнения конкретной работы.

Существует также неформальное структурирование и объединение научных групп. Структурирующим началом здесь является естественная консолидация ученых вокруг исследуемого ими предмета, научной темы. Устой-

чивыми объединениями ученых, сформировавшимися на неформальной основе, являются, например, неформальные исследовательские группы.

Достаточно ярким примером неформальных объединений ученых можно считать так называемые фабрики мысли (think tanks) – мобильные научно-исследовательские сообщества экспертов, осуществляющие научную деятельность творческого характера с большой степенью самостоятельности, со временем превратившиеся в мощные интеллектуальные центры.

Данные научные объединения являются самоорганизующимися системами с высокой степенью самостоятельности, которые оказывают сильное влияние на социально-политические процессы в обществе. Фабрики мысли, созданные после Второй мировой войны, стремительно расширили исследовательское поле: от выполнения научно-технических проектов к исследованию многофакторных головоломок любого типа. Корпус исследователей приступил к решению нового класса задач, связанных прежде всего с социогуманитарным моделированием, проявил интерес к идеям футурологии, исследованию исторических горизонтов, перспективам долгосрочного планирования и вообще к занятиям глобальной проблематикой.

Одной из первых «фабрик мысли» стала корпорация «РЭНД» (RanD – Research And Development – исследование и развитие), созданная в 1948 г. как независимый научно-экспертный институт. Для примера можно выделить следующие отличительные черты деятельности корпорации РЭНД [2, с. 15-19]: направленность деятельности не на производство нового знания, материального продукта, а на содействие тем, кто принимает решения в результате использования зачастую уже имеющегося знания, т.е. социализация знания; «фабрики мысли» представляют собой мостик между «знанием и властью», они – посредники наукоемкого менеджмента, имеющие связи одновременно с правительственными ведомствами, с академическими центрами – производителями новых знаний.

«Фабрики мысли» принимают участие в выработке целей и общего направления развития, предопределяя тем самым конкретные программы исследований, которые в дальнейшем будут осуществляться в других, специализированных научных центрах; дают возможность для научного персонала сосредоточить все свои усилия на научно-исследовательской деятельности, не отвлекаясь ни на преподавание, ни на управление производством, ни на погоню за прибылью. Им доступна важнейшая секретная информация государственной важности, что имеет решающее значение для построения реалистических прогнозов. Структурная независимость в процессе работы через создание условий диверсификации финансирования сочетается с самостоятельностью в выборе проблематики, подвижностью организационной структуры, способностью «фабрик мысли» организовать комплексное исследование по совершенно неожиданной проблематике.

Следует заметить, что, несмотря на возрастающую роль коллективов, базовой единицей научной деятельности является все же ученый как индивидуальный субъект научного познания. И хотя научный результат часто создается сегодня коллективными усилиями, именно ученый остается субъектом

научной аргументации, принятия решений, личной ответственности за свою научную деятельность.

Еще одной характеристикой как формальных, так и неформальных групп ученых можно считать научную традицию, представляющую собой устойчивую совокупность навыков мастерства, тонких методологических предпочтений, фундаментальных теоретических убеждений и т.п., позволяющую ее носителям эффективно продвигать научное познание. Научные традиции, как правило, существуют достаточно длительно, они постоянно воспроизводятся благодаря вхождению в их русло новых поколений исследователей. Но при этом традиция является обновляющимся когнитивным комплексом: ее жизнеспособность как раз зависит от того, насколько она умеет сохранять и использовать свои лучшие эвристические способности (являющиеся как бы ядром традиции), сочетая это с открытостью, возможностью постоянного роста и совершенствованием. Научные традиции, имеющие известную историю, заботливо передаются, транслируясь по каналам тесного научного общения (через образование, наставничество).

Научная традиция персонализируется в виде научной школы – конкретного научного сообщества, связанного, как правило, с определенным научным центром (университет, кафедра). Научная школа консолидируется вокруг плеяды крупных ученых, одни из которых стоят во главе ее, другие, олицетворяющие собой достижения новых поколений, как бы отмечают последующие вершины ее исследовательской деятельности. Традиции серьезной научной школы имеют не только собственно познавательное, но и важное культурное значение.

Следующим этапом в развитии институционализации науки являлось образование научных коллективов на междисциплинарной основе, которая обеспечивает появление новых открытий на стыках различных областей знания. Междисциплинарность утверждает установку на синтез знания в противоположность дисциплинарной установке на аналитичность. Она также содержит в себе механизм «открывания» дисциплин друг для друга, их взаимодополнения и обогащения всего комплекса человеческих знаний. Причиной этому послужило усиление интеграционной тенденции в развитии науки, образование «стыковых» проблем различных дисциплинарных наук и необходимость их разрешения усилиями ученых разных специальностей. Ситуация породила новые следствия. Во-первых, необходимость проникновения «дисциплинариев» в тайны и специфику другой научной дисциплины. Во-вторых, создание нового междисциплинарного понятийного аппарата. В-третьих, создание нового, «гибридного» научного коллектива, что было немыслимо для научных школ. Перечисленные формы научного сообщества были вызваны к жизни прежде всего внутренней логикой развития самого научного знания.

Взаимодействие ученых, способствовавшее превращению науки в социальный институт, тесно связано с изменением, утверждением и развитием коммуникационных отношений в научных сообществах. Поэтому потребность в создании системы научной коммуникации носит для науки насущный характер.

Коммуникационная система в науке выполняет следующие функции: удовлетворение потребности в обмене информацией, способствование увеличению объема информации и расширению информационного поля, получившего глобальный характер, облегчение ученым доступа к информации, экономия времени на ее поиск, способность выходить за пределы дисциплинарной научной парадигмы и находить ответы на возникающие вопросы в содержании теорий других дисциплин и стимуляция ученых к соревнованию и соперничеству, что обостряет проблему приоритета в достижении научной цели или решение какой-либо научной проблемы.

Поскольку циркуляция информации играет огромную роль в обществе, то и сам феномен научной коммуникации в последние десятилетия является темой интенсивных исследований. Наиболее распространенным является подход, при котором принято выделять формальный (печатная продукция и приравненные к ней сообщения) и неформальные (личное общение) типы научной коммуникации.

Основой формальной коммуникации является научная статья, опубликованная в специализированном научном журнале. Именно эта форма научной коммуникации с середины XIX в. стала основной единицей научной информации, позволяющей оперативно сообщать о достижениях науки.

Отбор публикаций для печати производится на основе двух научных критериев – корректности и плодотворности. Корректность в данном случае является достаточно широким понятием, включающим в себя такие показатели, как теоретическая строгость, логическая стройность, достоверность фактов, стиль публикации, ее нравственное содержание и т.д. Плодотворность характеризует новизну, оригинальность, теоретический уровень и практическую или методологическую значимость публикации. Отсюда большую роль играют отбор авторитетных рецензентов и само рецензирование публикации, ее обсуждение в научном коллективе.

В современном научном дискурсе, кроме статьи, популярность приобретают рефераты, анонсы, краткие сообщения, а в динамично развивающихся областях ввиду колоссального накопления информации и обзоры, преследующие цель – привлечение внимания к наиболее значимым публикациям в огромном массиве научной литературы.

Кроме того, к формам коммуникации могут быть отнесены тематические сборники, монографические статьи, индивидуальные и коллективные монографии, учебники, учебные пособия, хрестоматии и др. Массивы публикации связаны между собой в сеть, вертикально и горизонтально, что облегчает постоянную критическую экспертизу содержания, благодаря которой сообщество превращает идеи, гипотезы и результаты в тот продукт, который и является целью науки.

Значительную роль в науке играет и неформальная коммуникация, представляющая собой совокупность личных связей и каналов коммуникации ученых. Например, у каждого исследователя, как правило, есть его личные эксперты и консультанты, которым он больше всего доверяет (часто они не являются его формальными сотрудниками или даже относятся к другой специальности).

В результате компьютерной революции возможности каналов коммуникации значительно расширились, а главное, обновились качественно. Совершенно новые возможности появились с образованием сети Интернет. Однако с ростом возможностей возникли и проблемы. Специалисты отмечают появление в Интернете низкокачественной научной или околонушной продукции, вводящей в заблуждение читателей. Но, несмотря на огромный прогресс технических средств, в научной коммуникации продолжает играть большую роль личное общение ученых, непосредственное обсуждение научных проблем.

Характеризуя науку как социальный институт, следует отметить, что она выполняет ряд функций: становится непосредственной производительной силой, обеспечивающей и стимулирующей непрерывный процесс формирования и развития нового знания, а также его техническое применение; осуществляет оценку значимости того или иного открытия, сделанного как отдельными учеными, так и исследовательскими коллективами; переводит личные достижения того или иного ученого в коллективное достояние; систематизирует с помощью вербальных текстов (монографии, статьи, учебники, словари и т.д.) полученные теоретические и технологические знания, выступая в роли централизованной социальной научной памяти, не зависящей от сроков жизни отдельных ученых; осуществляет трансляцию полученных знаний на все сферы социальной жизни и виды деятельности; осуществляет контроль за подготовкой научных кадров в соответствии с принципами научной этики и выполняет образовательную функцию.

Список литературы

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 587.
2. Диксон П. Фабрики мысли. М., 2004. С. 15-19.

ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ И ПРОПАГАНДЫ

Плеханова О.В.

доцент кафедры художественно-эстетического образования и рекламы,
канд. ист. наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Россия, г. Рязань

В статье анализируются особенности политического плаката как средства политической рекламы. Рассматриваются сферы его применения: митинги, демонстрации, выборные кампании. Дается оценка эффективности его применения в политической сфере. Указываются художественные средства воздействия плаката на человека.

Ключевые слова: политическая реклама, политический плакат, пропаганда, психологическое воздействие, выборная кампания, эффективность воздействия, искусство.

Стремительные изменения, происходящие в российском обществе в последние десятилетия, распространение современных экономических условий на политику – все это требует переосмысления ситуации в сферах деятельности, неразрывно связанных с общественным сознанием, в частности в

тех из них, где деятельность осуществляется в условиях конкурентной борьбы. К таким сферам деятельности относится и политическая реклама.

Политическая реклама использует различную полиграфическую продукцию, наиболее популярным видом которой является политический плакат. Политический плакат выполняет основную роль в борьбе за власть: он разговаривает с избирателем в отсутствие кандидата. Современные политические плакаты многофункциональны: они выполняют рекламную, агитационную, информационную, справочную функции. Политический плакат представляет собой единичное произведение искусства, лаконичное, броское изображение с кратким текстом, выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях [2, с. 124].

В советский период плакаты были очень распространены на стройках, в колхозах, на крупных промышленных предприятиях. Плакат был отражением их жизни и происходящих в ней перемен. Конечно, не все советские плакаты объективно описывали существующую реальность, так как в основном они несли в себе политический смысл и убеждали советский народ в правильности избранного пути. Особую значимость и актуальность плакаты приобрели в годы Великой Отечественной войны. Уже в первые годы войны появился один из самых известных плакатов военных лет «Родина-Мать зовет!» И. Тоидзе. Плакат несет важное психологическое содержание, изображенного на нем образа – в выражении взволнованного лица простой русской женщины, в ее призывающем жесте. Советский военный плакат, как органическая часть общенародной борьбы, отвечал своему назначению: он был оружием, бойцом в строю, одновременно и достоверным документом и хранителем памятных событий военных лет.

Новая история политического плаката пришла на 1990-е гг., когда в стране стали формироваться демократия, многопартийность, плюрализм. В настоящее время формируются новые речевые и визуальные стили наружной политической рекламы. Появляется много новых каналов коммуникации, но политический плакат своего значения не теряет. Он является одной из самых действенных форм политической агитации и отражает с помощью изобразительных средств политические задачи и лозунги. Изображения на современных плакатах воспроизводятся полиграфическим способом. Пространство плаката используется без каких-либо сложностей: в центре расположены наиболее значимые фигуры, а на периферии менее значимые [3, с. 146]. В современном предвыборном плакате отсутствует и динамика сюжета.

Политический плакат ориентирован преимущественно на эмоциональное воздействие, в его основе – зрительный образ, метафора. В плакате главное – изображение. В политическом плакате вербальная составляющая – лозунг, призыв, выражение общественной симпатии или антипатии. Действие рекламного заряда плаката рассчитано на длительное время и многократное использование. Композиция плаката должна быть четкой, ясной, схематичной. Плакат должен быть быстро читаемым. Мысль излагается кратко, телеграфно, емко. Шрифт следует выбирать достаточно четкий.

Плакат должен быть общедоступен. Это касается его размещения – в тех общественных местах, где его увидят максимальное количество людей,

кроме того, он должен быть вывешен с таким расчетом, чтобы попасть в поле зрения этих людей. Плакат должен быть понятен. Плакаты могут быть презентационными, информационными, портреты, программные. Презентационный знакомит избирателя с кандидатом. Он должен содержать фотографию кандидата. Здесь же должны быть фамилия, имя и отчество кандидата и краткая информация о том, на какую должность претендует данный кандидат. На презентационном плакате должен быть основной лозунг избирательной кампании.

Информационные плакаты изготавливаются по наиболее важным событиям избирательной кампании, чтобы в контексте с этим событием еще раз выигрышно напомнить о кандидате. Информационные плакаты можно начать использовать задолго до выборной кампании.

Плакат-портрет – наиболее известный и популярный вид плакатов. В своих предвыборных кампаниях его используют все кандидаты. Фотография на плакате должна нравиться большинству избирателей.

Программный плакат у отдельных кандидатов встречается реже. Чаще можно встретить плакат с основами программы блока или партии. Такие плакаты имеют привлекательный цвет фона и крупные буквы. Размещения политических плакатов должно осуществляться в соответствии с требованиями Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6].

Политические плакаты способствуют формированию установок, идей, этических принципов, убеждений и стереотипов, однако их главной функцией является склонение зрителя к действию. Глубина, сила реакции избирателей на политическую рекламу зависит от степени идентификации с теми идеями, которые в ней содержатся.

Политический плакат является средством политической рекламы и пропаганды. Средства его изготовления весьма совершенны, поэтому политический плакат можно считать самостоятельным направлением в искусстве [1, с. 146]. Пропагандистский потенциал плаката используют при решении вопросов консолидации общества и снятия психологической напряженности у населения, в информационной войне с терроризмом. Существует мнение, что плакат, заключенный в четкие рамки, упрощает действительность законченностью формы [5, с. 146]. Можно отметить, что политический плакат выполняет вспомогательную функцию по отношению к основным источникам информации, создавая иллюзию самостоятельности выбора позиции у реципиента.

В настоящий момент, развитие плакатного искусства происходит в двух диаметрально противоположных направлениях. Первое направление, предназначенное в большей степени для широких масс, отличается очевидной навязываемостью формулировок, отход от стилистических канонов, примитивность технического исполнения. Второе – характеризуется изменением целевой аудитории и переходом плакатного творчества в разряд элитарной культуры. Сфера практического применения политического плаката достаточно обширна. Это демонстрации, митинги, места массовых скоплений людей и пространство улицы.

Эффективность политического плаката выражается в том, насколько он справляется со своей политической задачей вносить те или иные изменения в поведение людей [4, с. 90]. Эмоциональные методы воздействия в политическом плакате значительно преобладают над рациональными. Это позволяет ему внедрять рекламную информацию в сознание зрителя быстро и эффективно, способствует запоминанию и узнаванию, идентификации облика кандидата, выделению его из общего фона политических лиц. Вместе с тем, плакат не настолько мобилен как листовка. Это в некоторой степени снижает эффективность его использования. Вместе с тем, несмотря на изменения, произошедшие в художественных средствах плаката, требованиях к нему, как к рекламному продукту, он в полной мере продолжает оставаться важным и эффективным средством политической рекламы.

Список литературы

1. Басков А.В. Идеологическое оружие. Поэтика и идеология агитплаката // Рекламодатель. 2012. № 11. С. 24-35.
2. Гольман И.А. Рекламное планирование. Рекламные технологии. Организация рекламной деятельности. М.: Гелла-Принт, 2004. С. 328.
3. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2011. 332 с.
4. Карпухин О.Э. Формирование масс. Природа общественных связей и технологии ПР. М.: Деловая книга, 2013. 306 с.
5. Маклюен М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 496 с.
6. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МАРКЕТИНГА НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ревазов В.Ч.

доцент кафедры философии и социально-правовых дисциплин, канд. пед. наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Россия, г. Владикавказ

Пилюева Д.Э.

доцент кафедры философии и социально-правовых дисциплин, канд. социол. наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Россия, г. Владикавказ

Чакалова В.Ш.

доцент кафедры социологии и социальной работы, канд. филос. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются направления влияния маркетинга на развитие информационного общества, вопросы спроса и предложения, неоднозначное отношение населения к влиянию маркетинговых технологий на сознание через СМИ и телеканалы.

Ключевые слова: предпринимательство, маркетинг, СМИ, спрос, предложение, потребление, экономика, потребители, бизнес.

Чрезмерно быстрое развитие маркетинга, по мнению многих учёных, способствует распространению таких «зол» современного общества, как корысть, расчетливость, искусственные желания, дефицит общественно-необходимых товаров, разрушение культуры, слишком активное политическое влияние бизнеса. Экономисты утверждают, что современное, быстро растущее предпринимательство потворствует активному интересу к «вещизму», а именно, тяге приобретать всевозможные новинки и совершенно неважно, что это (продукты, вещи или услуги). Подобная тяга губительна как для самого общества, так и для каждого человека в отдельности [1, с. 47]. Первое, на что обращает внимание большинство людей при встрече с незнакомым человеком – это "дрескот" как он одет: стильно или нет? Немного пообщавшись, формируется мнение о нём не по тому, что он из себя представляет, а по тому, что у него есть в материальном плане.

В современном мире, самым минимальным показателем нормальной и обычной жизни является наличие в семье хотя бы одной автомашины. Раньше подобное было роскошью, со временем стало привилегией состоятельных людей, теперь же это одна из основных необходимых потребностей. Утешает лишь то, что с течением времени «сглаживаются углы». Общество постепенно отходит от депрессий, кризиса, дефицита, а затем от свалившегося на него переизбытка различных (порою даже ненужных) вещей, товаров и услуг. Постепенно появляются веяния новой «моды». Некоторые люди теряют тягу к бесполезным новым покупкам. Они стараются довольствоваться не то, что «малым», а просто «нужным». Эти люди больше времени уделяют отдыху, своим родным, радуются повседневным вещам, нежели регулярным ненужным приобретениям. В это непростое, кризисное для нашей экономики время, такие люди находят радость и в том, что умеют обходиться «меньшим», потому что благодаря этому им намного легче устанавливать простые, человеческие отношения с другими людьми. Современных бизнесменов из сферы торговли винят в активном стимулировании спроса на товары, рассчитанные на индивидуальное потребление (дорогие авто и другая техника) в ущерб реальным общественным потребностям (влияние экологию окружающей среды) [2, с. 72].

Активное увеличение сбыта подобных товаров требует наличия некоторого объема услуг общественного характера, которых, как правило, не хватает. Один из самых известных экономистов современности, американец Джон Кеннет Гэлбрейт был крайне влиятельной фигурой в институциональной экономике прошлого и начала этого века. Он считал, что рост потребления автомобилей требует предложения, способствующего развитию улиц, автострад, служб регулирования движения, парковок и автостоянок. Необходимы также услуги предохранительно-защитного порядка со стороны полиции, дорожных служб, а также услуги больниц [5, с.91]. Стоит обратить внимание на то, что в наше время количество предлагаемых марок автомобилей,

а также количество выпускаемых авто, намного превышает то количество и качество услуг на содержание этих машин, которые общество может позволить себе на данный момент. В связи с этим мы имеем «пробки» на дорогах, экологическую проблему и разбитые дороги.

Американский экономист Гэлбрейт рассматривает индивидуальное потребление, как путь к «общественному дисбалансу» и «социальным издержкам». «Социальные издержки» по мнению экономиста, остаются где-то «в воздухе», т.к. ни производители, ни потребители не готовы взять эти выплаты на себя. Дж. Гэлбрейт считает, что необходимо найти способ для восстановления и защиты социального баланса между тем, что будет удобно отдельному человеку, и тем, что будет полезно для общества в целом [6, с. 64].

Выход Дж. Гэлбрейт видит в том, чтобы возложить выплаты всех издержек их производства на самих производителей. Производители в свою очередь могли бы учитывать это в цене производимого товара. В конечном счёте, если потребители сочтут, что в силу конечной цены, товар не соответствует ей, естественно спросом он пользоваться не будет и как следствие, фирма себя изживет, а ресурсы освободятся для другого производства, которое сможет совместить комфорт для индивидуального потребителя и блага для всего общества. Важно отметить, что население неоднозначно воспринимает влияние маркетинга: одна часть уверена, что маркетинг влечет за собой разрушение культуры, другая воспринимает данный процесс положительно, третья – старается не вникать в суть процесса. В отношении первой части возможно, это так и есть, потому что человеческие чувства регулярно подвергаются нападкам со стороны средств массовой информации и рекламы в частности. Интеллектуальные, познавательные, развлекательные программы прерываются рекламными роликами, в газетах может не быть постоянных рубрик, зато полосы с рекламой обязательно присутствуют. Что касается большинства глянцевого журналов – это уже сборник рекламы, да и в Интернете осталось немного сайтов, на которых можно отдохнуть от рекламы. Наверняка в рекламе нет ничего плохого, если рассматривать ее как "двигатель торговли," способ оповещения людей о том, что им нужно и где это можно найти, но на самом деле, реклама – то способ навязать человеку то, что нужно рекламодателю [3, с. 81].

На подобные заявления предприниматели реагируют довольно спокойно и говорят, что их рекламные ролики рассчитаны на целевую аудиторию, т.е. на телезрителей, которые заинтересованы в предлагаемой информации, они ее воспринимают положительно, а те кому неинтересно могут переключить канал или убрать звук. В качестве аргумента рекламодатели приводят пример того, что люди, покупающие журналы, которые соответствуют их интересам, редко жалуются на рекламу, размещённую в них, т.к. там рекламируют товары, продукты и услуги, соответствующие их интересам [4, с. 69].

То же самое показывает и наше исследование: по данным таблицы видно, что мнения разделились по поставленному вопросу, есть респонденты, большинство женщин (50,5%), которые обращают внимание на рекламу, и следуют советам рекламного ролика, отправившись в отрекламированный су-

пермаркет или бутик, или салон. Большинство мужчин (86,4%) могут проигнорировать рекламу и отправиться за покупками в ближайший магазин. Также есть часть респондентов – 5,0%, которые в принципе не обращают внимания на неинтересующую их рекламу, т.е. та часть населения, которой интересна рекламируемая информация, посмотрят и сделают выводы, другая же часть может либо вообще не смотреть рекламу, либо никак не реагировать.

Таблица

Таблица сопряженности: пол респондента - " Вы увидели рекламу по телевизору о скидках в супермаркете? Куда Вы отправитесь за покупками?"

			Вы увидели рекламу по телевизору о скидках в супермаркете? Куда Вы отправитесь за покупками?			Итого
			в ближай- ший мага- зин	в магазин давший ре- кламу	не обращаю внимание	
Пол респон- дента	мужской	Частота	38	5	1	44
		% в Пол респон- дента	86,4%	11,4%	2,3%	100,0%
	женский	Частота	42	49	6	97
		% в Пол респон- дента	43,2%	50,5%	6,3%	100,0%
Итого		Частота	80	54	7	141
		% в Пол респон- дента	56,7%	38,3%	5,0%	100,0%

Не секрет, что крупный бизнес имеет влияние на политическую власть. Существуют различные структуры, лоббирующие интересы различных табачных фабрик, пивных, спиртоводочных, нефтяных и газовых концернов, автомобильных заводов в ущерб социального баланса.

Современные структуры большого бизнеса небезосновательно обвиняют в «поглощении» СМИ – создании искусственной преграды для независимого и объективного освещения проблем в различных отраслях экономики и финансов.

Список литературы

1. Абрамашвили Г. Маркетинг. – М.: ЮНИТИ, 2010. С. 47.
2. Баркан Д.И. Основы маркетинга. – М.: ЮНИТИ, 2011. С. 72.
3. Басовский Л.Е. Маркетинг. Курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2009. С. 81.
4. Благоев В. Маркетинговые исследования. – М.: Финансы, 2011. С. 69.
5. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М., 1969. С. 91.
6. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. – М., 1976. С. 87.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Савченко К.Г.

студентка 2 курса магистратуры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», Россия, г. Калининград

В статье рассматриваются этнические стереотипы жителей Калининградской области. Стереотипы имеют разнообразную сферу своего бытования и оказывают как позитивное, так и негативное влияние на реализацию межкультурного общения. С одной стороны, стереотипы являются своего рода подсказками, помогающими сформировать суждения, предположения и оценки других людей, но с другой стороны, в основу этой генерализации может быть положен несущественный признак, что приводит к некорректному суждению, выводам, помехам и сбоям в межкультурном общении. Результаты исследования позволяют задуматься над многими аспектами проблемы трудовой миграции: социальными, межкультурными, межличностными.

Ключевые слова: стереотипы, этнические стереотипы, толерантность.

Взаимодействие между людьми как в рамках своей культуры, так и в межкультурной коммуникации строится в основном на знании стереотипов. Стереотипы имеют разнообразную сферу своего бытования и оказывают как позитивное, так и негативное влияние на реализацию межкультурного общения. Положительным является то, что стереотипы минимизируют усилия по обработке информации, поступающей из внеязыковой реальности, поскольку стереотипы суть генерализации опыта познания мира человеком. Стереотипы являются своего рода подсказками, помогающими сформировать суждения, предположения и оценки других людей [3]. Отрицательным же моментом может быть то, что в основу этой генерализации может быть положен несущественный признак, что приводит к некорректному суждению, выводам, помехам и сбоям в межкультурном общении.

Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Стереотип национальный (этнический) – схематизированный образ представителя какой-либо этнической общности, являющийся обычно упрощенным, иногда односторонним или неточным (искаженным) знанием о психологических особенностях и поведении людей другой национальности [2].

Представим результаты исследования этнических стереотипов жителей Калининградской области.

- Стереотипные представления калининградцев о соседних народах.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, русские составляют 86,4 % населения Калининградского региона, украинцы – 3,7 %, белорусы – 3,6 %, литовцы – 1,1 %, армяне – 1 %, немцы – 0,8 %, татары – 0,5 %, доля других национальностей в сумме – 2,8 % [1].

В 2012 году в Калининградскую область, по данным регионального управления Федеральной миграционной службы, приехало 17 тысяч трудовых мигрантов, из них 80 % – граждане Узбекистана [4].

Таким образом, Калининградскую область, без сомнения, можно отнести к многонациональным регионам России.

С целью изучения особенностей этностереотипов было проведено исследование с помощью методики Д. Кац и К. Брейли «Приписывание качеств». В нем принимали участие жители Калининграда и области, а именно женщины и мужчины славянских национальностей в возрасте от 18 до 65 лет. Respondентам предлагалось выбрать по 5 оценок – характеристик для каждой национальности.

По итогам проведенного исследования были получены следующие результаты. Белорусы награждались такими положительными качествами, как трудолюбие, отзывчивость, терпение, ответственность и приветливость. Украинцы – щедрые, отзывчивые, дружелюбные, веселые, любопытные.

Типичный представитель Литвы видится как скупой, осторожный, ответственный, жестокий, но дружелюбный. Армяне – очень эмоциональные, отзывчивые, добрые, приветливые и гордые. Немцы – терпеливые, хитрые, инертные, скупые, категоричные. Поляки в глазах жителей Калининграда спокойные, хитрые, талантливые, легкомысленные и инертные. Азербайджанцы – агрессивные, талантливые, отзывчивые, хитрые, добрые. Узбеки – спокойные, ленивые, хитрые, странные и веселые. Цыгане – агрессивные, спокойные, терпеливые, странные, хитрые. Евреи – спокойные, талантливые, хитрые, осторожные, подозрительные. Молдаване определяются как ленивые, инертные, скупые, подозрительные, странные. Казахи – щедрые, терпеливые, скупые, подозрительные, странные. Корейцы – эмоциональные, доверчивые, скупые, скрытные, любопытные. Чеченцы – агрессивные, эмоциональные, гордые, подозрительные, жестокие. Грузины – эмоциональные, отзывчивые, гордые, приветливые. Латыши – спокойные, щедрые, терпеливые, уступчивые, веселые. Таджики – агрессивные, эмоциональные, странные, инертные, осторожные. Киргизы – щедрые, дружелюбные, терпеливые, добрые, веселые. Эстонцы – щедрые, хитрые, скупые, скрытные, осторожные.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что по сравнению с чеченцами, казахами, молдаванами положительными качествами наделяются типичные представители двух славянских, а к тому же и православных народов: украинцы и белорусы. Образ латышей и киргизов также представлен положительными характеристиками, такими как щедрость и терпение.

- Уровень социальной дистанции жителей Калининградской области.

Для следующего этапа исследования использовалась «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса. Результаты проведенной методики показали отношение к тому или иному этносу. В современных социально-психологических и социологических исследованиях межэтнических отношений шкала Богардуса продолжает оставаться одним из самых популярных методов.

Глубокие позитивные чувства и искренний интерес представителей одной национальности к другой калининградцы чувствуют к немцам и евреям. К полякам, армянам, грузинам и азербайджанцам у местного населения отсутствует стремление к интеграции; также существует определенная напряжен-

ность и отношениях, не все представители этой национальности с искренним интересом и сочувствием относятся к другой. Стремление одного этноса целиком обособиться от другого, поддерживать по возможности только поверхностные, формальные контакты с его представителями происходит по отношению к узбекам, таджикам, киргизам и цыганам. Существует глубокая психологическая неприязнь людей данной национальности к другой национальности в целом, но не к конкретным, реально живущим и действующим ее представителям.

Приток трудовых мигрантов, в основном из Узбекистана и Таджикистана, в значительной степени изменил этнический состав региона. В ходе личного интервью выясняли отношение жителей Калининграда к переселенцам и мигрантам. Было опрошено более 200 респондентов в возрасте от 18 лет до 65 лет.

Таким образом, было выявлено, что у половины респондентов отношение к трудовым мигрантам негативное: либо не допускать в область, либо только в качестве туристов. В качестве коллег по работе их могут принять 21 % опрошенных, соседей – 6 %. Дружить с ними, то есть устанавливать близкие личные контакты, готовы меньше 1 % респондентов. Эти данные подтверждаются отрицательными ответами на вопрос «Возможен ли брак с представителем чужой религии?» (43 % респондентов). В области проживают в основном православные, значительно меньшее количество католиков и протестантов. Поэтому вопрос о другой религии воспринимался как вопрос о мусульманстве.

На вопрос «Изменяется ли наша область по национальному составу?», большинство ответило положительно. Чаще всего на улицах города калининградцы замечают узбеков (35 % опрошенных), таджиков (27 %), киргизов и казахов (около 24 %); на долю цыган, азербайджанцев и армян в сумме приходится около 12 %; остальные затруднялись с ответом. Некоторые респонденты отметили, что прирост населения за счет трудовых мигрантов, а не путем естественного прироста населения, может привести к культурным преобразованиям.

Достаточно высокий процент опрошенных (58 %), когда слышат на улицах города незнакомый язык, испытывают недовольство и раздражение.

С враждебным отношением со стороны нерусских переселенцев сталкивалось 8 % респондентов, которые в основном являлись очевидцами каких-либо конфликтов.

Результаты исследования позволяют задуматься над многими аспектами проблемы трудовой миграции: социальными, межкультурными, межличностными. Дети трудовых мигрантов посещают образовательные учреждения. Готовы ли педагоги, школьники и их родители к взаимодействию с ними? Как выстроить деловые и личные контакты? Готовы ли мигранты жить в соответствии с нормами и правилами, сложившимися в регионе?

Список литературы

1. Крысько, В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – 4-е изд. – М.: Академия, 2008. – 320 с.

2. Садохин, А.П. Культурология: теория и история культуры: учебное пособие / А.П. Садохин. – М: ЭКСМО, 2007. – 624 с. ИноСМИ [Электронный ресурс]. – Электрон, текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/infographic/20111220/180804661.html>, свободный.

3. ИноСМИ [Электронный ресурс]. – Электрон, текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/infographic/20111220/180804661.html>, свободный.

4. ФМС не знает о «потерявшихся в области» 16 тысячах гастарбайтеров [Электронный ресурс] // NEWKALININGRAD.RU: ежедн. интернет-изд. -2013. – 30 янв. – Электрон, текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.newkaliningrad.ru/news/community/1824228-fms-ne-znaet-o-poteryavshikhs-ya-v-oblasti-16-tysyachakh-gastarbayerov.html>, свободный.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИМУЛОВ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Терещенкова Е.В., Воронов К.А., Задойко А.В.

бакалавры 2 курса направления «Социология»,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Россия, г. Брянск

Шилина С.А.

доцент кафедры социологии и социальной работы, д-р социол. наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Россия, г. Брянск

В статье рассматриваются вопросы отношения студенческой молодёжи к спорту как механизму поддержания хорошей физической формы. С помощью социологического исследования методом анкетного опроса проанализированы стимулы поддержания этой формы, являющейся важной составляющей культуры современного социума.

Ключевые слова: физическая форма, культура, стимул, социологическое исследование, студенческая молодёжь.

В российском социуме на сегодняшний день актуальными являются вопросы культуры. Известный современный социолог П.Н. Киричёр пишет: «...культура берёт на себя роль эффективного механизма социальной регуляции, не допускающего или предупреждающего реальные или возможные сбои в различных сферах жизнедеятельности общества» [2, с. 13]. Этот механизм социальной регуляции предполагает и такой аспект, как физическая культура. Вопросы физического здоровья и красоты тела приобрели важность в современных условиях формирующегося нового отношения к самоощущению личности, её адаптации к стремительно меняющимся условиям существования, когда во главу угла ставится вопрос о приобретении высокого статуса, что проистекает в немалой степени и из того, как выглядит человек и в какой физической форме находится.

Чтобы рассмотреть тенденции отношения к физической культуре (и спорту) студентов, выявить стимулы и условия для поддержания хорошей фи-

зической формы, был проведён социологический опрос (методом анкетирования) в декабре 2015 года на 1 курсе отделения «Социология» Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (выборка сплошная). Социологическое исследование проведено Терещенковой Еленой Владимировной.

На вопрос «Какая у Вас физическая форма, по Вашему мнению?» предлагалось выбрать один вариант ответа из четырех респонденты женского пола выбрали 2 вариант ответа «хорошая» (50%) и 3 вариант – «средняя» (50%) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Какая у Вас физическая форма, по Вашему мнению?»

Мужчины единогласно выбрали вариант № 3 «средняя».

На вопрос № 2 «Как часто Вы занимаетесь спортом?» были предложены четыре варианта ответа, из которых нужно было выбрать один. Большая часть респондентов женского пола выбрала вариант «один-два раза в неделю» (62.5%), остальная часть – «каждый день» (37.5%) (рис. 2).

Мужчины единогласно ответили «раз в месяц».

К вопросу № 3 «Вы занимаетесь каким-нибудь видом спорта?» было два варианта ответа. Большая часть респондентов женского пола ответила «нет» (62.5%), оставшаяся часть ответила «да» (37.5%) (рис. 3). То есть наблюдается прямое соответствие между ответом на вопрос о частоте занятий спортом и о занятии определённым видом спорта.

Половина респондентов мужского пола ответила «да», соответственно другая половина ответила «нет» (рис. 4).

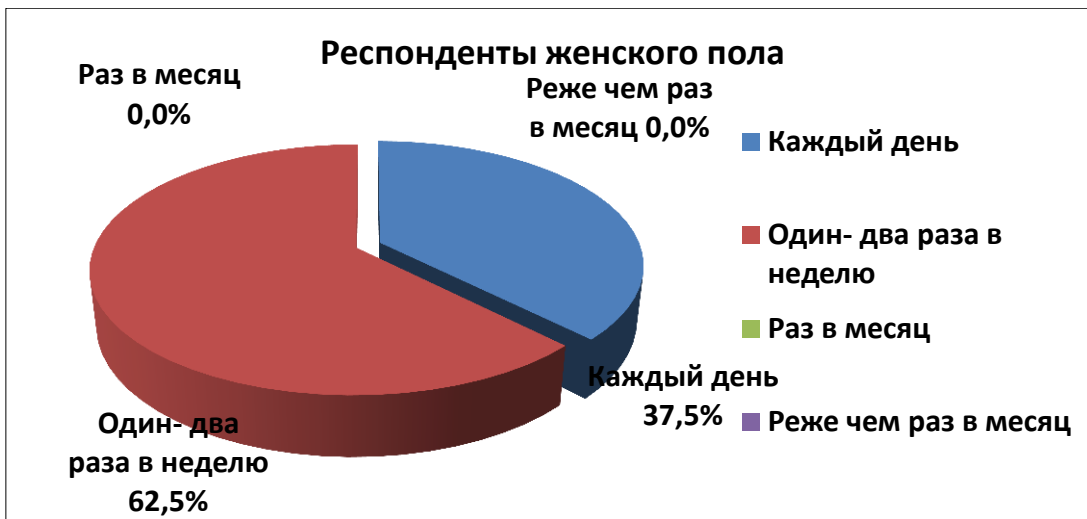

Рис. 2. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Как часто Вы занимаетесь спортом?»

Рис. 3. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Вы занимаетесь каким-нибудь видом спорта?»

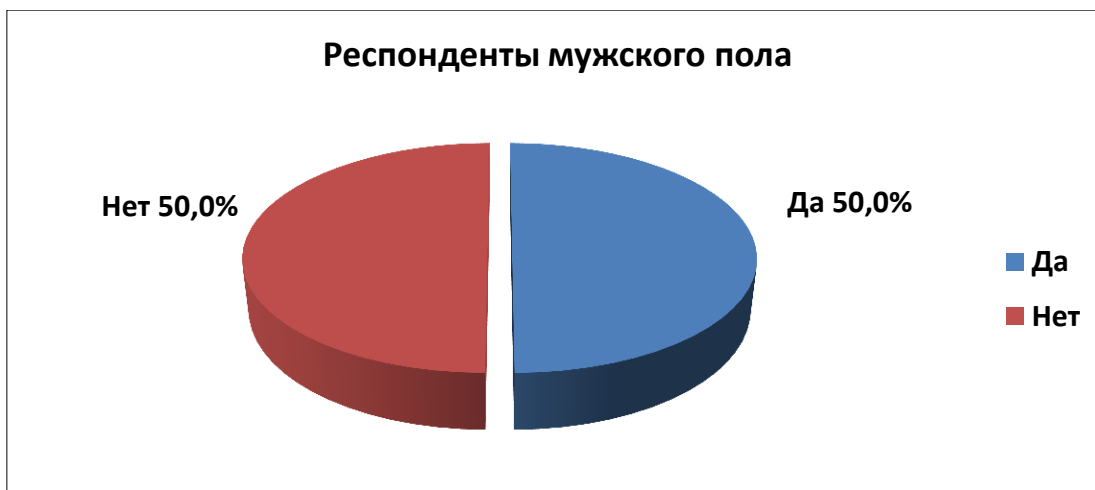

Рис. 4. Распределение ответов респондентов мужского пола на вопрос «Вы занимаетесь каким-нибудь видом спорта?»

На следующий вопрос № 4 «Чаще всего Вы занимаетесь спортом: а) один/одна; б) в паре; в) в группе?» предлагалось три варианта ответа. Респонденты женского пола одинаково занимаются спортом как одни, так и в паре – 37.5%, в группе предпочитают заниматься лишь 25% (рис. 5).

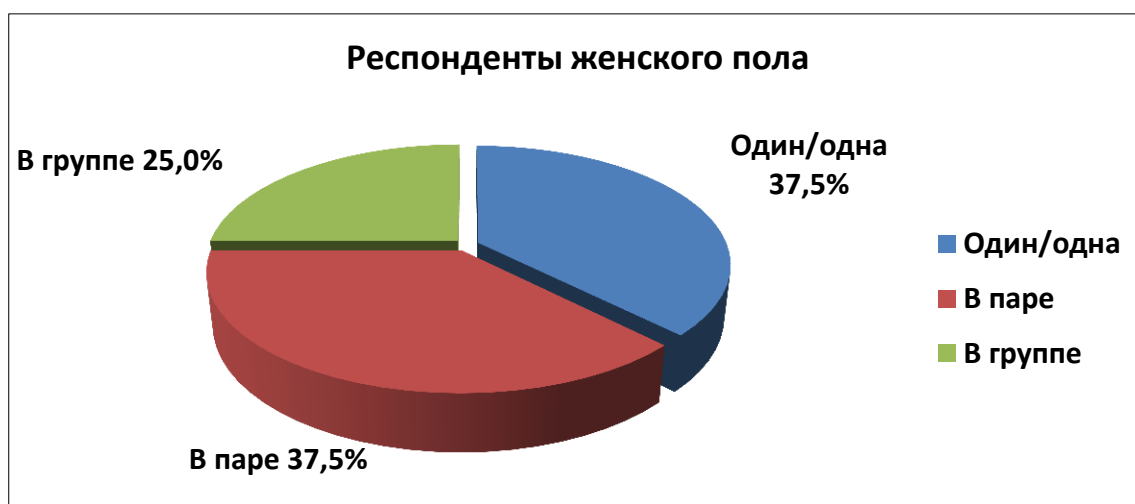

Рис. 5. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Чаще всего Вы занимаетесь спортом: а) один/одна; б) в паре; в) в группе?»

Респонденты мужского пола единогласно выбрали ответ «в) в группе».

На вопрос № 5 «Есть ли у Вас ограничения по состоянию здоровья?» большая часть респондентов женского пола ответила «нет» (62.5%), оставшаяся часть (37.5%) имеет ограничения по состоянию здоровья (рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Есть ли у Вас ограничения по состоянию здоровья?»

Из опрошенных респондентов мужского пола ограничения по состоянию здоровья есть у всех.

На вопрос № 6 «Принимаете ли Вы участие в соревнованиях по любому виду спорта?» ответы женщин были следующие: 75% опрошенных респондентов женского пола не принимают участия в соревнованиях, а 25% принимают участие время от времени (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Принимаете ли вы участие в соревнованиях по любому виду спорта?»

Половина респондентов мужского пола ответила «да», соответственно другая половина ответила «нет» (рис. 8).

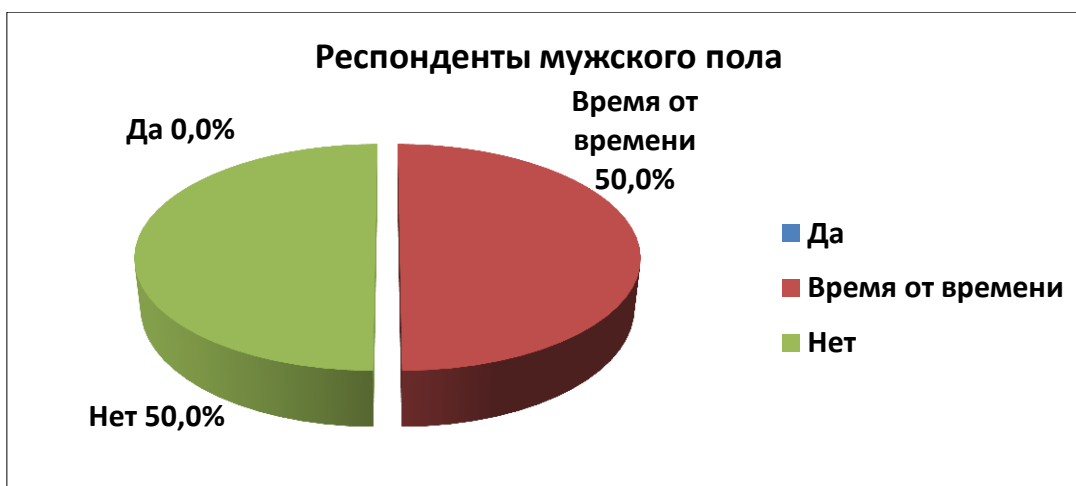

Рис. 8. Распределение ответов респондентов мужского пола на вопрос «Принимаете ли вы участие в соревнованиях по любому виду спорта?»

В вопросе № 7 «Едите ли вы рациональную пищу, чтобы поддерживать свою форму?» предлагалось три варианта ответа. Подавляющее большинство респондентов женского пола не обращает на это внимания (50%), 25% едят рациональную пищу, а оставшиеся 25% не едят (рис. 9).

Рис. 9. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Едите ли Вы рациональную пищу, чтобы поддерживать свою форму?»

Мнение респондентов мужского пола разделилось поровну между «да» и «нет» (рис. 10).

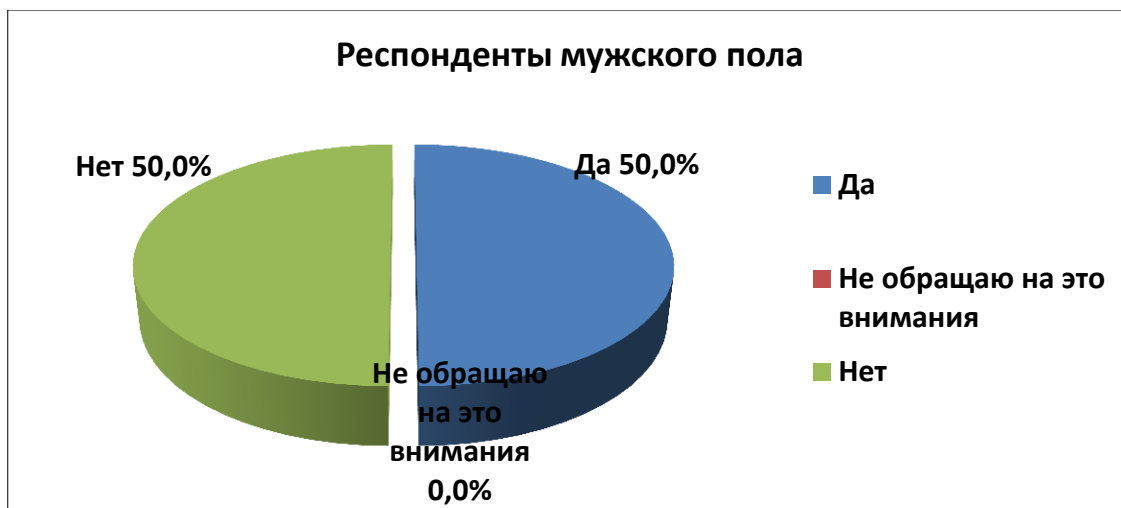

Рис. 10. Распределение ответов респондентов мужского пола на вопрос «Едите ли Вы рациональную пищу, чтобы поддерживать свою форму?»

На вопрос № 8 «Вы стараетесь улучшить свои спортивные достижения?» получены ответы: «да» 62.5% и «нет» 37.5% респондентов женского пола (рис. 11), а мнения респондентов мужского пола разделились поровну (рис. 12).

Вопрос № 9 «Почему Вы занимаетесь спортом?» требовал четыре варианта ответа. Респонденты женского пола чаще выбирали вариант «хочу поддержать свою форму» (37.5%) и «мне это нравится» (37.5%), оставшиеся (25%) занимаются спортом с целью похудения (рис. 13).

Рис. 11. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Вы стараетесь улучшить свои спортивные достижения?»

Рис. 12. Распределение ответов респондентов мужского пола на вопрос «Вы стараетесь улучшить свои спортивные достижения?»

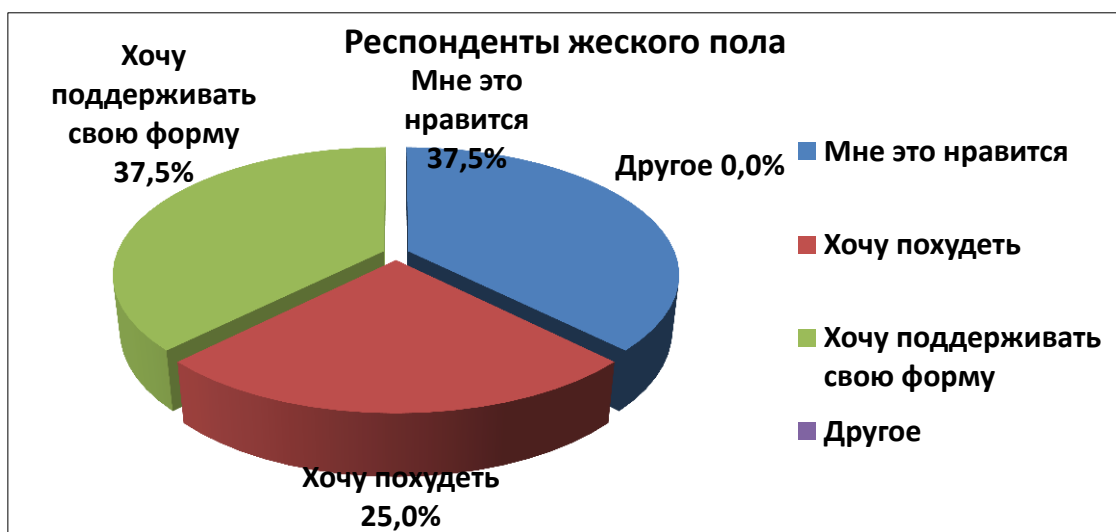

Рис. 13. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Почему вы занимаетесь спортом?»

Мужчины занимаются спортом, потому что им это нравится – 50% и 50% отдали предпочтение варианту «другое», не расшифровав этот ответ (рис. 14).

На вопрос № 10 «Считаете ли вы занятие спортом важной частью вашей жизни?» большинство респондентов женского пола ответило «да» – 62.5%, оставшиеся 37.5% ответили «нет» (рис. 15).

Все опрошенные мужчины не считают спорт важной частью своей жизни.

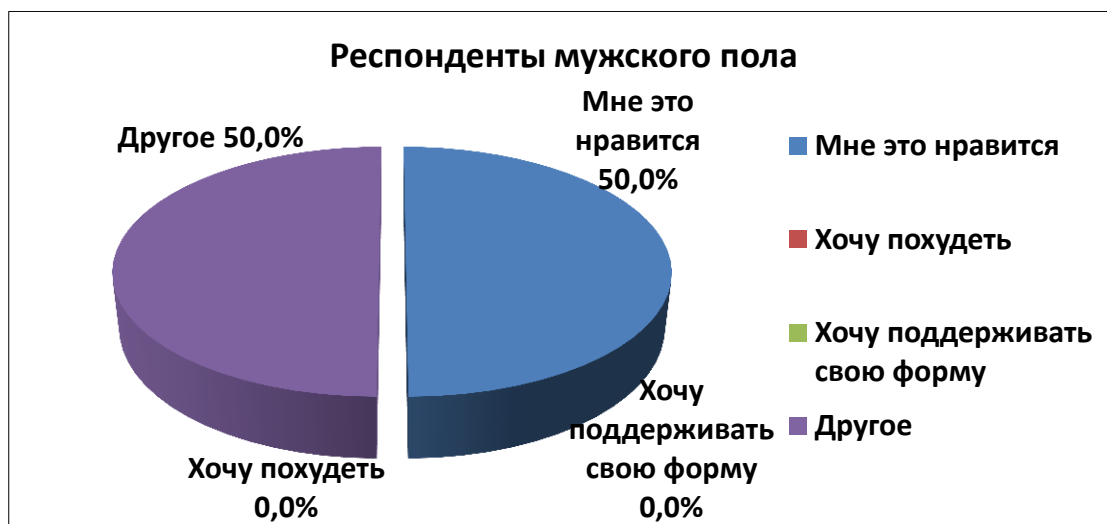

Рис. 14. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Почему Вы занимаетесь спортом?»

Рис. 15. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Считаете ли Вы занятие спортом важной частью вашей жизни?»

В вопросе № 11 «Какой у Вас любимый вид спорта?» требовалось указать свой вариант ответа. После изучения ответов был сделан вывод, что по 25% респондентов женского пола отдали предпочтение волейболу, бегу и гимнастике. Плаванью было отдано 12.5% голосов респондентов женского пола. Ответ «никакой» тоже выбрали 12.5% (рис. 16). У респондентов мужского пола любимыми видами спорта были лыжи и футбол – по 50%.

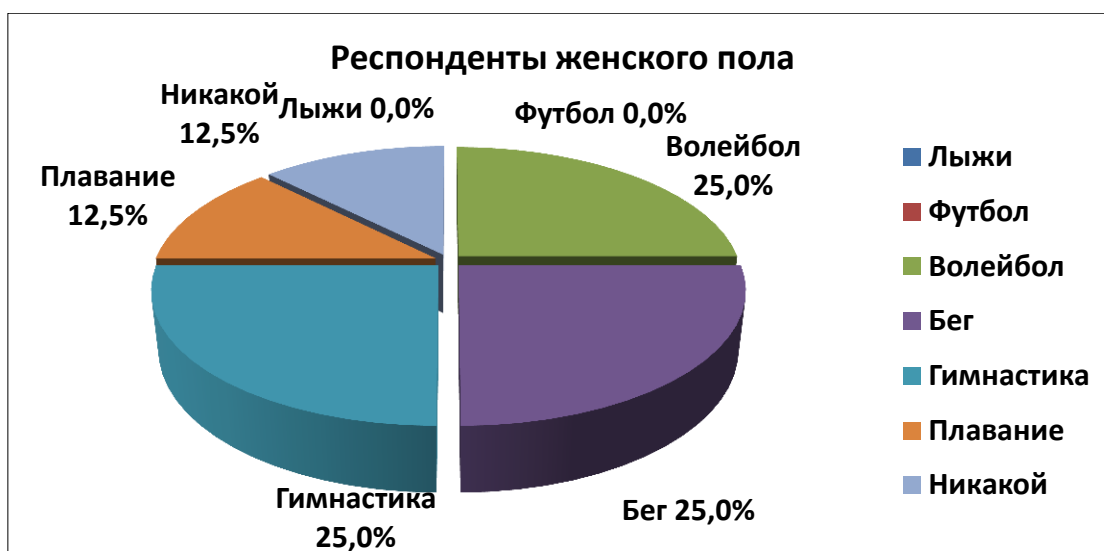

Рис. 16. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Какой у вас любимый вид спорта?»

Последний вопрос № 12 имел такую формулировку: «Смотрите ли Вы соревнования по этому виду спорта?». Результаты показали, что большая часть (75%) опрошенных респондентов женского пола не смотрят соревнования. Лишь 12.5% респондентов женского пола смотрят соревнования по любимому виду спорта (рис. 17).

Рис. 17. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Смотрите ли Вы соревнования по этому виду спорта?»

Все респонденты мужского пола смотрят соревнования по любимому виду спорта.

Итак, подводя итог социологическому исследованию, можно сделать следующий вывод: в рамках социологии тела находим понимание тела как «символического конструкта, репрезентирующего определённые качества человека» [1]. Личность, испытывающая на себе воздействие трендов общества потребления, вовлечена в процесс «конструирования своего тела, реализации его как проекта, успешность которого определяется степенью соответствия определённым социально заданным критериям и в значительной мере влияет на самооценку индивида, его положительное самоощущение в соци-

альном пространстве» [1]. Социологическое исследование в среде студенческой молодежи подтверждает данные выводы социолога.

Список литературы

1. Вдовина Т.В. Дискурс-анализ: методологические основания и перспективы применения в социологических исследованиях. Дисс... канд. социол. н. М., 2012.
2. Киричѐк П.Н. Информация в универсуме культуры: Монография. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2014. 312 с.

Подписано в печать 11.08.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 211
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а